«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

ORIENTALIA

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Oriental Manuscripts

Viacheslav Rybakov

THE T'ANG BUREAUCRACY

Part 2
Legal self-regulation

Volume 2

St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers
St. Petersburg
2015

Российская Академия наук
Институт восточных рукописей

Вячеслав Рыбаков

ТАНСКАЯ БЮРОКРАТИЯ

Часть 2
Правовое саморегулирование

Том 2

Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2015

УДК 343.2/.7 (094.4)
ББК Ч2 (5Кит)4

Издается при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-01-16002)

Утверждено к печати Ученым советом ИВР РАН

Рецензенты:
доктор ист. наук проф. *Е. И. Кычанов*, доктор ист. наук *И. А. Алимов*

Вячеслав Рыбаков. Танская бюрократия. Часть 2: Правовое саморегулирование. Том 2. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. — 416 с. (Orientalia).

Монография «Танская бюрократия. Часть 2: Правовое саморегулирование. Том 2» является продолжением многотомного монографического исследования «Танская бюрократия», первые два тома которого были опубликованы в 2009 и 2013 гг. при поддержке РГНФ.

Для реально работающей бюрократии ее идеальный образ как часть представлений об идеальном обществе в целом является основой должностной морали. Чтобы реальные управленцы могли осуществлять свои функции наиболее результативно, в первую очередь им же самим должны быть предложены культурой их высокопрестижные идеальные образы, задающие реальным управленцам моральные и функциональные ориентиры. В свою очередь, и наказуемыми по уголовному праву не могут не стать прежде всего именно наиболее вопиющие поведенческие отклонения от таких образов и ориентиров.

Идеальный образ управленца был задолго до Тан сформулирован конфуцианством. Традиционная конфуцианская мораль и обусловленное ею нормативное поведение имели три главных аспекта — верность семье и семейной иерархии, человеколюбие в его конфуцианской интерпретации (применительно к чиновничеству принимавшее вид квазисемейного попечения над подведомственным и подконтрольным населением и имуществом) и полный приоритет долга над выгодой, материальной заинтересованностью, корыстью. По этим трем аспектам и группировались основные уголовные законы, обеспечивавшие карательное воздействие на тех чиновников, кто по какому-либо из этих трех параметров оказывался не соответствующим высокому положению управленца.

ISBN 978-5-85803-486-5

© Вячеслав Рыбаков, 2015

© Институт восточных рукописей РАН, 2015

© Петербургское Востоковедение, 2015

Оглавление

Авторское предуведомление 7
Чиновник и утопия 9
Немного об утопиях 9
Роль управленцев 15
Представления о мотивациях 21
Проблема перспективы 47
Конфуцианский вариант 55
Чиновник и право 92
Идеальный член семьи 95
Неспецифические преступления 95
Злостная строптивость 96
Сыновняя непочтительность 97
Вражда 98
Нарушение долга 100
Модификация наказания применительно к чиновникам 100
Не входящие в *ши э* преступления 103
Уподобленные *ши э* преступления 104
Более легкие преступления 105
Специфически чиновничьи преступления 107
Идеально бережный по отношению к народу руководитель 113
Вовлечение в разврат 117
Подозрительные браки 120
Похищение людей 123
Имущественные преступления 126
Идеальный бессребреник 132
Общие замечания 132
Шесть присвоений 136
Грабеж 146
Кража 154
Взятки 161
Получение имущества в сфере полномочий 174
Незаконное присвоение 179
Присвоения, уподобленные прямым 182
Грабеж 183
Поджог 184
Хищение после драки 187
Хищение результатов физического ущерба, нанесенного при драке 188
Нанесение физического ущерба при коллективном совершении кражи 189
Похищение лично свободных людей 192

Похищение рабов 194
Кража. 196
Хищение подведомственного имущества 196
Хищение имущества у родственников 203
Запугивание 206
Сманивание рабов 212
Неравный брак. 216
Осведомленность стороннего лица об имущественном преступлении. 217
Корыстный обман 218
Корыстный подлог 223
Правонарушения в сфере торговли 226
Правонарушения в сфере животноводства 235
Сады и огороды 240
Горы и пустоши 245
Почтовые станции 246
Внешняя торговля 248
Халатность при досмотрах 252
Имущественная ответственность поручителя 256
Незаконные операции с общественным достоянием . . . 259
Корыстная аморальность как кража. 273
Взятка 279
Получение имущества в сфере полномочий. 300
Незаконное присвоение 310
Чистое перемещение 311
Управленческие погрешности 316
Злоупотребления на транспорте 328
Подкуп избирателей по-тански 336
Преступления, сопутствующие взяткам 345
Злоупотребления особыми возможностями 349
Недосмотры за животными. 365
Родственные нелады 367
Скупка краденого 370
Мошенничество 373
Правонарушения в сфере торговли 378
Непреднамеренный ущерб 381
Преднамеренный ущерб 390
Клады 394
Заключение 399
Указатель юридических терминов 410
Библиография 413

Авторское предуведомление

Я уже не раз отмечал, что уголовное право можно рассматривать как отражение в зеркале, перед которым общество охорашивается, но в котором правое непременно становится левым, а левое — правым. Как вывернутую наизнанку мечту государства о самом себе, о том, каким оно хочет стать и каким пытается стать. Как негатив парадного портрета [1]. Идеал дорастает до великого «не убий» и «не укради», а уголовное право толкует об убийцах и ворах, будто кроме них никого и на свете нет.

Пришло время поговорить об этом более обстоятельно.

Кому-то, вероятно, этот разговор покажется слишком пространным и для чисто востоковедного исследования — не вполне уместным и по тематике, и по тональности. Но длительность существования, значение, масштабность и неоднозначность такого явления, как управленческий аппарат, делают абсолютно необходимой попытку взглянуть на него с очень большой высоты и с подчеркнутым неравнодушием. В противном случае стремление ПОНЯТЬ неизбежно выродится в ничего не говорящее ни уму, ни сердцу перечисление малопонятных в силу своей архаики преступлений и полагавшихся за них ударов палками по мягким частям тела.

А ведь того, чего не переживаешь, ты и понять по-настоящему не в состоянии.

Разве проблема обеспечения мотивированности и эффективности бюрократии куда-то делась со времен династии Тан? Напротив, она стала еще более насущной, жгучей и, что греха таить, общемировой. Более того, она, на мой взгляд, неразрывно связана с перспективами человечества в целом. Именно поэтому мне, по крайней мере во вводной части настоящего исследования, было никак не обойтись без параллелей с современностью и экскурсами в современность. Возможно, по временам эти экскурсы грешат неакадемичной горячностью, но горячность эта — всего лишь блеклое отражение реальной раскаленности данной проблематики.

Здесь же считаю нелишним напомнить, что, как я уже предупреждал в «Предуведомлении» к предыдущему тому настоящего исследования, при цитировании отрывков из моего перевода «Тан люй шу и»,

---

[1] См., например: Рыбаков, 1999. С. 194; 2009. С. 480; 2013. С. 18.

в которых со времен его опубликования мною же обнаружены те или иные несоответствия китайскому оригиналу, я не буду специально оговаривать каждый случай исправления, за исключением тех крайне редких ситуаций, когда правка имеет принципиальный, обусловленный новым пониманием текста характер. Кроме того, некоторые приводимые мною цитаты из Кодекса будут незначительно трансформированы без изменения смысла — просто для удобства цитирования, с целью имитации легче понимаемой или более компактной, законченной, не оборванной и не с середины начатой фразы и в подобных случаях.

ЧИНОВНИК И УТОПИЯ

Немного об утопиях

За две с половиной тысячи лет европейская цивилизация породила мощный корпус разнообразных утопических произведений. Даже упомянуть их все здесь невозможно, да и не нужно. Для демонстрации основных тенденций и контрастов достаточно, как мне представляется, опереться лишь на три фундаментальных труда: «Государство» Платона (IV в. до н. э.), «Утопию» Томаса Мора (1516 г.) и «Город Солнца» Джиана Доменико (Томмазо) Кампанеллы (ок. 1602 г.; первая публикация — 1623 г.).

Видный польский социолог Ежи Шацкий в свое время не побоялся высказать очень важную мысль:

> Было бы... ошибкой оценивать утопии с точки зрения правильности содержащихся в них положений... Значение их не в этом. ...Утопии можно считать, с одной стороны, симптомами кризиса данной общественной организации, а с другой — признаками того, что в ней самой имеются силы, способные выйти за ее рамки... ...Без утопии нет прогресса, движения, действия. ...Уничтожить утопию может только преображение действительности, из отрицания которой она вырастает. Говоря парадоксально, преодолением утопии может быть только ее осуществление... [1]

Неверно думать, будто роль утопий исчерпывается тем, что некие не от мира сего мечтатели выдумывают некие модели, а потом люди, читая их описание, либо заражаются чужими мечтаниями и начинают претворять их в жизнь, либо, напротив, отворачиваются от них, в таком случае утопия остается невостребованной и может служить лишь как материал для размышлений будущих культурологов.

---

[1] Шацкий, 1990. С. 198—200. Он же, связывая возникновение термина «утопия» с сочинением Томаса Мора, заметил: «...Утопиями стали называть и более ранние произведения, например, „Государство“ Платона. Иногда даже утверждают, что всю утопическую литературу можно рассматривать как гигантский комментарий к этому знаменитому сочинению» [Там же. С. 19]. Но по вполне понятным причинам в поле рассмотрения ученого находились лишь европейские утопии.

На самом деле в утопиях культура осознает, о чем она мечтает.

Однако сама мечта начинает вызревать и ощущаться значительно раньше своей текстуальной фиксации. Она — неизбежный эмоциональный ответ на те или иные особенно раздражающие элементы социальной реальности, непроизвольный порыв к их ликвидации. И, как всякая мечта, мечта об улучшенном мире представляется естественной и заманчивой для того, кто мечтает, и при этом вполне может выглядеть нелепо, а то и чудовищно в глазах тех, кто мечтает о чем-то ином или не мечтает вовсе. Утопия — предельное выражение, квинтэссенция определенных предпочтений и вожделений данной и только данной культуры. И если утопия укореняется прочно и пропитывает культуру достаточно долго, то раньше или позже она реализуется, хотя, как правило, отнюдь не буквально.

Например, европейская цивилизация едва ли не с рождения больна идеей изъятия детей из семей и передачи их специалистам, профессионалам, которые, как не раз и не два постулировалось, сумеют воспитать куда лучших граждан, чем это делают родители — неопытные, малообразованные, несведущие в педагогике, невнимательные к нуждам подрастающего поколения, обуреваемые собственными низменными заботами и страстями. Концепцию эту варьировали на протяжении тысячелетий едва ли не все певцы социального совершенства — от древних эллинов до советских фантастов.

Именно эта навязчивая давняя идея прорвалась в современную западную реальность в виде ювенальной юриспруденции, но действительность показала, что отбирать всех детей у всех родителей было бы слишком бессмысленно и, главное, слишком накладно. Налогоплательщики бы этого не поняли. Современное государство не любит неприбыльных телодвижений. Но тем не менее оно зарезервировало за собой право по первому же сигналу, по сколь угодно малозначительному или даже просто иллюзорному поводу, обусловленному одной лишь идеологией (а то и сиюминутной политикой), вторгаться в жизнь семьи и судить, кому, когда и на каких условиях передать конфискованного у родителей ребенка. Не тверди многие поколения мечтателей о том, что государству лучше знать, как воспитывать детей, эта идея никогда бы не нашла юридического воплощения.

Или другой пример.

При всем уважении к социалистическим мечтаниям, понимании неизбежности и оправданности их возникновения трудно вообразить более бесчеловечные и деспотические общественные системы, чем те, что описаны, например, у Мора или Кампанеллы. Ни в какое сравнение с ними не идут поздние антиутопии Замятина, Хаксли или Оруэлла. Миров страшнее, чем те, что люди Ренессанса от всей души предлагали человечеству в качестве идеальных, людская фантазия, пожалуй, не создала.

И на фоне их вопиющей антигуманности одним из существеннейших свойств этих миров является узурпация права безапелляционно судить, какое из окружающих их соседних государств является неправильным, несвободным, тираническим, и по одной лишь этой причине военной силой «освобождать» их, принимаясь перекраивать их по своему образу и подобию.

Мор:

> ...Они не затевают войну зря, а разве только когда или сами защищают свои пределы, или же прогоняют врагов, или когда они жалеют какой-нибудь народ, угнетенный тиранией, — тогда своими силами они освобождают их от ига тирана и от рабства (это они делают из-за человечности). ...Но действуют гораздо более жестоко, когда купцы дружественных народов под предлогом неблагоприятных законов или же пагубного искажения хороших законов, где бы то ни было, под видом справедливости подвергаются несправедливому обвинению [2].
>
> ...Привлеченные этими их добродетелями, соседние народы, которые свободны и живут по своей воле (ибо многих из них утопийцы уже давно освободили от тирании), просят себе у них должностных лиц... [3]
>
> Отказавшихся жить по их законам утопийцы прогоняют из тех владений, которые предназначают себе самим. На сопротивляющихся они идут войной. Ибо утопийцы считают наисправедливейшей причиной войны, когда какой-нибудь народ сам своей землей не пользуется, но владеет ей как бы попусту и напрасно, запрещая пользоваться и владеть ею другим, которые по предписанию природы должны здесь кормиться [4].

Кампанелла:

> ...На том же острове находятся еще четыре царства, сильно завидующих их благополучию... Тамошнее население стремится жить по обычаям Соляриев и предпочитает быть под их властью, чем под властью собственных царей... [5]
>
> ...Победителями всегда выходят Солярии. Как только они подвергаются насилию... или призывают их (Соляриев. — *В. Р.*) на помощь

---

[2] Мор, 1978. С. 242—243. Ах, какая это неувядающе удобная формулировка: «под видом справедливости»! То бишь, что считаем справедливым не мы — заведомая несправедливость. Ну, а чужие законы — нам не указ, они заведомо либо неблагоприятны, либо искажены (то есть работают не в нашу пользу). Мы будем делать то, что соответствует нашей справедливости, то есть что хотим. Но любая попытка ограничивать нас по соображениям вашей справедливости — уже предлог для начала против вас военных действий. Звучит более чем современно, не правда ли? Сказку, как оказалось, можно сделать былью...

[3] Там же. С. 239.

[4] Там же. С. 192.

[5] Кампанелла, 1954. С. 76.

другие города, находящиеся под гнетом тирании... начинается война против нарушителей естественного права и религии [6].

Они охотно прощают вину и оскорбления своим врагам и, одержав над ними победу, оказывают им благодеяния. Если постановлено... казнить кого-нибудь из неприятелей, то это производится в самый день победы над врагами, после чего они (Солярии. — *В. Р.*) непрестанно оказывают им благодеяния, говоря, что целью войны является не уничтожение, а совершенствование побежденных [7].

Все имущество покоренных или добровольно сдавшихся городов немедленно переходит в общинное владение. Города получают гарнизон и должностных лиц из Соляриев и постепенно приучаются к обычаям Города Солнца... [8]

Не хочется опускаться до политической публицистики, перечисляя войны последних полутора-двух десятков лет, начатые ради освобождения кого-нибудь от какой-нибудь «тирании» наследниками той культуры, в лоне которой творили оба великих утописта. Не очень-то преуспев в реализации иных составляющих идеала, приходится год от году все настойчивей сосредотачиваться именно на этой, для «освободителей» столь же лестной, сколь и выгодной. Светивший евроатлантической цивилизации в течение многих веков пленительный образ ее самой окончательно заслонил для нее действительность. Не за горами, вероятно, и войны за территории, которыми, с точки зрения нынешних утопийцев, кто-то владеет «как бы попусту и напрасно».

Не хочется-то не хочется, но удивительно, что до сих пор находятся люди, публично утверждающие что-нибудь вроде:

Как правило, все войны начинают диктаторы. А побеждают в этих войнах либералы. Причина проста: солдаты либеральных стран защищают свою свободу. Солдаты диктаторских режимов вынуждены отстаивать свое рабство [9].

Похоже, некоторые мыслители как начитались в свое время чего-то вроде «Огонька» периода perestroyki, как зажмурились в восхищении, ослепленные сиянием вдруг открывшихся им наскоро сляпанных напыщенных истин, так и живут с той поры, не имея ни ответственности, ни порядочности, ни даже элементарного любопытства, чтобы хоть одним глазком взглянуть на реальный мир.

Не время и не место углубляться в мировую древность в поисках примеров, прямо и по всем пунктам опровергающих приведенное утверждение, — скажем, от Пелопоннесской войны до войны англо-бурской. Но уж с тех пор, как после катастрофической глобальной пере-

---

[6] Кампанелла, 1954. С. 76—77.
[7] Там же. С. 83.
[8] Там же. С. 81—82.
[9] Жуховицкий, 2011. С. 140.

стройки 1914—1918 годов возобладала идея спасения человечества прогрессом, все мало-мальски серьезные войны начинают, вне зависимости от политического устройства и способа правления, исключительно те, кто, во-первых, принадлежит к европейский цивилизации (или с максимально возможной успешностью модернизируется по ее примеру, как, например, Япония), а во-вторых, возомнил себя провозвестником будущего и счел, что в его силах навязать свою версию прогресса окружающим.

А вот еще вопрос денег и частной собственности.

Платон:

> ...Прежде всего никто не должен обладать никакой частной собственностью... [10]
>
> ...Ни у кого не будет ничего собственного, но все у всех общее. ...Никто не должен ничего приобретать... [11]

Мор:

> ...Любой глава хозяйства просит то, что надобно ему самому и его близким, притом без денег, вообще безо всякого вознаграждения уносит все, что только попросит [12].
>
> Оттого что здесь нет скаредного распределения добра, нет ни одного бедного, ни одного нищего. И, хотя ни у кого там ничего нет, все, однако же, богаты [13].
>
> Совсем уничтожив само употребление денег, утопийцы избавились и от алчности [14].
>
> Из этого обыкновения необходимо следует у этого народа изобилие во всем. И оттого, что оно равно простирается на всех, получается, конечно, что никто не может стать бедным или нищим [15].

Кампанелла:

> Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое у них общее [16].
>
> ...Община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми — потому что у них есть все, бедными — потому что у них нет никакой собственности... [17]

Реальное, объективно возникшее экономическое своеобразие европейской цивилизации исходно было в вопиющем противоречии с

---

[10] Платон. Государство. III 416d.
[11] Там же. VIII 543b.
[12] Мор, 1978. С. 193.
[13] Там же. С. 274.
[14] Там же. С. 276.
[15] Там же. С. 200.
[16] Кампанелла, 1954. С. 56.
[17] Там же. С. 71.

этой мечтой. Вероятно, оттого мечта и повторялась от утопии к утопии столь настойчиво (филиппики Руссо в адрес частной собственности; Прудон; да несть им числа). Именно чрезвычайно раннее и чрезвычайно интенсивное развитие товарно-денежных отношений еще с эллинских времен демонстрировало европейской культуре, помимо очевидно положительных, все безобразные черты подобного уклада. Но именно в Элладе, встав на товарно-денежный путь, — во многом просто благодаря ландшафту, мелко нашинковавшему подвластные всякой отдельной общине угодья, что с самого начала вынудило большинство из них строить экономику на торговле, — европейская цивилизация уже не могла с него свернуть; наоборот, товарно-денежным водоворотом она затягивала в свой кильватер всех, кто впоследствии попадался ей на пути. Но в отместку самое европейскую реальность история то и дело дергала в сторону однообразно безденежных социальных конструкций.

Последним исторически значимым всплеском обобществляющих мечтаний суждено было оказаться учению Маркса. Последней же исторически значимой попыткой «преодолеть человека», создать вместо себялюбивой корыстной обезьяны нечто принципиально новое, грандиозное и прекрасное, способное «возлюбить дальнего», было ницшеанство — с известными последствиями. Вскоре после этого непреодолимый экономический тренд перемолол в Европе все утопии подобного рода [18]. Но мечта, вполне уже обретшая жутковатые конкретно-организационные характеристики, не умирала в течение многих веков. Будучи вместе со всей европейской культурой трансплантирована в Россию, где, тоже по совершенно объективным географическим и историческим причинам, доминировало государственное регулирование, общинное сознание и идеал гармоничного общежития в религиозном единомыслии и экономическом единстве, именно она на новой, куда более благоприятной, нежели европейская, почве породила грандиоз-

[18] Боюсь увлечься и наговорить лишнего, но невозможно отделаться от подозрения, что вся лихорадочная активность, все мрачноватое исступление европейской цивилизации, и уж подавно все эти «Страх и трепет», «Бог умер», «Закат Европы» и «Восстание масс», сменяющие друг друга под аккомпанемент нескончаемого «Полета Валькирий» в версии фильма Копполы «Апокалипсис сегодня», — лишь следствие цивилизационной фрустрации, вызванной тем, что в течение веков, как ни бейся, грезы культуры все более расходились с сермяжной прозой экономики и обусловленными ею простыми вожделениями производителей и потребителей. А в двадцатом веке свинья реальности наконец сожрала дочиста все желуди мечты. Когда такое происходит в личной жизни, человек, как правило, хлопает себя по лбу и восклицает: «Да что ж это я дурью маюсь! Какие там еще идеалы, какие утопии! Ведь это же я — лучше всех! Причем не только в будущем, а уже здесь и сейчас. И вообще всегда...»

ную и чудовищную попытку угнаться за исстари бродившим по Европе призраком и заставить его служить людям.

Роль управленцев

Если присмотреться к внутреннему устройству миров Платона, Мора и Кампанеллы, то поражают прежде всего сугубая зарегулированность их моделей и, соответственно, постоянные ссылки на тех, кто это регулирование призван проводить в жизнь.

Платон то и дело поминает «стражей». У Томаса Мора это некие «сифогранты» и «траниборы». Кампанелла не мучил сложными терминами ни себя, ни читателя, но едва ли не в каждой его фразе упоминаются «начальники и начальницы», «должностные лица», а то и просто «маститые старцы со старухами» [19].

Для вящей пользы народа и государства все в утопиях происходило не хаотично, не произвольно и не само собой, но под чутким руководством всеведущих и вездесущих надсмотрщиков, аппаратчиков и силовиков.

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, какая бездна чрезвычайно серьезных исследований написана о великих европейских утопиях. Я понимаю, что это не лучшая идея — вторгаться в чужую область науки со своими поневоле скороспелыми суждениями и соображениями. И если я все же рискую это сделать, то лишь потому, что, сколько мне известно, до сих пор никому из специалистов не пришло в голову посмотреть на знаменитые тексты с довольно неожиданной, очень приземленной и совершенно прикладной точки зрения: а чем, собственно, мотивированы к добросовестному выполнению своих утопических обязанностей утопические управленцы? Грубо говоря: почему в Утопии завскладами не воруют, а в Городе Солнца медики, ответственные за подбор сексуальных партнеров, не утопают в подарках и подношениях?

В отличие от азиатских империй, средиземноморская цивилизация со времен самой архаичной античности и до относительно недавней эпохи становления национальных государств практически не сталкивалась с проблемами развитого, разветвленного, живущего во многом своей жизнью управленческого аппарата. Все возникавшие за несколько тысячелетий властные, что называется, вертикали в основном отно-

---

[19] Китаисту эти старцы сразу напоминают *сюньгуаней* 勳官 — мелких функционеров, не входивших в кадровую бюрократию, однако наделенных чиновничьими рангами (весьма, впрочем, низкими) за проявленную в прошлом воинскую доблесть. Они служили главным подспорьем официальной администрации на местах, исполняя, например, мелкие управленческие функции на речных переправах, мостах, внутренних таможнях и пр.

сились к так называемым патриархальным либо патримониальным видам господства и сводились либо к немногочисленным выборным должностям полисов с их совершенно незначительным низовым техническим персоналом, либо к горсткам вольноотпущенников при римских императорах, либо к относительной вольнице феодальных иерархий, обслуживаемых не более чем челядью. Все эти вертикали строились или на личной ответственности перед избравшими управленца членами его общины, или на всякого рода персональных клятвах верности, личной преданности вассала сюзерену, личной зависимости мелких чиновников от крупного, поставленного у власти верховным владыкой тоже на чисто персональной основе.

Может быть, именно в силу своей полной бюрократической неискушенности европейские авторы идеальных моделей общественного и государственного устройства столь единодушно и столь безбоязненно вверяли целым сонмищам управленцев дотошную, мелочную, каждодневную регламентацию общественной и частной жизни.

У Платона это прежде всего — идеологический контроль и сортировка человеческого материала. И хотя великий грек при описании тех или иных нововведений, направленных на организацию идеального порядка, частенько говорит своим собеседникам по диалогу просто «мы», понятно, что реальное осуществление рутинных управленческих операций возложить в проектируемом им государстве было бы не на кого, кроме как на стражей — или еще более высокое, уже над самими стражами главенствующее руководство.

> Мы уговорим воспитательниц и матерей рассказывать детям лишь признанные мифы... [20]
>
> …Поэтов надо заставить об этом писать в своем творчестве [21].
>
> ...Мы заставим поэтов утверждать, что… Пусть и не пытаются у нас внушить юношам убеждение, будто... [22]
>
> Неужели только за поэтами надо смотреть и обязывать их... воплощать в своих творениях нравственные образы?.. Разве не надо смотреть и за остальными мастерами и препятствовать им воплощать в образах живых существ, в постройках или в любой своей работе что-то безнравственное, разнузданное, низкое и безобразное? [23]
>
> Даже в их детские годы, предлагая им занятия, надо наблюдать, в чем кто из них бывает особенно забывчив и поддается обману [24].
>
> ...Лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими и... потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худ-

[20] Платон. Государство. II 377c.
[21] Там же. II 378d.
[22] Там же. III 391d.
[23] Там же. III 401b.
[24] Там же. III 413c.

ших — нет, раз наше стадо должно быть самым отборным. Но что это так делается, никто не должен знать, кроме самих правителей, чтобы не вносить ни малейшего разлада в отряд стражей. ...Надо будет установить законом какие-то празднества, на которых мы будем сводить вместе невест и женихов... и поручить нашим поэтам создавать песнопения, подходящие для заключаемых браков. А определить количество браков мы предоставим правителям, чтобы они по возможности сохраняли постоянное число мужчин, принимая в расчет войны, болезни и т. д., и чтобы государство у нас по возможности не увеличивалось и не уменьшалось. ...А жеребьевку надо, я думаю, подстроить как-нибудь так, чтобы при каждом заключении брака человек из числа негодных винил бы во всем судьбу, а не правителей [25].

Все рождающееся потомство сразу же поступает в распоряжение особо для этого поставленных должностных лиц... Взяв младенцев, родившихся от хороших родителей, эти лица отнесут их в ясли к кормилицам, живущим отдельно в какой-нибудь части города. А младенцев, родившихся от худших родителей или от родителей, обладающих телесными недостатками, они укроют, как положено, в недоступном, тайном месте [26].

...Мы подберем людей, здравых телом и духом, и воспитаем их на возвышенных знаниях и усиленных упражнениях... [27]

Нельзя также позволить нашим воспитанникам быть взяточниками и корыстолюбцами. ...Нельзя, чтобы они слушали, как воспевается, что «Всех ублажают дары — и богов и царей величайших» [28].

...Всех, кому в городе больше десяти лет, они отошлют в деревню, а остальных детей, оградив их от воздействия современных нравов, свойственных родителям, воспитают на свой лад, в тех законах, которые мы разобрали раньше. Таким-то вот образом всего легче и скорее установится тот государственный строй, о котором мы говорили, государство расцветет, а народ, у которого оно возникнет, достигнет блаженства и извлечет для себя великую пользу [29].

Понятно, что такие масштабные, изощренные и постоянные усилия невозможно осуществить без развитой и чрезвычайно добросовестной бюрократии. Причем бюрократия эта сильнейшим образом расслоена, и низшие ее уровни сознательно дезинформируются верхними как бы для пользы общего дела. Два с половиной тысячелетия спустя у Оруэлла именно такая структура оценивалась уже не как утопия, но как антиутопия; в «1984» подобные уровни назывались внешней и внутренней партиями. Элита лжет непосредственным руководителям, управляя ими, как игрушечными, а те, в свою очередь, надувают щеки,

[25] Платон. Государство. V 459d—460a.
[26] Там же. V 460bc.
[27] Там же. VII 536b.
[28] Там же. III 390de.
[29] Там же. VII 540e—541a.

приводя народ к добропорядочности. Как при таком раскладе не позволить людям становиться взяточниками и корыстолюбцами — вопрос. Вряд ли, если им не спеть о том, что «всех ублажают дары», они при такой жизни сами раньше или позже об этом не догадаются.

А вот сколько важнейших дел организационного и экономического характера вверено управленческому аппарату в «Утопии» Мора.

> Главное и почти что единственное дело сифогрантов — заботиться и следить, чтобы никто не сидел в праздности. Но чтобы каждый усидчиво занимался своим ремеслом — однако же не работал бы не переставая с раннего утра до поздней ночи, усталый, подобно вьючному скоту [30].
>
> Каждый город делится на четыре равные части. В середине каждой части есть рынок со всякими товарами. Туда каждое хозяйство свозит определенные свои изделия, и каждый их вид помещают в отдельные склады [31].
>
> ...К каждому из дворцов приписаны тридцать хозяйств... там должны они вместе принимать пищу. Экономы из каждого дворца в определенный час приходят на рынок и получают провизию сообразно с числом своих людей. Первая забота, однако, о больных, которых лечат в общественных приютах [32].
>
> Потому что все они занимаются полезными ремеслами и для этого достаточно весьма малой затраты труда, выходит, что у них всего вполне вдоволь; иногда огромное количество людей они отсылают исправлять общественные дороги (если дороги испорчены); очень часто также, когда не случается надобности в какой-либо такой работе, открыто объявляют, что на работу отводится меньше часов [33].
>
> ...Сенат... как только установит, что и в каком месте имеется в изобилии и, напротив, чего где уродилось меньше, тут же восполняет недостаток одного обилием другого. И делают они это бесплатно, ничего, в свою очередь, не получая от тех, кому дарят. Однако то, что они отдали какому-нибудь городу, ничего от него не требуя в ответ, они получают, когда нуждаются, от другого, которому ничего не давали [34].
>
> И если у кого-нибудь появится желание повидать друзей, живущих в другом городе... разрешение легко получить у своих сифогрантов и траниборов, разве только помешает этому какая-нибудь причина. ...Отправляется... с письмом от правителя, который удостоверяет, что дано разрешение на отъезд и предписан день возвращения. В дорогу дают повозку и общественного раба... Несмотря на то что утопийцы ничего не берут с собой в дорогу, у них, однако, всего вдоволь, ибо они повсюду дома. Если в каком-нибудь месте они задержатся долее чем на один день, то каждый занят там своим делом, и ремесленники, занимающие-

[30] Мор, 1978. С. 184.
[31] Там же. С. 193.
[32] Там же. С. 194.
[33] Там же. С. 190.
[34] Там же. С. 200.

ся тем же трудом, обходятся с ними наичеловечнейшим образом. Если кто уйдет за границу по собственной воле, без разрешения правителя, то пойманного подвергают великому позору: его возвращают как беглого и жестоко карают [35].

В сущности, вся экономика блаженного острова управляется и регулируется должностными лицами. Перемещения по острову также подконтрольны властям, то есть облеченным властью людям. А одна лишь фраза о том, что разрешение на перемещение получить легко, если только не мешает какая-либо причина, сразу разворачивает перед мысленным взором современного человека обширнейший набор радужных перспектив, встающих перед теми, кто по долгу службы дает такие разрешения и определяет, есть причина отказать в поездке или нет.

Или такой вопрос: как, кто и на каких правовых основаниях отлавливает в чужих странах беглых утопийцев, самовольно ушедших от райской жизни за кордон? Кто и как их, если возникает необходимость, переправляет через границу обратно?

В Городе же Солнца по воле Кампанеллы творится вот что.

Верховный правитель у них — священник, именуемый на их языке «Солнце», на нашем же мы называли бы его Метафизиком. Он является главою всех и в светском и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправителя... Мощь, Мудрость и Любовь [36].

...Метафизик же наблюдает за всем этим при посредстве упомянутых трех правителей, и ничто не совершается без его ведома. Все дела их республики обсуждаются этими четырьмя лицами, и к мнению Метафизика присоединяются во взаимном согласии все остальные [37].

...Через каждые шесть месяцев начальники назначают, кому в каком круге спать и кому в первой спальне, кому во второй... [38]

---

[35] Мор, 1978. С. 199.

[36] Кампанелла, 1954. С. 39. Китаист опять-таки неизбежно вспомнит структуру реальной верховной власти традиционного Китая: Сын Неба и его так называемые *сань сы* 三司 — ‘трое властных’ (они же *сань гун* 三公 — ‘трое верховных’, ‘три *гунна*’): Великий защитник (*тайвэй* 太尉), Ведающий общественными нравами (*сыту* 司徒) и Ведающий общественными работами (*сыкун* 司空). Откуда эта магия вспомогательных управленческих триад, совершенно независимо проявляющаяся в разных местах и в разные эпохи? Может быть, дело в объективно общем для всех людей неизбежном предысторическом опыте — ведь еще обитатели пещер не могли не заметить, что для устойчивости любого предмета минимально достаточно трех опор? И недаром в Китае одним из основных видов ритуальной утвари исстари были треножники.

[37] Там же. С. 44.

[38] Там же. С. 56.

...Распределением одежды сообразно с условиями необходимости ведают врачи и хранители одежды... [39]

Часто также моют они свое тело по указанию врача и начальника [40].

Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство [41].

Пожилые начальники и начальницы заботятся об удовлетворении половых потребностей более похотливых и легко возбуждающихся... Однако же разрешение исходит от главного начальника деторождения — опытного врача, подчиненного правителю Любви [42].

Вечером приходят мальчики и стелют им ложа, а затем их ведут спать согласно приказанию начальника и начальницы. ...Спят в отдельных комнатах до самого часа совокупления. Тогда встает начальница и отворяет снаружи обе двери [43].

...Производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц — лишь постольку, поскольку они являются частями государства; и так как частные лица по большей части и дурно производят потомство, и дурно его воспитывают, на гибель государства, то священная обязанность наблюдения за этим как за первой основой государственного благосостояния вверяется заботам должностных лиц... [44]

Вскормленный грудью младенец передается на попечение начальниц, если это девочка, или начальников, ежели это мальчик. ...На седьмом году переходят они к естественным наукам, а потом и к остальным, по усмотрению начальства, и затем к ремеслам. Дети менее способные отправляются в деревню, но некоторые из них, оказавшиеся более успешными, принимаются обратно в город [45].

...Никакой телесный недостаток не принуждает их к праздности, за исключением преклонного возраста... хромые несут сторожевую службу, так как обладают зрением; слепые чешут руками шерсть, щиплют пух для тюфяков и подушек; те, кто лишен и глаз и рук, служат государству своим слухом, голосом и т. д. Наконец, ежели кто-нибудь владеет всего одним каким-либо членом, то он работает с помощью его хотя бы в деревне, получает хорошее содержание и служит соглядатаем, донося государству обо всем, что услышит [46].

Правителю Мощи подчинены: начальник военного снаряжения, начальники артиллерии, конницы и пехоты, военные инженеры, стратеги и т. д., имеющие, в свою очередь, много подчиненных им начальников и военных мастеров [47].

---

[39] Кампанелла, 1954. С. 59.
[40] Там же. С. 60.
[41] Там же. С. 44.
[42] Там же. С. 60—61.
[43] Там же. С. 61—62.
[44] Там же. С. 67.
[45] Там же. С. 64—65.
[46] Там же. С. 73.
[47] Там же. С. 73—74.

> ...Учат обращаться с оружием мальчиков, достигших двенадцатилетнего возраста и уже до этого приучившихся к борьбе, бегу, метанию камней и т. д. под руководством низших наставников... [48]
>
> Женщины также обучаются всем этим приемам под руководством собственных начальников и начальниц... [49]
>
> Все имущество покоренных или добровольно сдавшихся городов немедленно переходит в общинное владение [50].

То есть здесь речь идет уже не только о полном огосударствлении экономики (существующей в Городе Солнца, как явствует из последней цитаты, в немалой степени за счет военного грабежа), но и о централизованно проводимой в жизнь евгенической программе, и об организации системы поголовной взаимной слежки и доносительства, и о полной милитаризации общественной жизни.

Представления о мотивациях

1

При первой же попытке хоть как-то, пусть лишь ради мысленного эксперимента, представить во плоти все предлагаемые гениальными утопистами области государственного контроля и реальную деятельность осуществляющих этот контроль живых людей буквально голова идет кругом от широчайших и невозбранных возможностей для злоупотреблений, которые открывает идеальная упорядоченность для тех, кто уполномочен претворять ее в жизнь. И примитивных злоупотреблений, основанных на элементарной жадности, и иных, темных и подспудных, тех, что для людей, сжигаемых вечной неудовлетворенностью, людей с комплексами, с неполноценной или покалеченной психикой куда более вожделенны, нежели немудрящие радости корыстолюбцев.

Вряд ли творцы утопий совсем упускали из виду угрозы такого рода. Конечно, они перекраивали реальность нещадно и не очень-то задумывались о реальных средствах и способах такой перекройки, но при этом, безусловно, ощущали, что для жизни в перекроенной реальности нужны будут и перекроенные люди, иначе новая реальность не заработает. Недаром у Платона встречаются такие формулировки, как:

> ...Мы уже достаточно поговорили об этом государстве и о соответствующем ему человеке? Ведь ясно, каким он, по-нашему, должен быть [51].

---

[48] Кампанелла, 1954. С. 74.
[49] Там же.
[50] Там же. С. 81.

Однако, несмотря на старательное абстрагирование от этой проблемы, время от времени вопрос о том, чем мотивирован «соответствующий» новому миру человек и тем более чем мотивирован новый управленец, все же всплывал. Ибо совсем обойти его вниманием было невозможно. Слишком уж зависели рядовые новые люди от начальства. Слишком велики и разнообразны были управленческие прерогативы и области контроля. А кроме того, и саму систему мотиваций нового человека весьма соблазнительно было подать как очередной весьма существенный идеал.

У Платона воспитание соответствующего новым задачам управленца в огромной степени зависело от реализации самых общих его идей, таких как идея блага, идея справедливости и многие иные. Останавливаться на анализе еще и философии Платона в данной работе было бы и совершенно неуместно, и крайне самонадеянно. Но есть в великом тексте великого эллина и простые указания и рецепты, мимо которых в свете нашей тематики пройти никак нельзя.

> …Нашим делом было бы отобрать тех, кто по своим природным свойствам годен для охраны государства [52].
>
> Даже в их детские годы, предлагая им занятия, надо наблюдать, в чем кто из них бывает особенно забывчив и поддается обману. Памятливых и не поддающихся обману надо отбирать, а кто не таков, тех отвергнуть. ...Надо также возлагать на них труды, тяготы и состязания и там подмечать то же самое [53].

То есть, во-первых, нужна селекция, начинающаяся с наблюдения за детьми еще в самом нежном возрасте. Другими словами, немалое упование возлагается на спонтанно возникающую порядочность, добросовестность, чинопочитание и стремление к государственному служению. Есть, оказывается, люди, «по своим природным свойствам» годные для охраны государства. Просто надо их вовремя выявить.

Селекция не ограничивается детством.

> …Среди людей любого возраста надо нам подмечать того, кто способен быть на страже таких воззрений, так что ни обольщения, ни насилие не заставят его забыть или отбросить мнение, что надлежит делать наилучшее для государства [54].
>
> …Из стражей надо выбрать таких людей, которые, по нашим наблюдениям, целью всей своей жизни поставили самое ревностное служение государственной пользе и ни в коем случае не согласились бы действовать вопреки ей [55].

---

[51] Платон. Государство. VII 541b.
[52] Там же. II 374e.
[53] Там же. III 413cd.
[54] Там же. III 412e.
[55] Там же. III 412de.

Но надежда на одни лишь природные склонности не дает ощущения надежности. Надлежащим склонностям надо помочь проявиться надлежащим образом. В первую очередь такая помощь заключается в создании искусственно сконструированной культурной среды.

> Мы уговорим воспитательниц и матерей рассказывать детям лишь признанные мифы, чтобы с их помощью формировать души детей... А большинство мифов, которые они теперь рассказывают, надо отбросить [56].
>
> Вовсе не следует излагать и расписывать битвы гигантов и разные другие многочисленные раздоры богов и героев с их родственниками… [57]
>
> Нельзя рассказывать юному слушателю, что... он не совершает ничего особенного, даже если он всячески карает своего совершившего проступок отца, и что он просто делает то же самое, что и первые, величайшие боги [58].
>
> ...Во всем, что считается мелочами, они найдут нормы поведения. ...Младшим полагается молчать при старших, уступать им место, вставать в их присутствии, почитать родителей; затем идет все, что касается наружности: стрижка, одежда, обувь и так далее [59].

Однако любая фильтрация прежде бытовавших воззрений, как их ни цензурируй, недостаточна для создания нового общества. Необходима совершенно новая коллективистская идеология.

> Я попытаюсь внушить сперва самим правителям и воинам, а затем и остальным гражданам, что то, как мы их воспитывали и взращивали, и все то, что они пережили и испытали, как бы привиделось им во сне, а на самом-то деле они тогда находились под землей и вылепливались и взращивались в ее недрах — как сами они, так и их оружие и различное изготовляемое для них снаряжение. Когда же они были совсем закончены, земля, будучи их матерью, произвела их на свет. Поэтому они должны и поныне заботиться о стране, в которой живут, как о матери и кормилице, и защищать ее, если кто на нее нападет, а к другим гражданам относиться как к братьям, также порожденным землей [60].

---

[56] Платон. Государство. II 377c.

[57] Там же. II 378 c.

[58] Там же. II 378b.

[59] Там же. IV 425ab. Здесь китаисту немедленно вспоминаются аналогичные заповеди Конфуция. Мы видим даже термин «нормы поведения», столь хорошо знакомый синологам под именем *ли* 禮. Вроде бы все то же: уважение к старшим, почитание родителей... При желании можно разглядеть даже некий намек на аналог общеобязательных установлений (*лин* 令), предписывавших в традиционном Китае покрой и цвет одежды, устройство жилищ, количество лошадей при путешествиях... Но куда более пространные и существенные для всей концепции Платона высказывания о судьбе семьи в идеальном государстве, как мы увидим чуть позже, напрочь разрушают всякую аналогию.

[60] Там же. III 414de.

Социальная мобильность в идеальном государстве если и существует, то лишь на основе еще более фантастических допущений.

> Хотя все члены государства братья (так скажем мы им, продолжая этот миф), но бог, вылепивший вас, в тех из вас, кто способен править, примешал при рождении золота, и поэтому они наиболее ценны, в помощников их — серебра, железа же и меди — в земледельцев и разных ремесленников. Все вы друг другу родственники, но большей частью рождаете себе подобных, хотя все же бывает, что от золота родится серебряное потомство, а от серебра — золотое; то же и в остальных случаях. От правителей бог требует прежде всего и преимущественно, чтобы именно здесь они оказались доблестными стражами и ничто так усиленно не оберегали, как свое потомство, наблюдая, что за примесь имеется в душе их детей, и, если ребенок родится с примесью меди или железа, они никоим образом не должны иметь к нему жалости, но поступать так, как того заслуживают его природные задатки, то есть включать его в число ремесленников или земледельцев; если же у последних родится кто-нибудь с примесью золота или серебра, это надо ценить и с почетом переводить его в стражи или в помощники. Имеется, мол, предсказание, что государство разрушится, когда его будет охранять железный страж или медный [61].

Следовательно, нет никакого сколько-нибудь объективного и формального критерия, который бы позволил на единой основе, по единым, понятным населению показателям констатировать принадлежность ребенка или взрослого к определенному — золотому или медному — социальному слою; такая констатация оставлялась на произвол правящих идеальным государством мудрецов. Сам человек никаких сознательных, осмысленных усилий по самопреображению предпринять не может в принципе. Нет ориентира, нет мерила, согласно которому он мог бы знать заранее: такие-то успешные действия на благо общества дают ему возможность переквалифицироваться в серебряные, такие-то — в золотые; а такие-то неблаговидные деяния, наоборот, опустят его из золотых в серебряные или даже в медные.

Но при этом людям, наиболее успешно воспитанным в русле означенных воззрений и затем отфильтрованным неким высшим начальством по неким неведомым критериям, и вверяются управленческие функции.

А чтобы неколебимое стремление стражей приносить благо обществу и впрямь никогда бы не поколебалось, им нещадно обеспечивается полное бескорыстие. То, что частнособственнические мотивы являются главным искусом для слуг народа, было понятно уже во времена Платона.

---

[61] Платон. Государство. III 415abc.

...В образцово устроенном государстве жены должны быть общими, дети — тоже, да и все их воспитание будет общим; точно так же общими будут военные и мирные занятия... ...Ни у кого не будет ничего собственного, но все у всех общее. ...Никто не должен ничего приобретать... [62]

...Они служат только за продовольствие, не получая сверх него никакого вознаграждения, так что им невозможно ни выезжать в чужие земли по собственному желанию, ни подносить подарки гетерам, ни производить иные траты по своему усмотрению [63].

...Прежде всего, никто не должен обладать никакой частной собственностью, если в том нет крайней необходимости. ...Ни у кого не должно быть такого жилища или кладовой, куда не имел бы доступа всякий желающий. ...Столуясь все вместе, как во время военных походов, они и жить будут сообща. А насчет золота и серебра надо сказать им, что божественное золото — то, что от богов, — они всегда имеют в своей душе, так что ничуть не нуждаются в золоте человеческом, да и нечестиво было бы, обладая тем золотом, осквернять его примесью золота смертного: у них оно должно быть чистым, не то что ходячая монета, которую часто нечестиво подделывают. Им одним не дозволено в нашем государстве пользоваться золотом и серебром, даже прикасаться к ним, быть с ними под одной крышей, украшаться ими или пить из золотых и серебряных сосудов. Только так могли бы стражи остаться невредимыми и сохранить государство [64].

Кто бы объяснил, однако, что имеется в виду под «крайней необходимостью» иметь собственность, каковы критерии этой необходимости, какие инстанции полномочны эти критерии применять и в каком объеме частной собственностью согласно этим критериям наделять?

Кто бы объяснил, на худой конец, как и кем обеспечивается реально вроде бы простенький с виду запрет «даже прикасаться» к золоту и серебру? Какие юридические механизмы могут быть предусмотрены, какие правоохранительные структуры задействованы?

А почитание родителей и вообще престиж старших, упоминавшиеся в предыдущих высказываниях и действительно способные в определенной степени выполнять функцию ненасильственных регуляторов, дальнейшими описаниями общественной жизни окончательно сводятся к нулю. Оказывается, все апелляции к авторитету отца, к братству, к семейному старшинству и младшинству, равно как и к старательной охране всего комплекса этих связей и отношений силой поднадзорного эпического искусства, — не более чем пустая имитация.

...Всякий будет называть своими сыновьями и дочерями мальчиков и девочек, родившихся на десятый или седьмой месяц от дня его вступ-

[62] Платон. Государство. VIII 543ab.
[63] Там же. IV 420a.
[64] Там же. III 416d—417a.

ления в брак, а те будут называть его своим отцом; их потомство он будет называть детьми своих детей, а они, соответственно, будут называть стариков дедами и бабками, а всех родившихся за то время, когда их матери и отцы производили потомство, они будут называть своими сестрами и братьями, и потому... им не дозволено касаться друг друга. Из числа же братьев и сестер закон разрешит сожительствовать тем, кому это выпадет при жеребьевке... [65]

Ну, а как же у твоих стражей? Найдется ли среди них такой, чтобы он считал и называл кого-нибудь из сотоварищей чужим? — Ни в коем случае. С кем бы из них он ни встретился, он будет признавать в них брата, сестру, отца, мать, сына, дочь или их детей либо дедов. — ...Но скажи еще вот что: предпишешь ли ты им законом придерживаться только родственных обращений или и вести себя соответственно обращениям, например, по отношению к своим отцам соблюдать все то, что в обычае относительно отцов вообще, то есть быть почтительными, заботиться о них и должным образом слушаться родителей под страхом того, что не будет им добра ни от богов, ни от людей, если они поступят иначе: в последнем случае их поведение будет и нечестивым, и несправедливым. Эти ли речи всех граждан или какие-нибудь иные будут всегда у тебя слышать даже самые малые дети относительно тех людей, которых им укажут как отцов или остальных родичей? — Эти самые. Было бы смешно и названия близких оставались бы пустым звуком, если не претворять это в жизнь. — Значит, из всех государств только у граждан этого государства мощно звучало бы в один голос: «Мои дела хороши!» или «Мои дела плохи!», если у одного какого-то гражданина дела идут хорошо или плохо [66].

...Причиной величайшего блага для нашего государства служит общность детей и жен у его защитников [67].

Другими словами, братское единство управленцев идеального государства обеспечивается тем, что никто не знает, кто на самом деле его брат. Охрана идеологией авторитета отцов и исполнительности сыновей нужна для того лишь, чтобы любой старший мог быть для любого младшего суровым и властным отцом, а любой младший для любого старшего — преданным и покорным сыном. То есть на словах все родные, а по сути — все чужие, и родных нет вообще.

В свете же нашей тематики страшнее всего даже не сама по себе фраза «отцы, которых укажут» — хотя и она в любом нормальном человеке вызывает оторопь. При разговоре о бюрократии и ее мотивациях куда существеннее выглядит вопрос, кто именно указывает детям их отцов, с какой целью он это делает и насколько он при этом нелицеприятен; и даже если он, паче чаяния, вполне нелицеприятен, то ПО КАКОЙ ИМЕННО ПРИЧИНЕ он нелицеприятен? Что удерживает его

[65] Платон. Государство. V 461de.
[66] Там же. V 463 cde.
[67] Там же. V 464b.

от произвола, от действий по личной сиюминутной прихоти при осуществлении акта отцеуказания, надо думать, весьма значимого для общественного блага?

Цену же, например, жеребьевкам мы тоже уже знаем. Выше упоминалось, что, по мысли философа, результаты жеребьевок на самом деле фальсифицируются высшим руководством ради достижения общественного блага — и кто скажет, какое и чье именно благо имелось в виду в том или ином конкретном случае подтасовки? И на основании каких мотивов?

Более того. Столь воспеваемое братство на самом деле лишено всякой теплоты и искренней преданности.

> Тому, кто постарше, будет предписано начальствовать над всеми, кто моложе его, с правом наказывать их. ...А младший, за исключением тех случаев, когда велят правители, никогда не решится, да оно и естественно, применить насилие к старшему или поднять на него руку, и думаю, что и вообще никогда его не оскорбит. Этому достаточно препятствуют два стража: страх и почтительность. Почтительность возбраняет касаться родителей, а страх заставляет предполагать, что обиженному помогут другие — либо как его сыновья, либо как братья, либо как отцы [68].

Снова встает вопрос, не имеющий отношения к высокой философии: когда, по какому случаю и в каких пределах правитель может приказать младшему поднять руку на старшего, то есть, в сущности, сыну на отца? И, главное, зачем, собственно, правителю это может понадобиться? Мотивация исполнителя понятна: бездумное исполнение приказа. Тоже не лучшее свойство человеческой натуры, но, по крайней мере, явно не умозрительная конструкция. А вот мотивация правителя, отдающего приказы, столь губительные для всей оформляющей социальную иерархию системы ценностей и связанных с ними эмоций, в чем заключается?

Почтительность к старшему в этих условиях превращается не более чем в отсутствие приказа перестать быть почтительным. Получение же приказа снимает все моральные обязательства, всякое уважение к любому из бесчисленных отцов.

Если попытаться подытожить, можно сказать, что добросовестное, бескорыстное, свободное от личных пристрастий и предпочтений выполнение стражами своих обязанностей в идеальном государстве должно было быть обусловлено такими факторами, как:

- мощнейшая идеологическая обработка, говоря современным языком — промывка мозгов, осуществляемая с самого раннего детства, причем убедительность индоктринируемого комплек-

[68] Платон. Государство. V 465ab.

са идей и воззрений, искусственно и нарочито выдуманных с нуля, оставляет, мягко говоря, желать лучшего; поэтому для его внедрения неизбежно потребовались бы силовые методы, каждодневное применение которых неизбежно оставляло бы широчайший простор для произвола;

- постоянный контроль за поведением и духовным состоянием детей, подростков, а возможно — и вообще всего населения с тем, чтобы своевременно выявлять тех, кто поддается идеологической обработке лучше всего; именно их затем предполагалось вовлекать в процесс управления, причем мерила оценки такой пригодности совершенно неясны, а самим кандидатам в стражи, даже при их полной добросовестности и искреннем стремлении преуспеть, — неведомы;
- лишение непосредственных руководителей всякой возможности сознательно, с учетом известных и понятных постоянных ориентиров и критериев, строить свой карьерный рост и прикидывать виды на собственное будущее;
- лишение непосредственных руководителей реальных человеческих связей с их избирательностью, нелицемерной преданностью, неформальным бескорыстием и впитанным с молоком матери чувством действительной, а не провозглашаемой на словах общности, сопричастности и солидарности;
- лишение руководителей всяких материальных стимулов ввиду обобществления имущества, жилья и даже семейных отношений;
- лишение руководителей всяких шансов на возможность передачи хотя бы каких-то достигнутых на служебном поприще результатов по наследству, на возможность поделиться ими с родными и близкими;
- полное отсутствие как перечня действий, однозначно относимых к недопустимым, так и унифицированной, понятной системы наказаний: старшие наказывают младших по своему почину и усмотрению;
- фактический произвол высшего руководства по крайней мере в двух весьма чувствительных сферах общественной жизни — в наделении в силу неких неясных обстоятельств частной собственностью тех, кому она, вообще говоря, никоим образом не положена, и в возможности поднять руку на старшего — тоже неясно, когда, почему и зачем, просто в силу приказа сверху.

Очевидно, что эта система стимулов, во-первых, провоцирует развитие далеко не лучших человеческих качеств, во-вторых — полностью оторвана от всех предыдущих систем такого рода. Рискну заметить, что именно вследствие этой оторванности она и обречена раньше или позже превратить любого порядочного человека в непорядочного.

Мотивационные комплексы, предполагающие проявление лучших коллективистских качеств, складывались в течение многих тысяч лет в естественных, возникших еще в доисторический период, иерархиях: семье, роде, племени, трудовом коллективе, протогосударстве — и именно как склейки этих иерархий впитались во все без исключения культуры и в самое естество человека. Подлинное функционирование новых мотиваций потребовало бы полной смены психологии.

А это вряд ли возможно. Во всяком случае, пока хваленый научно-технический прогресс не осчастливил нас чипами в мозгах.

Здраво рассуждая, невозможно сомневаться, что идея общественного блага — на преданности которой, собственно, в идеальном государстве все и стоит — очень быстро стала бы пустым звуком и выродилась бы в объект постоянных словесных манипуляций, целью которых оказались бы в первую очередь лишь, снова говоря современным языком, аппаратные игры. Обеспечивать хотя бы минимально приемлемую добросовестность работников, внутренний мир которых адекватен вышеперечисленным характеристикам, реально способны лишь два фактора: угроза наказания, если попался, и стремление угодить тому, кто наделен правом произвола. Высокие побудительные мотивы тут могут существовать лишь как шумовая завеса. Ни о какой работе не за страх, а за совесть говорить не приходится.

Правда, в конце грандиозного сочинения всплывает идея загробного воздаяния за добродетели, которая в какой-то мере должна бы скомпенсировать явно существующую в идеальном обществе угрозу неизбежного выдавливания в несправедливость тех, кто призван оберегать справедливость. Но на фоне сказанного выше это выглядит слабым утешением.

2

Посмотрим, что предлагает в этом же смысле едва ли не два тысячелетия спустя Томас Мор.

Предлагает он на удивление мало. Хотя его Утопия в деталях, быть может, наиболее разработана (указано, например, даже то, как и в каком порядке следует расставлять люльки с младенцами во время общих трапез), проблема мотивированности непосредственных управленцев, судя по всему, вообще не казалась Мору значимой.

> ...Весь остров — как бы единая семья [69].
>
> Вы уже видите, насколько нет там никакой возможности для безделия... Никакого повода для подкупа, ни одного притона, ни одного тайного места для встреч, но пребывание на виду у всех создает необходимость заниматься привычным трудом или же благопристойно отдыхать [70].

---

[69] Платон. Государство. V 465ab.

[70] Мор, 1978. С. 200.

То есть побыть наедине с собой, обдумывая былые ошибки и будущие действия, полюбоваться природой в одиночестве, помечтать о любимой или, на худой конец, спокойно поразмыслить о том, почему яблоко падает вниз, и в итоге открыть закон всемирного тяготения в идеальном мире просто невероятно.

Воспитание же бескорыстия, блокирующего возможности «для подкупа», сводится вот к чему:

> Из золота и серебра не только в общих дворцах, но и в частных домах — повсюду делают они ночные горшки и всякие сосуды для нечистот. К тому же утопийцы из этих металлов изготовляют цепи и тяжелые оковы, которые надевают на рабов. Наконец, у каждого, кто опозорил себя каким-нибудь преступлением, с ушей свисают золотые кольца, золото охватывает пальцы, золотое ожерелье окружает шею и, наконец, золото обвивает его голову. Так они всеми способами стараются, чтобы золото и серебро были у них в бесславии... [71]
>
> Кроме того, они собирают на берегах жемчуг, а на разных скалах — алмазы и рубины, однако не ищут их, а шлифуют попавшиеся случайно. Ими они украшают детей, которые в раннем возрасте похваляются такими украшениями и гордятся ими; когда же войдут немного в возраст и заметят, что такого рода забавы есть только разве у одних детей, они безо всякого напоминания родителей, сами по себе, со стыдом откладывают их в сторону. Не иначе, чем наши дети, когда, подрастая, бросают они... кукол [72].

А по вопросам более высоким царят одни лишь трескучие слова — «благоразумие», «добропорядочность», «несправедливость», «благочестие», «долг человечности и доброты». Но обозначаемые ими обобщенные положительные категории, если они лишены эмоционального наполнения, трудно отнести к мотивациям, срабатывающим с рефлекторной непреложностью. Можно на все лады произносить слово «долг» хоть тысячу раз — тот, для кого оно звук пустой, все равно чувством долга не проникнется.

> ...Следовательно, говорят они, приятную жизнь, то есть удовольствие как предел всех наших деяний, предписывает нам сама природа. Жить по ее предписанию — так определяют они добродетель [73].
>
> ...Счастье заключается не во всяком удовольствии, но в честном и добропорядочном [74].

---

[71] Мор, 1978. С. 204.

[72] Там же. С. 204—205.

[73] Там же. С. 213.

[74] Там же. С. 212. Даже подумать страшно, какие возможности одна эта фраза открывает перед должностными лицами, уполномоченными отделять честные и добропорядочные удовольствия от нечестных и недобропорядочных.

Соблюдать... законы, заботясь о своей выгоде, — дело благоразумия; думать, кроме того, о выгоде общества — признак благочестия. Однако похищать чужое удовольствие, гонясь за своим, — несправедливо. И, напротив, отнять что-нибудь у самого себя и отдать это другим — как раз долг человечности и доброты; этот долг никогда не забирает у нас столько, сколько он возвращает нам назад. Ибо он вознаграждается обменом благодеяниями, и само сознание благодеяния и воспоминание о любви и благорасположении тех, кому ты сделал добро, приносит душе более удовольствия, чем было бы то телесное удовольствие, от которого ты удержался. Наконец (в этом легко убеждает нас, охотно соглашающихся с этим, религия), за краткое и малое удовольствие Бог отплачивает огромной и никогда не преходящей радостью [75].

В общем, оказывается, что без религии — никуда. Вся обширная и мудреная преамбула уперлась в нее как в единственную мало-мальски эффективную опору.

Душа бессмертна и по благости Божией рождена для счастья, за добродетель и добрые дела назначена после этой жизни нам награда, а за гнусности — кара. Хотя это относится к религии, однако они считают, что к тому, чтобы поверить в это и признать, приведет разум [76].

...Одного только следует... опасаться: как бы меньшее удовольствие не помешало большему... [77]

И напрямую об управленцах:

Каждые тридцать хозяйств ежегодно выбирают себе должностное лицо, которое на своем прежнем языке называют сифогрантом, а на теперешнем — филархом. Над десятью сифогрантами с их хозяйствами стоит человек, некогда называвшийся транибор, а теперь — протофиларх. Именно сифогранты, которых двести, поклявшись, что они изберут того, кого сочтут наиболее пригодным, тайным голосованием определяют правителя... ...От каждой из четырех частей города выбирается один, которого и советуют сенату. Должность правителя постоянна в течение всей его жизни. Если не помешает этому подозрение в стремлении к тирании [78].

Кто хочет обманом получить какую-нибудь должность, лишается надежды на любую. Живут утопийцы в любви, оттого что должностные лица не надменны и не страшны; их называют отцами, так они себя и держат. К ним относятся как подобает: почет оказывают добровольно, а

---

[75] Мор, 1978. С. 214.

[76] Там же. С. 211.

[77] Там же. Имеется в виду, что мелкие посюсторонние удовольствия, если они связаны с грехом, могут воспрепятствовать большому удовольствию за гробом, в жизни вечной; а рисковать так не станет ни один мало-мальски разумный человек. Большая прибыль предпочтительнее меньшей прибыли... Так и слышится до слез знакомое: рынок всё расставит по своим местам.

[78] Там же. С. 180—181.

не исторгают его насильно. Даже сам правитель отличается не одеянием или короной, а тем, что носит он пучок колосьев... [79]

...Если благополучие... и погибель зависят от нравов должностных лиц, то можно ли выбрать кого-нибудь разумнее тех, которых нельзя отвратить от чести ни за какую мзду? [80]

Чиновников Утопии нельзя отклонить от исполнения долга никакой мздой по очень простой причине:

В других местах, если даже и говорят повсюду о благополучии общества, то заботятся о своем собственном. Здесь же, где нет ничего личного, утопийцы всерьез заняты делом общества... Ибо в иных местах каждому человеку известно, что если он сам о себе не позаботится, то как бы ни процветало государство, он все равно погибнет от голода; поэтому необходимость побуждает его прежде принимать в расчет себя, а не народ, то есть других людей. Наоборот, здесь, где все принадлежит всем, ни у кого нет сомнения, что ни один отдельный человек не будет иметь нужды, если только он позаботится о том, чтобы были полны общественные житницы [81].

Совсем уничтожив само употребление денег, утопийцы избавились и от алчности. Какое множество бед отсекли они, какую жатву преступлений вырвали с корнем! Ибо кому не известно, что с уничтожением денег отомрут обманы, кражи, грабежи, раздоры, возмущения, тяжбы, распри, убийства, предательство, отравления, каждодневно наказывая за которые, люди скорее мстят за них, чем их обуздывают; к тому же одновременно с деньгами погибнут страх, тревога, заботы, тяготы, бессонные ночи. Даже сама бедность, которой одной только, казалось, и нужны деньги, после полного уничтожения денег тут же сама исчезнет [82].

Еще один корень пороков, помимо алчности — гордость. С ней тоже удалось разобраться.

...Чудище, наставник и правитель всякой погибели — гордыня. Она измеряет счастье не своими удачами, а чужими неудачами. ...Они (утопийцы. — *В. Р.*) вместе с прочими пороками выкорчевали корни честолюбия и партий, над ними не висит никакой опасности пострадать от домашнего разлада... [83]

«Выкорчевали» — звучит многообещающе.

В сфере наказания за преступления иные, нежели прелюбодеяние и незаконные добрачные связи (для тех разработана весьма сложная

---

[79] Мор, 1978. С. 237.
[80] Там же. С. 239.
[81] Там же. С. 273—274.
[82] Там же. С. 276—277.
[83] Там же. С. 278.

карательная система, о которой сейчас распространяться не время и не место), предусмотрена максимальная простота.

> За остальные злодеяния никакой закон не предписывает никакого определенного наказания, но когда совершается какой-нибудь жестокий и непростительный поступок, то кару определяет сенат. Жен учат мужья, родители — детей, если только не допустят они такой большой вины, за которую положено там карать прилюдно. Почти все особо тяжкие преступления караются обычно осуждением на рабство [84].

И далее совершенно определенно:

> Законов у них весьма мало. Ведь людям с такими установлениями достаточно самых малочисленных законов. ...Каждый ведет свое дело сам и говорит судье то, что собирался рассказать защитнику. ...У утопийцев в законах разбирается каждый. ...Чем проще толкование закона, тем более справедливым они его считают [85].

То есть за проступки мелкие и средние оступившегося члена общины по своему разумению вразумляет сама ячейка общества, не имея для определения тяжести вразумления никакой единой формальной основы. За преступления тяжкие — подобным же образом карает высший орган Утопии. Судят, таким образом, не столько «по закону» (ибо законов «весьма мало»), сколько «по справедливости», «по правде», «по понятиям». А может, даже «руководствуясь классовым чутьем».

А с другой стороны:

> Утопийцы отвращают людей от злодеяний не только страхом наказания, но и почестями, которые видны всем, они призывают к добродетелям. Мужам, которые знамениты своими особыми заслугами перед государством, в добрую память об их подвигах и для того, чтобы вместе с тем слава собственных их предков подстрекала и побуждала потомков к добродетелям, утопийцы воздвигают на площади статуи [86].

---

[84] Мор, 1978. С. 235. Стало быть, пожизненным отбыванием общественных работ в лично несвободном социальном состоянии. Реальные китайцы времен династии Тан были гуманнее, нежели выдуманные великим европейским гуманистом жители Утопии: предельным сроком тамошнего карательного порабощения были 3 года. При этом в уголовном Кодексе Тан в первой же фразе статьи о принудительных работах говорится: «Наказание каторгой есть порабощение (*ту чжэ ну е* 徒者奴也). Это порабощение позорит [преступников]. ...Возлагают на них обязанность трудиться... и вразумляют их. [Совершивших] тяжкие преступления отпускают через 3 года, [совершивших] средние преступления отпускают через 2 года, [совершивших] легкие преступления отпускают через 1 год» [Тан люй. Ст. 3; Уголовные установления Тан, 1999. С. 78].

[85] Мор, 1978. С. 237—238.

[86] Там же. С. 237.

Но разве могут почести и слава быть стимулами для тех, кто лишен честолюбия? А если они все же являются эффективными стимулами, стало быть, честолюбие никуда не делось, лишь приняло некие замаскированные, то есть чреватые лицемерием формы...

В конце концов при описании богослужений подводится несколько неожиданный итог:

> ...Чтобы дети... не проводили в детских забавах то время, в которое им надлежит проникаться священным страхом к всевышним, потому что это главнейший и почти единственный путь к добродетели [87].

Таким образом, набор инструментов для создания соответствующего идеальному обществу идеального управленца невелик. При том, что в руках этих самых управленцев находится вся хозяйственная жизнь Утопии, комплекс идеальных управленческих мотиваций формируется всего лишь:

- постоянным пребыванием трудящихся утопийцев на глазах у других трудящихся утопийцев;
- бесплатным распределением;
- дискредитацией драгметаллов;
- отсутствием частной собственности и денег;
- надеждой отвести душу, освобождая кого-нибудь от какой-нибудь тирании;
- этическими абстракциями;
- престижностью благих примеров прошлого, увековеченных в наглядной агитации;
- угрозой навечно лишиться права на занятие любой из должностей в качестве возмездия за чересчур рьяно («обманом» — это как, собственно?) предпринятую по собственной инициативе попытку какую-либо из них получить; критерии для определения данного «чересчур» неясны и, видимо, могли по ситуации варьироваться в самых широких пределах;
- непредсказуемостью и произвольностью внесудебных карательных санкций, при которых реакция уголовного права на неблаговидные поступки или просто служебные промахи непрогнозируема;
- искоренением честолюбия (но при этом «утопийцы отвращают людей от злодеяний не только страхом наказания, но и почес-

[87] Мор, 1978. С. 270. Слово «всевышние» употреблено во множественном числе, вероятно, потому, что в Утопии Мора предполагался религиозный плюрализм. «Религии отличаются друг от друга не только на всем острове, но и в каждом городе. Одни почитают как бога Солнце, другие — Луну, третьи — какое-нибудь из блуждающих светил. Есть такие, которые предполагают, что не просто бог, но даже величайший бог — это какой-то человек, некогда отличившийся своею доблестью и славой...» [Там же. С. 255].

тями, которые видны всем», то есть игрой на честолюбии там явно все же пользовались; да и фраза «почет оказывают добровольно» намекает на то же);

- страхом Божиим.

Даже в самом лучшем случае управленцем движет здесь также единственно идея общего блага сама по себе, не подкрепленная и не конкретизированная ни какими-либо личными стимулами, ни каким-либо личностным творческим порывом. Однако целый ряд предписаний явно обречен провоцировать в людях фарисейство и ханжество, а потому нет сомнений, что раньше или позже и само стремление к общественному благу будет подмято двоедушием и превратится в подспудное, а потому особенно безудержное, нечестное и неконтролируемое стремление к благу собственному.

3

И Кампанелла основные надежды на пробуждение людей к общественной деятельности, в том числе управленческой, возлагает все на то же обобществление. Соблазны аннулированы опять-таки простой и полной ликвидацией частной собственности.

> Они (Солярии. — *В. Р.*) утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей. Отсюда возникает себялюбие, ибо ведь, чтобы добиться для своего сына богатства и почетного положения и оставить его наследником крупного состояния, каждый из нас или начинает грабить государство, ежели он ничего не боится, будучи богат и знатен, или же становится скрягою, предателем и лицемером, когда недостает ему могущества, состояния и знатности. Но когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине [88].
>
> Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое у них общее [89].
>
> И хотя общность жен и не установлена среди остального населения, живущего в их области, у них самих она принята на том основании, что у них все общее [90].
>
> Торговля у них не в ходу, хотя они и знают цену денег и чеканят монету для своих послов и разведчиков [91].

То есть деньги все же существуют — для внешнего пользования. Внутренний обмен осуществляется путем простого командно-административного распределения, и не более. Сразу хочется спросить попросту: кто и как пресекает внутренние валютные операции? И понят-

---

[88] Кампанелла, 1954. С. 45.
[89] Там же. С. 56.
[90] Там же. С. 45.
[91] Там же. С. 85.

но ведь, что уж хотя бы послу или разведчику в преддверии отбытия или заброски в страну назначения почти наверняка захочется к мешочку дукатов, выдаваемых ему из казны, загодя добавить еще два-три мешочка сверх нормы... Но, вероятно, предполагалось, что длительное, сызмальства, пребывание без собственности, в состоянии полного обобществления, не раздразнит, но, напротив, победит всякий индивидуальный аппетит.

Гордыня также побеждена.

Воспитанием в строго определенной, весьма суровой системе ценностей исполнительская добросовестность доведена до абсурда.

> Самым гнусным пороком считают они гордость, и надменные поступки подвергаются жесточайшему презрению. Благодаря этому никто не считает для себя унизительным прислуживать за столом или на кухне, ходить за больными и т. д. Всякую службу называют они учением, говоря при этом, что одинаково почтенно ногам ходить, заду испражняться, а глазам видеть и языку говорить; ведь по необходимости и глаза выделяют слезы, а язык — слюни, подобно испражнениям. Поэтому каждый, на какую бы службу ни был он назначен, исполняет ее как самую почетную [92].
>
> Скажи, пожалуйста, а не бывает ли в их среде зависти или досады у тех, кого не выбрали в начальники или на какую-нибудь другую должность, которой они добивались? — Нисколько. Ведь никто из них не терпит никакого недостатка не только в необходимом, но даже и в утехах [93].
>
> По своим взаимоотношениям они представляются совершенно как бы членами одного и того же тела [94].

Важным ежедневным ритуалом (еще более важным, чем у Мора) являются общие трапезы.

> Во время еды один из юношей с возвышения читает нараспев внятно и звучно по книге, а должностные лица часто беседуют по поводу какого-нибудь примечательного места из прочитанного [95].
>
> Должностные лица получают бóльшие и лучшие порции, и из своих порций они всегда уделяют что-нибудь на стол детям, выказавшим утром больше прилежания на лекциях, в ученых беседах и на военных занятиях. И это считается одной из величайших почестей [96].

То есть опять-таки честолюбие все же работает. Гордыня, как и у Мора, вроде бы преодолена, но в то же время понятие почестей в ходу.

---

[92] Кампанелла, 1954. С. 69.
[93] Там же. С. 66.
[94] Там же. С. 99—100.
[95] Там же. С. 57.
[96] Там же. С. 58.

Это двусмысленный, опасный зазор. Оба великих утописта, похоже, не понимали, что, победив гордость, они тем самым победили бы и эффективность почестей; представить себе во плоти человека, и впрямь не способного гордиться, стыдиться, стремиться к славе и избегать бесчестья, они оказались не в состоянии. Видимо, они были уверены, что плохая гордость и хорошая гордость — это совершенно разные вещи. И поэтому, вместо того чтобы ограничивать негативные проявления неизменных человеческих свойств, стимулируя в то же время их позитивные проявления (с чем более или менее успешно справляются воспитание и уголовное право) [97], они с жестоким простодушием гильотинировали эти свойства как таковые, целиком.

А почему должностные лица отдают лучшие куски отличившимся детям? По велению ли души (но могут ли веления души быть столь системными, чтобы повторяться на каждой из трапез?) или в силу некого правила, за нарушение которого что-то грозит? Непонятно также, выделяются ли должностным лицам лучшие порции для них самих, а уж они вольны затем либо премировать детишек за прилежание, либо съесть лакомство самим, или выделение мелкому начальству лучших кусков является лишь частью обязательного ритуала дальнейшего перераспределения с целью премирования отличившихся детей. Словом, этическая и церемониальная подоплека этой очень важной воспитательной функции (предназначенной, очевидно, для воспитания как ребенка, так и самого должностного лица) скрыта.

Помимо вынужденного полного бескорыстия, радикальной дискредитации индивидуальной талантливости в том или ином определенном деле и неизбежно связанной с такой талантливостью потребности в самоутверждении, а также почетного премирования более вкусной едой трудовая добросовестность Соляриев обеспечивалась отрывом от семьи, конкурентно-коллективистским воспитанием и тщательным астрологическим обеспечением трудоустройства.

> Вскормленный грудью младенец передается на попечение начальниц, если это девочка, или начальников, ежели это мальчик. И тут вместе с другими детьми они занимаются, играючи, азбукой, рассматривают картины... На седьмом году переходят они к естественным наукам, а потом и к остальным, по усмотрению начальства, и затем к ремеслам. Дети менее способные отправляются в деревню, но некоторые из них, оказавшиеся более успешными, принимаются обратно в город. Но в большинстве случаев, родившись под одним и тем же расположением звезд, сверстники сходствуют и по способностям, и по нраву, и по наружности, отчего проистекает великое согласие в государстве, поддерживаемое неизменной взаимной любовью и помощью друг другу [98].

---

[97] Подробнее об этом см.: Рыбаков, 2013. С. 16—18.

[98] Кампанелла, 1954. С. 64—65.

Так как должность каждого определяется с детства сообразно с расположением и сочетанием звезд, наблюдавшихся при его рождении, то благодаря этому все, работая каждый в соответствии со своими природными склонностями, исполняют свои обязанности как следует и с удовольствием, так как для всякого они естественны [99].

И при этом:

Должностные лица сменяются по воле народа [100].

То есть любая карьера может быть в любой момент прервана еще и народным волеизъявлением.

В результате:

Всего у них изобилие, потому что всякий стремится быть первым в работе, которая и невелика, и плодотворна, а сами они очень способны. Тот, кто главенствует над другими в каком-нибудь ...занятии, называется у них царем... Достойно удивления, как все, и мужчины и женщины, выступают отрядами и во всем подчиняются своему царю, не проявляя при этом... никакого недовольства, ибо почитают его за отца или за старшего брата [101].

Снова мы видим бесхитростную попытку установить отношения социальной субординации по образцу отношений субординации семейной, но при этом — совершаемую словно бы в беспамятстве. Откуда может взяться почтение к отцу или старшему брату там, где новорожденных сразу забирают начальники и начальницы, а сексуальных партнеров подбирают и сводят для контактов врачи и должностные лица?

Закрадывается подозрение, что вот откуда:

Все по отдельности подсудны старшему начальнику своего мастерства. Таким образом, все главные мастера являются судьями и могут присуждать к изгнанию, бичеванию, выговору, отстранению от общей трапезы, отлучению от церкви и запрещению общаться с женщинами [102].

Для наблюдения за исполнением всех обязанностей... приставлены маститый старец со старухой, которые распоряжаются прислуживающими и имеют власть бить или приказывать бить нерадивых и непослушных; и в то же время они замечают и отличают мальчиков и девушек, лучше других исполняющих отдельные обязанности. Вся молодежь прислуживает старшим, кому минуло сорок лет. И вечером, при отходе ко сну, и утром начальник и начальница отправляют одного из молодых людей по очереди прислуживать в каждую отдельную спаль-

[99] Кампанелла, 1954. С. 82.
[100] Там же. С. 96.
[101] Там же. С. 88.
[102] Там же. С. 97.

ню. Друг другу молодые люди прислуживают сами, и горе уклоняющимся! [103]

Кто следит за соблюдением последнего правила, какого рода горе ожидает уклоняющегося, кто и как определяет меру этого горя — не уточнено. Зато из приведенного описания делается выглядящий несколько парадоксальным вывод:

> ...Столько друзей, братьев, сыновей, отцов и матерей живут вместе в такой степенности, благообразии и любви [104].

Похоже, основной побудительной силой руководства со стороны руководителей и подчинения со стороны руководимых следует полагать именно взаимную любовь. И горе тем, кто от любви уклоняется [105].

И при этом:

> ...Они беспощадно преследуют врагов государства и религии как недостойных почитаться за людей [106].
>
> Они ревностно следят, чтобы никто не оклеветал другого, так как ведь клеветник должен подвергнуться наказанию по закону возмездия [107].
>
> На третий день... приговор вступает в законную силу, причем ответчик примиряется со своими обвинителями и свидетелями, как с врачами своей болезни, обнимая их, целуя и т. д. [108]

Подобно тому, как это и у Мора:

> Законы их немногочисленны, кратки и ясны [109].

---

[103] Кампанелла, 1954. С. 57.

[104] Там же. С. 58.

[105] Тут китаисту, конечно, сразу же вспоминаются идеи Мо-цзы (III в. до н. э.). «Если рассмотреть, откуда начинаются беспорядки, то оказывается, что беспорядки возникают оттого, что люди не любят друг друга. Слуга и сын непочтительны к государю и отцу. Что такое беспорядок? Это то, что сын любит себя, но не любит отца, поэтому во имя своей выгоды он наносит ущерб отцу; младший брат любит лишь себя и не любит старшего брата, поэтому он наносит ущерб своему брату, чтобы обеспечить выгоду себе... Если отсутствует взаимная любовь между людьми, то непременно появляется взаимная ненависть... Необходимо отдельную любовь, корыстную выгоду заменить всеобщей любовью, взаимной выгодой...» (Цит. по: [Древнекитайская философия, 1994. Т. I. С. 192—193]).

[106] Кампанелла, 1954. С. 75.

[107] Там же. С. 100. В уголовном праве династии Тан за тысячу лет до Кампанеллы эта идея была полностью реализована как принцип обратной ответственности (*фаньцзо* 友坐) [Тан люй. Ст. 342; Уголовные установления Тан, 2005. С 251].

[108] Кампанелла, 1954. С. 98.

[109] Там же. С. 100. Приходится лишь догадываться, до какой степени уже во времена Возрождения опостылели европейской цивилизации лойеры, коль

Но:

> Смертная казнь исполняется только руками народа, который убивает или побивает осужденного камнями, и первые удары наносят обвинитель и свидетели. Палачей... у них нет, дабы не осквернять государства. Иным дается право самим лишать себя жизни: тогда они обкладывают себя мешочками с порохом и, поджегши их, сгорают, причем присутствующие поощряют их умереть достойно. Все граждане при этом плачут и молят Бога смягчить свой гнев, скорбя о том, что дошли до необходимости отсечь загнивший член государства. Однако же виновного они убеждают и уговаривают до тех пор, пока тот сам не согласится и не пожелает себе смертного приговора, а иначе он не может быть казнен. Но если преступление совершено или против свободы государства [110], или против бога, или против высших властей, то без всякого сострадания приговор выносится немедленно. И только такие преступники караются смертью. Повинный смерти обязуется перед лицом народа по совести объяснить причины, по которым, по его мнению, он не должен был бы умирать, объявить проступки других, заслуживающие смерти, и преступления властей, приведя доказательства того, что они заслуживают еще более тяжкого наказания... Однако выданных обвиняемых не истязают, а лишь делают им внушения [111].

Практических вопросов возникает тут просто море.

Ну хоть вот: существуют ли критерии, согласно которым тех, кого народу надлежит побить камнями, выносящие приговоры должностные лица отличают от тех, кому они обязаны дать право самим лишить себя жизни при помощи самоподрыва на мешочках с порохом? А если эти критерии расплывчаты или произвольны — нельзя ли тут поживиться во время принятия решений?

Конечно, в тексте сказано:

> Распределение всего находится в руках должностных лиц; но так как знания, почести и наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить [112].

Но как реально это отсутствие возможности достигается? Неужели единственно тем, что все общее? Разве пожива может быть только ма-

---

скоро утописты один за другим, с тем же упорством, что и об отмене денег, мечтали о том, чтобы лишить их питательной среды. Увы, как и в случае с деньгами, базовые свойства западной цивилизации поволокли ее, наперекор мечтам, в прямо противоположном направлении.

[110] В свете всего сказанного упоминание о свободе особенно умиляет. Впрочем, если верить переводу с латинского, речь ведь идет не об индивидуальной свободе, а о свободе государства... Возможно, в том числе — и о его свободе освобождать соседние государства от режимов, которые утопийское руководство соблаговолило счесть тиранническими.

[111] Кампанелла, 1954. С. 98—99.

[112] Там же. С. 45.

териальной? Как можно, например, сделать общими знания, почести и наслаждения — и не найдется ли как раз именно здесь очередной лазейки для того, чтобы порадовать себя, попытавшись по каким-то параметрам стать «равнее» остальных?

Или, если вспомнить внешнюю политику: кто, как и с какой честностью ведет учет бездн конфиската, возникающих, когда, как было процитировано выше, «все имущество покоренных или добровольно сдавшихся городов немедленно переходит в общинное владение»?

Можно сказать, что здесь мотивационная основа управленческой деятельности выглядит наиболее убого и неубедительно. Ее составляют:

- внедренная в сознание в процессе коллективистского воспитания гипертрофированная, самозабвенная исполнительность, полностью, похоже, заменяющая реальный интерес к своей работе, увлеченность своей работой, гордость за нее;
- полное бескорыстие, обеспеченное отсутствием частной собственности, семьи и искоренением честолюбия (однако понятие «почестей» тем не менее каким-то образом сохраняется);
- всеобщая любовь;
- назначение всех и каждого на ту работу, которая, согласно астрологическим прогнозам, для них наиболее естественна;
- надежда отвести душу, освобождая кого-нибудь от какой-нибудь тирании, и затем ограбить освобожденных, передав их имущество в коллективное пользование;
- постоянная угроза снятия с должности «по воле народа»;
- постоянный страх бессудного наказания неизвестной и непредугадываемой суровости, применяемого просто «в рабочем порядке»;
- чудовищная жестокость по отношению к тем, кто оказался признан «врагами государства и религии, недостойными почитаться за людей».

4

Подводя краткий итог, можно сказать следующее.

Первое.

При отчаянной зарегулированности утопических миров, где едва ли не все происходило по воле начальства, с его ведома и под его контролем, предусмотренные для этих миров системы стимулов управленческой деятельности совершенно не способны были обеспечить мало-мальски качественных управленческих услуг.

Может быть, это утверждение прозвучит нелепо, напоминая подсчет ангелов, умещающихся на острие иглы, но невозможно отделаться от мысли, что одной из самых серьезных причин неосуществимости подобного рода социальных конструкций является слабая или вообще

никакая мотивированность идеальных управленцев на добросовестное выполнение ими их бесчисленных идеальных обязанностей.

Для всех утопий корпус управленцев явно предусматривался весьма изрядный. Обязанности по руководству рядовым населением и контролю над ним, по производству материальных благ и по их распределению были нескончаемы и бесчисленны. Но при этом управленец нового типа, способный выполнять свои функции при той системе мотиваций, которая предусматривалась для него утопиями, никак не в состоянии был возникнуть в толще старого мира и его традиций, ценностей и межчеловеческих отношений. Управленец, соответствующий утопии, мог быть выращен разве лишь в уже построенной утопии. Без нового управленца утопия не могла функционировать, но только невозбранно функционирующая, изолированная от внешнего мира утопия могла породить нового управленца [113].

После ампутации всех реальных стимулов, сориентированных независимым творческим порывом, удовольствием от работы, самоутверждением, честолюбием, заботой о семье и вообще понимаемой максимально широко корыстью, набор мотиваций управленца не мог не свестись всего лишь к двум.

Во-первых, к маниакальному, сродни вызванному гипнозом, стремлению к некоему общему благу; причем на деле стремление это грозило быстро выродиться в простое подобострастие к любому вышестоящему (уже потому хотя бы, что ведь только вышестоящий, может быть, знает, в чем именно это благо заключается). Во-вторых, к постоянному страху непредсказуемой кары, осуществляемой порою просто с садистской жестокостью. Работать эти факторы могли только внутри «прекрасного нового мира», пока тот сохранял зомбированное единство и карающую силу; сделаться таким сам, оставаясь в обыденной реальности, самостоятельно, без давления извне, управленец принципиально был не в состоянии.

Для того чтобы стать достойным стражем, сифогрантом или хотя бы маститым старцем, человек должен быть с детства вырван с корнем, с кровью из реально существующей культурной традиции и погружен в традицию новую, радикально отличную, созданную искусственно; но этой новой традиции не существовало нигде, и попытаться создать ее на руинах старой могли лишь те люди, которые сами были плоть от плоти этой старой традиции и культуры, просто против нее восстали. Первое поколение таких управленцев и впрямь могло быть мотивировано исключительно собственным восстанием; их преемники неизбежно повисали бы в эмоциональной пустоте.

---

[113] Да и то вся его новизна грозила свестись всего лишь к особо изощренному, не прекращающемуся ни на миг притворству — но сейчас даже не об этом речь.

Ставить судьбу будущего в зависимость от успешной переделки природы человека — значит самому лишать себя будущего.

Европейские утопии — это классические приглашения перемахнуть пропасть в два прыжка.

В значительной степени именно в силу данного противоречия всякая попытка реализовать такую утопию требовала прямого насилия, вырождалась в прямое насилие и затем неизбежно приобретала характер, по меньшей мере, драматический. А в итоге приводила, как правило, к результату, противоположному мечте.

И второе.

Внутренний мир управленца, его духовный посыл, его творческая энергия, его личные этические ориентиры совершенно выпадали из рассмотрения утопистов. Возможно, потому, что ко времени создания самих утопий бюрократия в Европе пребывала в зачаточном состоянии, и конструкторам идеальных обществ казалось, что для выполнения распоряжений вышестоящих нижестоящим достаточно лишь получить эти самые распоряжения, а дальше все решится само собой. Психология управленца не то что не волновала конструкторов идеальных миров; для них и проблемы-то такой не существовало. Чиновник, его эталонный тип, его переживания и его рутинная работа ни в малейшей степени не были встроены в общую этическую картину положительной социальной перспективы.

Однако это был существеннейший просчет.

Мотивами конструировании утопии являются два естественным образом присущих человеку стремления: избавиться от нежелательного и достичь желательного. Одно неразрывно связано с другим.

Мало того, что управленцу ни в малейшей мере не был предложен его положительный, заманчивый, призывный образ, которому хотелось бы уподобиться, которого хотелось бы достичь.

Но ведь для избавления от нежелательного человек исстари придумал методики куда более эффективные, нежели переконструирование всего общества и всего человека в целом. А именно — системы табу, комплексы освященных традицией запретов и, в конце концов, уголовное право. В этом смысле уложения о наказаниях как раз и являются косвенным описанием приземленных, половинчатых утопий. Под угрозой уголовного наказания отсекая в них все нежелательное, но оставляя все приемлемое, общества, существующие В РЕАЛЬНОСТИ, стараются достичь этих субутопий как своих собственных предельно позитивных, предельно благополучных РЕАЛЬНЫХ состояний.

Однако, не имея позитивного проекта, безукоризненного образа себя, принципиально невозможно придумать хотя бы один-единственный уголовный закон. Если мордобой или казнокрадство считаются в обществе нормой, никому и в голову не придет устанавливать за них уголовные наказания. Чтобы дойти до мысли об осуществляемом от

лица государства возмездии за нанесение увечья или использование служебного положения в личных целях, правящая элита должна видеть в туманной дали будущего сообщество людей, которые даже в ярости не могут поднять друг на друга руку или стащить из вверенного им амбара меру зерна для голодного племянника. Вне выношенной данной культурой мечты о ее собственном чаемом состоянии, а стало быть, и о чаемых образах людей, невозможно придумать, за что карать, что отсекать угрозой наказаний и их применением.

Лишь за счет проработанного представления об идеале можно по-настоящему тщательно и адекватно отградуировать степени вины за то или иное отклонение от него. Говоря проще, для того, чтобы сформулировать, как НЕ НАДО, прежде всего надо иметь более или менее панорамное представление о том, как НАДО. Только представление о том, как НАДО, дает возможность предписывать, как НЕ НАДО.

Без выработанного собственной культурой целостного идеального представления о себе и своем обществе, о том, каким оно вместе со всеми людьми, его населяющими, должно стать в результате целенаправленной деятельности по его улучшению, не разработать эффективной системы уголовного права. Вне культурного проекта законотворчество начинает напоминать слона в посудной лавке, обезумевшего от насекомых. В ответ на каждый новый укус он беспорядочно топочет ножищами, но под ними лишь бесценный фарфор хрустит. Он понятия не имеет, кто и откуда вопьется в него в следующую секунду. Торопливо принимаемые новые законы то жестоко карают по пустякам, то оставляют практически без возмездия серьезные и разрушительные деяния. И всегда реагируют с опозданием. Потому что нет общей картины состояния, которого надо достичь.

Но чтобы порождать реально работающие системы, это идеальное состояние непременно должно быть продолжением реально намеченных в культуре, естественным образом зародившихся и развивающихся тенденций.

Скажем, если бы мир Кампанеллы каким-то чудом вдруг оказался реализован, он непременно столкнулся бы с необходимостью силовыми методами пресекать уклонения от исполнения существеннейших, опорных для всей общественной морали действий. И, стало быть, в его уголовном уложении непременно должно было бы найтись место законам, предписывающим достаточно суровые кары и для тех, кто, будучи признан виновным в чем-то серьезном, откажется просить себе смертного приговора и обкладывать себя мешочками с порохом (но как можно добавить наказание тому, кто и так обречен на эту жуткую смерть?), и для тех, кто не станет при этом стоять вокруг места казни, уговаривать несчастного умереть достойно и при этом плакать от сострадания к нему же.

Понятно, что описанное Кампанеллой нормативное поведение противоречит всему, что мы знаем о естестве человека, и, стало быть, для нормальных людей искреннее его исполнение невозможно; оно исполнялось бы ТОЛЬКО под страхом наказания, калеча души всем реально способным к состраданию людям и превращаясь в ханжеский фарс. Неизбежны были бы массовые уклонения от его исполнения. Исполнять эту мерзость легче всего было бы подонкам; порядочные люди бежали бы от нее, как могли, и раньше или позже все рядовые Солярии либо стали бы подонками, либо оказались бы виноваты перед законом и, в свою очередь, подверглись бы карам. Уже одно это доказывает полную ирреальность выдуманного мира. Ведь никакой прагматической социальной ценности, никакой осмысленной результативности все эти колоссальные усилия по принуждению не имели бы.

Но зато как вожделенны они оказались бы для корыстной бюрократии! Какой простор они предоставляют для произвола со стороны тех, кто обеспечивает исполнение этих противоестественных, идущих наперекор всякой реальной психологии и культуре требований! Тех, кто следит за своевременностью и интенсивностью уговоров взорваться и рыданий по поводу этой необходимости. Тех, кто выясняет причины неисполнения столь важного общественного долга (по болезни, в состоянии аффекта, по злому умыслу, по предварительному сговору в составе группы лиц) и определяет наказания за такое неисполнение! Коррупционная составляющая законов, требующих от человека выворачиваться наизнанку, везде и во все времена равна ста процентам.

Оставив в практически полном небрежении образ идеального управленца и то, что этим управленцем движет, ради чего он живет, что его вдохновляет и что обескураживает, европейская утопия вдобавок еще и лишила себя столь мощного средства помочь идеальному человеку побеждать реальные соблазны, как уголовное право.

Сложившийся и возобладавший в культурной традиции образ правильной жизни обеспечивает статистическое доминирование надлежащих, уважаемых, одобряемых намерений и действий. Формирует работоспособную сердцевину реальности. Уголовное право отсекает от этой сердцевины все лишнее, все отклоняющееся. Если нет сердцевины, лишнее не от чего отсекать.

А это, собственно, значит, что в зависимости от настроения или индивидуальных представлений каждого начальника отсекать можно все, что угодно.

Неспроста все упоминания о наказаниях в утопиях носят столь общий, столь аморфный характер. Ни разу не упомянуты специфические и специально для чиновников предназначенные меры пресечения. Нет ни единого упоминания о том, что деятельность управленца должна или хотя бы может регулироваться некими особыми нормами, не имеющими касательства к рядовым гражданам, — потому что, соб-

ственно, и за самой этой деятельностью не признано никакого своеобразия. Назначили, выбрали — делай. Что делай, как делай, почему и чего ради делай — непонятно. Ради общего блага, и точка. А следовательно, непонятно и то, когда, за что и при каких условиях управленца можно упрекнуть в том, что он психологически или поведенчески не соответствует своему назначению и положению.

Усложнение системы государственного управления и развитие бюрократии на заре Нового времени свалились на Европу как снег на голову. В ее этической картине мира не было места для кадрового управленца. Идеалисты предшествующих веков не озаботились тем, чтобы предложить управленцу какие-то его собственные, специальные «плохо» и «хорошо». Чиновнику не показали ни манящих его грез, ни его отвратительных образин. И лишь пробуждение национализма, по времени совпавшее со складыванием первых бюрократий мало-мальски современного типа, частично скомпенсировало этот пробел, кое-как заполнило этот вакуум: штатные бюрократы получили возможность ощутить себя хотя и бледными, но все же подобиями таких блистательных enfants de la Patrie, как, скажем, гусары. Возможно, это совпадение по времени не случайно; если бы усложняющиеся государственные образования не принялись апеллировать к народным чувствам, не стали бы провозглашать себя прибежищами и детищами живущих в них наций, бюрократу и управленцу, не будь ему предложена роль патриота, в его новом количестве и качестве просто не для чего оказалось бы работать.

Ну, разве что для себя и своего кармана — но о том-то и речь.

Возникающее то тут, то там и кажущееся порой необъяснимым и гротескным мракобесием искусственное нагнетание официальной пропагандой (зачастую — в его самых архаичных и нелепых формах) национализма может с этой точки зрения трактоваться всего лишь как более или менее инстинктивно предпринимаемая попытка высшей власти повысить мотивированность, а следовательно, и эффективность своего управленческого аппарата. Попытка, надо сразу сказать, в современном мире отнюдь не обязательно результативная, но всегда чреватая опасными осложнениями. Попытка сродни акту отчаяния. Если кроме вымученной национальной гордости, а то и, не дай Бог, исключительности вообще уже ничего не найти за душой, остается хвататься лишь за эту ядовитую соломинку.

В многонациональных же, и тем паче — в мультикультурных конструкциях без некоей интегрирующей мобилизационной светской идеологии [114] дееспособная бюрократия, похоже, вообще немыслима.

---

[114] Я называю мобилизационными такие идеологии, в которых будущее мыслится важнее настоящего, должное — важнее сущего, общее — важнее личного и праведность — важнее успешности. В значительной степени эти идеологии являются секуляризованными производными от соответствующих

Достаточно вспомнить уже ставшие притчей во языцех неэффективность, неповоротливость и дороговизну бюрократического аппарата единой Европы, работающего скорее для самого себя, нежели для составляющих Европу стран. Ну, а о современной российской бюрократии и об уровне ее эффективности лучше и вообще не вспоминать, чтобы не опустились руки с тоски.

Проблема перспективы

1

Попробуем представить две семьи, живущие в пустыне. Обе — вполне славные, любящие, крепко спаянные, исполненные родственной любви и уважения. Да и друг к другу относятся доброжелательно, по-соседски. Не без соперничества, конечно, не без шумных споров и едких подтруниваний, не без стычек на межах. Живые же люди, как иначе?

У них один источник воды на оба хозяйства.

И вот родник этот начинает пересыхать.

А может, просто дети подросли и сами уже становятся родителями, и той воды, что раньше хватало, теперь не хватает.

Вопрос: как без насилия, без контроля со стороны, без колючей проволоки, без КПП, где каждый должен под дулом автомата предъ-

---

религий спасения, пусть даже сравнительно архаичных, переходных (таких, скажем, как культ предков, где понимаемое весьма примитивно спасение умершего является результатом праведного, нормативного отношения к его памяти, его праху и его душе со стороны его еще живущих потомков). Можно заметить, что непременным атрибутом всех такого рода идеологий является краеугольный постулат «жизнь имеет смысл». То, каков именно этот смысл, есть ядро любой мобилизационной идеологии — именно представление о смысле и цели жизни отличает их одно от другого; но в самом общем виде таким смыслом является активное совмещение должного и будущего, то есть деятельность, в результате которой должное непременно станет сущим, едва лишь завтра превратится в сегодня. Специфичность же смысла обусловливается специфичностью представлений о том должном, которому суждено стать сущим. Стоит смыслу оказаться размытым или дезавуированным, от идеологии остается лишь набор мертвых заклинаний и пустых процедур. Именно в силу своей секуляризованности мобилизационные идеологии способны объединять людей, принадлежащих к различным религиям и к порожденным различными религиями различным светским культурам; прижизненные ценности и ориентиры более или менее совпадают (будущее — важнее настоящего, должное — важнее сущего, общее — важнее личного и праведность — важнее успешности), а их специфические религиозные обоснования элиминированы и потому не способны служить источниками разобщения и враждебности.

являть талон на свою жалкую суточную норму влаги, без призывов к толерантности и прочих пустых словес добиться того, чтобы семьи не перессорились, не начали ненавидеть друг друга и друг другу вредить, а напротив, стали бы еще сплоченнее и стали бы еще доброжелательнее относиться одна к другой?

Ответ только один: подать им идею выкопать колодец, где воды хватит на всех.

Значит — такой большой колодец, такой глубокий, что отрыть его можно лишь предельным напряжением всех сил всех членов обеих семей. Вот тогда они примутся пылинки друг с друга сдувать — и не на словах, а на деле, в поту и грязи. Ибо каждая пара рук на счету. Ибо, что ни день, будет множиться реальный опыт не взаимных столкновений и упреков, а взаимодополнения и взаимовыручки. И товарищество будет длиться, уж во всяком случае, до того момента, пока сохраняется надежда и впрямь докопаться до воды [115].

Конечно, когда колодец будет выкопан или, тем более, когда выяснится, что воды так и нет, междусемейная конкуренция может вспыхнуть сызнова. И даже внутрисемейная. И даже вражда не исключена. Но может и нет. Может, за это время они все так сроднятся, что затем даже в случае всякого рода неприятностей их все равно уже будет не поссорить. А может, кто-то из них, пока суд да дело, откроет методику опреснения воды из близлежащего океана, и им всем вместе снова придется засучить рукава и строить опреснительную станцию...

Проблема наличия или отсутствия положительной перспективы — личной и общей — имеет самое прямое отношение к проявлению человеком и общностью людей своих положительных и отрицательных качеств.

Чтобы иметь силы противостоять собственной апатии и собственному эгоизму, нужно как отдельному человеку, так и обществу куда-то расти. Когда те общие усилия, обеспечению которых призваны служить лучшие индивидуальные качества (бескорыстие, верность, самопожертвование ради общего блага, духовная и профессиональная активность, целеустремленность), способны приносить плоды, эти качества действительно могут самовоспроизводиться в обществе. Если

---

[115] Это не просто моя выдумка и не литературщина. Например, замечательный психолог Виктор Франкл отмечал: «Судя по... наблюдениям за тремя группами подростков, отдыхавших в закрытом летнем лагере, спортивные состязания не снимают, а, наоборот, стимулируют агрессию. И что самое любопытное — за все время пребывания в летнем лагере эти подростки лишь один раз перестали вести себя агрессивно, и случилось это в тот момент, когда им пришлось сообща толкать увязший в грязи грузовик, на котором доставляли продовольствие в лагерь. В пылу этой трудной, но нужной работы они буквально позабыли о своей вражде» [Франкль, 2009. С. 18].

же объективная ситуация лишает общество шанса на рост, развитие, незряшный подвиг, если появляется отчетливое ощущение того, что все усилия тщетны и ничего более нельзя создать, можно лишь так или иначе цепляться за уже созданное (тем более — созданное другими), то эмоционально манящим и социально престижным становится не свершение, а стяжание.

Когда исчезает ощущение перспективы, любые личные усилия превращаются в чистое насилие над собой и быстро затухают, завершаясь полной апатией, а то и вспышками иррациональной агрессии. А усилия государственные превращаются в рутину, а то и в рутинный произвол, утрачивая вдохновляющий смысл последовательных шагов в бескрайний простор. Когда достигнут и пройден предел роста, следование идеалам и предполагаемым ими добродетелям теряет наглядную эффективность, окрыляющую результативность, притягательную плодотворность. Любая неэгоистичная деятельность теперь может совершаться лишь из-под палки. Любая идеология формализуется и мертвеет. Ее одухотворяющее воздействие сходит на нет. Ее ритуалы превращаются в фарс.

Когда люди чувствуют, что жизнь, время и их собственный труд несут их в желанное будущее, в массе своей они совершенно естественным образом работают не за страх, а за совесть, рожают и пестуют детей; им в радость быть верными, бескорыстными и дружелюбными. А вот когда они чувствуют, что необоримый ток дней и месяцев за шиворот тащит их в адскую прорву, они в большинстве своем в состоянии лишь предавать, куражиться напоследок и приватизировать все, что подвернется.

Проблему осложняет и то, что ощущение обрушения может возникать не только в реальных пропастях. Оно достаточно быстро может быть индуцировано всего лишь неустроенным бытом, злобой дня и мрачными прогнозами тех, кому только бы сказануть нечто такое, что привлечет внимание и, выражаясь нынешним языком, поднимет их личный рейтинг. Представление же о желанном будущем — нежный и капризный плод, в течение многих веков вызревающий на одной из самых хрупких веточек древа культуры; а вдобавок к его собственной уязвимости — именно на него в первую очередь набрасываются бесчисленные и разнообразные садовые вредители.

Простейшим видом обретения обществом перспективы является государственное строительство и территориальная экспансия, но рост подвластного пространства и населения отнюдь не исчерпывает перечня видов роста, способных придавать смысл индивидуальной и коллективной жизни.

С вызванным утратой перспективы тупиком, сколько я понимаю, встретился в свое время Рим. Пока республика, а затем империя, шла вперед, пока защищалась от агрессии более развитых соседей, пока

побеждала и объединяла народы, при всех хорошо известных издержках знаменитые римские добродетели работали. Когда окружающий мир уперся и перестал пускать империю дальше, когда установилось равновесие, римская элита начала от бессмысленности бытия впадать в апатию или куролесить кто во что горазд. Да и не одна лишь элита [116].

Новую перспективу открыло христианство.

Оказалось, что все лучшие человеческие качества могут приносить результат не только и не столько в мире сем, сколько в мире горнем. Положительная перспектива обнаружилась за гробовой доской. Открылся совершенно новый сияющий простор, который можно было покорить, только проявляя максимум веры, верности, честности, стойкости, бескорыстия и братской любви. Конечно, перспектива оказывала манящее воздействие далеко не в равной мере на всех. Но в целом — стремление в этот простор создало европейскую цивилизацию.

Секуляризация и Просвещение если не лишили Европу потустороннего простора, то, во всяком случае, серьезно поставили его под сомнение. Перспектива оказалась на грани закрытия. В этом тупике возник галантный век с его рационализмом, торжеством изящно упакованного себялюбия, беззастенчивой корысти, безудержной похоти и ядовитого, порой — откровенно злобного ерничанья надо всем, что было святынями в течение почти двух тысяч лет.

Но с поразительной своевременностью практически в это же самое время европейская цивилизация выдвинула совершенно новую концепцию истории. Согласно ей история не есть топтание на месте или бег по кругу, но поступательный и, что самое существенное, — в значительной степени управляемый процесс восхождения из мира менее совершенного в мир более совершенный.

Перспективой стал отныне не загробный рай, но посюстороннее светлое будущее.

Стоит предложить некий вариант будущего общественного устройства, с той или иной степенью убедительности доказать желательность и возможность его построения — и, буде найдутся люди, для которых это будущее окажется эмоционально притягательным, которые захотят общими усилиями и впрямь построить его, все они окажутся братьями по новой вере, дающей, как и всякая чисто религиозная вера, столь необходимый индивидууму надындивидуальный смысл бытия. Лучшие человеческие качества снова оказываются востребованы. А если брат поведет себя по отношению к брату аморально, новый бог накажет: желаемое всеми братьями будущее может не сбыться.

---

[116] «...Невероятный произвол власти, выражающийся и в бесконтрольности императоров, и в достигшей воистину фантастических размеров коррупции аппарата, и в системе всеобщего закрепощения» [Васильев, Фурман, 1974. С. 457].

Не приходится удивляться тому, как скоро и уверенно старые утопии пропитали все предлагавшиеся в XIX—XX вв. идеальные модели сознательно конструируемого будущего. Давние мечты и, не побоюсь этого слова, мании культуры зажили в якобы рациональных моделях новой жизнью — хотя в каждой из них по-своему.

Ныне все эти модели безвозвратно скомпрометировали себя. Ни одной общей посюсторонней перспективы, манящей хоть сколько-нибудь значительное число людей, снова не осталось. Перспективу предлагают, как встарь, лишь традиционные религии, но роль и влияние религий в нынешнем обществе, что ни говори, радикально отличны от средневековых.

Снова, как бывало уже не раз, человеку не для чего быть честным, самоотверженным, верным; все эти качества опять не приносят ему ни выгоды, ни престижа, ни любви окружающих; но самое главное — они объективно безрезультатны. Потому что нет ни малейшего общего представления о результате как таковом. Столь желанный ныне для каждого личный успех есть стремление хоть и одинаковое, но не общее. Одинаковое стремление порождает конкуренцию. Сотрудничество порождается лишь стремлением общим.

В этих условиях говорить о добросовестности и бессребреничестве управленца просто смешно. Управленец, во-первых, такой же человек, как и все остальные, член того же общества, что и те, кем он управляет. И вдобавок его положение неизбежно таит куда больше соблазнов; для их преодоления требуется куда больше бескорыстия, самоотречения, верности долгу и увлеченности общим идеалом, воплощение которого и являлось бы первой и главной наградой и корыстью.

И вот уже от постылой бесцельности немало славянских и западноевропейских голов мечтательно кружатся от совершенно им чуждой и не имеющей ничего общего с хваленым европейским гуманизмом идеи всемирного халифата. Его провозвестники уже тут как тут, из каждой щели сулят очередное светлое будущее. Шариатские суды, публичные отсечения рук и голов, рабовладение, грамотность в пределах наставлений по стрелковому делу и, как следствие, — завоевание мира... Простой и ясный мир средневековья. Безо всяких постмодернистских изысков.

Люди не могут без альтернативы обыденщине. Особенно если эта альтернатива предлагает хоть какой-то общий смысл, а следовательно — обещает вернуть ставшему свободным уже до полного одиночества человеку братьев, ради которых сладостно и почетно и жить, и жертвовать собой.

2

И тогда европейская цивилизации, бессильно ощущая, что пора бы и самой что-то предложить, пытается снова подать голос.

Оказывается, люди делятся на тех, кто мыслит правильно и неправильно. Мышление одних «объективно приводит к кризисному состоянию цивилизации и служит его обострению», а мышление других — «способно вывести цивилизацию из кризисного состояния и дать надежду на построение гармоничного человеческого общества».

> В итоге появляются носители «разных мышлений», образуя как бы разные популяции людей, которые при внешнем сходстве принципиально отличаются друг от друга. Что-то подобное кроманьонцам и неандертальцам, которые продолжительное время существовали одновременно, но относились к разным подвидам homo sapiens и враждовали друг с другом [117].

Правда, автор, почувствовав, куда его занесло, торопливо оговаривается:

> Это различие не становится, разумеется, наследуемым качеством мышления и поэтому не может стать даже в малейшей степени основанием или оправданием для дискриминации, расизма или геноцида (но надо признать, что, будучи отягощенным предрассудками и невежеством, именно это состояние и приводит реально к дискриминации, расизму и геноциду!), но в каждый данный момент это различие — объективный природный факт! [118]

Лекарство, однако, оказывается горше болезни. Эта оговорка лишь усиливает ощущение жути. Во-первых, из нее непреложно следует, что «в каждый данный момент» убогость мышления низшей расы все же может служить основанием для геноцида. А во-вторых, она тут же подбрасывает ему и оправдание: ведь это будет не геноцид, а защита от геноцида, потому что к геноциду-то приводит как раз этот низший тип мышления! Знакомый зачин знакомой песни: мы никогда не нападаем первыми, но из соображений гуманизма и в целях уменьшения количества жертв наш справедливый ответный удар обязательно должен быть упреждающим...

Сосуществование людей с разными типами мышления автор аккуратно называет «состоянием интеллектуальной несовместимости».

> Гармонизировать их отношения нельзя до тех пор, пока мышления остаются различными... Разрешение всех существующих между людьми противоречий... зависит только от того, удастся ли людям найти и

---

[117] Цаплин, 2009. С. 161. В разделе «Наши авторы», завершающем томик журнала, где статья опубликована, о В. Цаплине говорится следующее: «Род. в 1941 в Москве. Окончил физический факультет МГУ. Работал в НИИ ядерной физики МГУ. С 1991 года живет в США».

[118] Там же. С. 162.

> внедрить единую... форму мышления для жителей всей Земли, которая выше и названа полноценным мышлением [119].

Зачистка планеты от неполноценно мыслящих и внедрение единой формы мышления для всего человечества предлагается, таким образом, в качестве модели очередного светлого будущего.

Относить к неполноценно мыслящим автор предлагает тех, кто даже в постиндустриальном мире продолжают ощущать себя принадлежащими к какой-то нации или придерживаться какой-либо религии [120].

Полноценное же мышление характеризуется:

> ...Рациональной, связной, единой, адекватной физическому миру основой, непредвзятым анализом достоверных причин складывающихся ситуаций, рассмотрением явлений как звеньев в цепи рациональных причинно-следственных связей, критическим отношением к стереотипам мышления и поведения, способностью к глубокому абстрагированию, сложным ассоциативным связям... [121]

Другими словами, характеризуется в качестве первого и абсолютно необходимого условия — полным разрывом с традицией.

Новый человек может быть создан, только будучи с корнем и кровью вырван из своей культуры. Как у Платона, Мора, Кампанеллы.

Очередное преодоление человека по Ницше.

Буквально с дрожью я представляю себе систему ценностей, стимул к коллективной деятельности, основу братства, построенные на стремлении достичь вот такого светлого будущего. А уж от самого подобного братства просто оторопь берет. Если же попробовать вообразить себе еще и управленца, мотивированного идеей принадлежности к полноценно мыслящей части человечества, тогда как все, кто вверен его попечению, мыслят неполноценно...

Я взял эту незначительную, но характерную и именно в силу своей незначительности очень откровенную статью лишь в качестве показательного примера. Подобные взгляды сейчас распространятся все шире.

Вот, скажем, наделавшая много шума статья Роберта Купера, наставника бывшего премьера Великобритании Тони Блэра по вопросам внешней политики — «Почему нам все еще нужны империи?» В ней, в частности, говорится:

---

[119] Цаплин, 2009. С. 166.

[120] Там же. С. 164—165.

[121] Там же. С. 160. Если пересказать все это пиршество духа попросту, боюсь, получим: уехал в Америку — стало быть, мыслишь полноценно. Непредвзято, адекватно физическому миру, с глубоким абстрагированием, критически к стереотипам... ну и т. д.

> Постмодернистский мир должен начать привыкать к двойному стандарту. Между собой мы должны оперировать на основе закона и открытого сотрудничества в области безопасности. Но имея дело со старомодно организованными государствами за пределами постмодернистского континента Европы, мы должны возвращаться к более жестким методам, применявшимся в более раннюю эпоху, — силе, упреждающему удару, обману — всему тому, что необходимо во взаимоотношениях с теми, кто все еще живет в мире XIX века. В своей среде мы должны придерживаться Закона, но когда нам приходится действовать в джунглях, мы должны использовать законы джунглей. ...Вызов, брошенный досовременным миром государств-неудачников, является для нас новым. Досовременный мир есть мир, в котором потерпевшие крах государства лишились законного права на использование силы или монополии на нее; часто они лишились и того и другого. …Самый логичный способ иметь дело с хаосом — и этот способ неоднократно применялся в прошлом — это колониализм. Но он неприемлем для постмодернистских государств. Империя и империализм — это слова, которые превратились в нечто вроде ругательства, и ни одна колониальная держава не согласится пойти на это, хотя возможность — и даже, пожалуй, необходимость — для колонизации присутствует сегодня ничуть не меньше, чем это было в XIX столетии. … То, что нам нужно, — это новый вид империализма, который сочетается с правами человека и с космополитическими ценностями [122]...

Другими словами, то, что люди спокон веку собирательно называли «порядочностью» и «человечностью», может и должно применяться лишь в отношении тех, кто роет один с автором статьи колодец. Все иные роют не те колодцы, примитивные, неправильные, и, стало быть, сами неполноценны. Так с какой стати с ними церемониться? Империализм с правами человека — это похлеще социализма с человеческим лицом.

Как там у Кампанеллы? Напомню:

> ...Они беспощадно преследуют врагов государства и религии как недостойных почитаться за людей [123].

Чуть выше мы уже видели, как элементы былых утопий, практически не меняясь, оказываются по прошествии времени элементами явных антиутопий. Оказывается, может случиться и наоборот.

Без малого полтора века назад Герберт Уэллс в знаменитой «Машине времени» описал мир, в котором социальный прогресс расчле-

---

[122] Cooper, 2002.

[123] Кампанелла, 1954. С. 75. Только вместо религии ныне — самоупоение постмодернистского мира, а вместо отдельного государства — евроатлантический ареал, противопоставляемый остальному человечеству.

нил род людской на две расы: элоев и морлоков. Современниками Уэллса это воспринималось как жутчайшая антиутопия.

Опробовав в качестве моделей светлого будущего коммунизм, ради которого население следовало чистить по классовому критерию, нацизм, при котором фильтровать надлежало по критерию расы, и либерализм, сепарирующий человечество по критерию полноценного и неполноценного мышления [124], современная цивилизация, доводя излюбленный ею третий вариант до абсурда, начинает предлагать в качестве заманчивой общей цели давно известный кошмар. Утопия и антиутопия опять поменялись местами.

Евроатлантическая мысль пошла по кругу.

Конфуцианский вариант

1

В силу факторов в первую очередь чисто природного характера Китай очень рано познал многие плюсы и минусы реальной бюрократии.

Исстари объективно обусловленная необходимость объединять разнородные и слаженные трудовые усилия больших коллективов людей сделала неизбежным возникновение достаточно обширной прослойки низовых непосредственных руководителей, координаторов этих усилий. Затем, по мере развития подконтрольной государству экономики, понадобилось координировать уже самих координаторов. Платон еще придумывал своим стражам обязанности по строгому контролю над поэтами, а в Китае уже начинали представлять себе, что такое бюрократический аппарат, от которого зависит и снабжение населения продовольствием, и возведение водозащитных сооружений, и поддержание в надлежащем состоянии сухопутных и речных коммуникаций невообразимой для Греции протяженности.

История китайских утопий правления, утопий преобразования сущей действительности в должную насчитывает не меньше веков, чем история утопий европейских. Конфуцианский вариант этих утопий, которому суждено было оказать решающее влияние на всю будущность страны, начинается с «Лунь юя» («Бесед и суждений») — одного из основополагающих текстов конфуцианского канона. Считается, что «Лунь юй» состоит из записей высказываний Конфуция, уже по

---

[124] Впрочем, все эти разделения являются лишь исторически обусловленными метаморфозами исстари пропитавшей авраамические цивилизации парадигмы «избранного народа» (סְגֻלָּה עַם *ам сгулла*). Каких только форм она не принимала, перетекая, словно из сосуда в сосуд, из эпохи в эпоху и из страны в страну!

памяти сделанных его учениками после смерти учителя. Современная «Древнекитайская философия» характеризует это произведение так:

> «Лунь юй»... является единственным произведением китайской классической литературы, которое более или менее непосредственно передает взгляды Кун-цзы — так в Китае называют Конфуция... [125]

Время создания «Лунь юя» — V в. до н. э.

Уточнено и развернуто представление о том, каким должен быть в государстве надлежащий порядок, в ином произведении конфуцианского канона — «Ли цзи» («Книге установлений»). Этот источник представляет собой изложение соображений Конфуция по различным вопросам, сделанное его последователями уже значительно позже. У «Ли цзи» нет ни единого автора, ни даже единой группы авторов. Труд был написан разными людьми и в разное время, в основном с IV по I в. до н. э. Сформулированные в «Лунь юе» и «Ли цзи» представления об идеальном управлении в дальнейшем не подвергались сколь-либо существенному пересмотру [126].

При первом же взгляде на конфуцианский социальный идеал поражает прежде всего лаконизм его описания, его приземленность и скромность сформулированных в нем запросов. Нам, европейцам, привыкшим, что надо не улучшать мир, а попросту раз за разом заменять очень плохой мир очень хорошим, конфуцианский идеал и утопией-то трудно назвать. Но, по всей видимости, для Конфуция и его последователей это было не так. Ведь даже то абсолютное правило морали, которое много веков спустя стали называть золотым, великий Учитель Китая мотивировал всего лишь заботой о вполне реалистичном и мирном социальном упорядочении.

Стоит лишь сравнить:

> И так во всем: как хотите, чтобы с вами поступали, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки [127].
>
> Не делай другим того, чего не желаешь себе. И тогда не будет обиженных ни в государстве, ни в семье [128].

В тексте «Лунь юя», там, где в русском переводе сказано «обиженных», стоит иероглиф *юань* 怨. Это не просто «обида». Это едва ли

---

[125] Древнекитайская философия, 1994. Т. I. С. 139.

[126] Подробное изложение истории развития конфуцианских утопических представлений можно найти в блестящей статье А. С. Мартынова «Конфуцианская утопия в древности и средневековье» [Мартынов, 1987]. В ней наряду с утопиями правления проанализированы, например, и так называемые утопии бегства.

[127] Матф. 7:12.

[128] Лунь юй. 12—2. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 288.

не всеобъемлющий комплекс всего негативного, разобщающего: «обида», «зло», «вред», «злоба», «враждебность», «ненависть», «возмущение» [129]. Отсутствие *юань* в семье — это благоденствие родного дома. Отсутствие *юань* в стране — это благоденствие родного края. И для того, чтобы такое состояние оказалось достигнуто, нужно всего-то лишь вести себя по отношению к окружающим так, как ты хотел бы, чтобы они вели себя по отношению к тебе. Уже из этого короткого высказывания видно, какое громадное значение придавал Конфуций этической правильности межчеловеческих отношений; посредством одной лишь их гармонизации можно добиться гармонии всего социума. Ни закон, ни пророки, если верить Конфуцию, тут не нужны. Достаточно всего лишь заботливого семьянина.

Более подробно представления об идеальном обществе изложены в одном из самых известных пассажей «Лунь юя», посвященном мечтаниям Учителя и двух его учеников:

> Янь Юань и Цзы-лу стояли около Учителя. Учитель предложил: «Пусть каждый из вас расскажет о своих желаниях». Цзы-лу сказал: «Я бы хотел, чтобы мои друзья совместно со мной пользовались [моими] колесницами, лошадьми и халатами на меху. И я бы хотел не сердиться на них, когда они что-нибудь испортят». Янь Юань сказал: «Я не хотел бы выставлять напоказ своих достоинств и распространяться насчет своих заслуг». Цзы-лу сказал: «А теперь мы хотели бы услышать о желаниях Учителя». Учитель сказал: «Я хотел бы, чтобы старые могли жить в покое, чтобы друзья доверяли друг другу и чтобы было кому заботиться о малых детях» [130].

Воистину — скажи мне, о чем ты мечтаешь, и я скажу тебе, кто ты.

Цзы-лу — славный и не очень далекий человек, пределом мечтаний которого является не раздражаться на друзей при совместном пользовании имуществом. Он честно хочет быть щедрым и бескорыстным, но сам чувствует, что не вполне готов к этому; пока его вещи возвращаются к нему в целости-сохранности, он еще может оставаться безмятежен, но перспектива увидеть на своей колеснице не им самим оставленную царапину настолько ему неприятна, что он ни много ни мало — просто-таки мечтает не испытать при этом раздражения. Это — образец доброго подданного, простолюдина или мелкого низового служаки, нуждающегося в этическом и организационном руководстве.

Янь Юань не мечтает ИМЕТЬ достоинства и ДОБИТЬСЯ заслуг. Видимо, он внутренне убежден, что и так уже имеет достоинства и, стало быть, заслуги не за горами. Это немаловажная составляющая ха-

---

[129] Большой китайско-русский словарь, 1983—1984. Т. 4. С. 894.

[130] Лунь юй. 5—26. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 240—241.

рактера хорошего руководителя — отнюдь не зазорно, и даже, говоря по совести, необходимо управленцу быть уверенным в своих силах. Только так он сможет от души «гореть на работе» и при этом ожидать признания спокойно, не прикладывая никаких специальных усилий, чтобы его наконец-то добиться. Единственно, чем Янь Юань озабочен, — это тем, чтобы не скатиться до тщеславия. Делать свое дело наилучшим образом — но при этом предоставить окружающим судить о своей персоне не по личным этой персоны достоинствам, а по реальным делам, по уже достигнутым в ходе проявления достоинств объективным результатам. Иметь заслуги — но самому их как бы не замечать. Это идеальный управленец — верящий в себя, эффективный и бескорыстный исполнитель верховной воли.

И наконец Конфуций, который только и достоин быть этой самой верховной волей. Потому что его мечта — благоденствие Поднебесной в целом. Он вмещает в заботливом и сострадательном сердце своем всю страну.

И в чем же заключается чаемое им благоденствие, каков ожидаемый результат его заботы?

Ничего противоестественного. Ничего экстравагантного. Ничего нарочито выдуманного. Ни слова об организационных частностях — они решатся в рабочем порядке. Все — о человеческих состояниях, по большей части — состояниях внутренних, духовных, эмоциональных, которые будут достигнуты тогда, когда внешние частности окажутся улажены и решены. О них, об этих состояниях, собственно, мечтают все нормальные люди — только каждый для себя или, в лучшем случае, для своих ближайших родственников. Старики мечтают о своем, мужчины, находящиеся в расцвете сил, на пике деятельного возраста, — о своем, а дети — о своем. Мечта Конфуция интегрирует частные мечты и не более того. Его мечта — просто объединенная мечта всех. Спокойная старость, доверие между теми, кто занят общим делом, и сытые дети под присмотром. Вот и все.

Но для того, чтобы эта мечта могла быть реализована, все подданные должны стать такими, как Цзы-лу, и все служащие государственного аппарата — такими, как Янь Юань. Тогда-то и решатся любые проблемы.

Анализируя этот пассаж «Лунь юя», А. С. Мартынов писал:

> ...Текст имеет сложную и продуманную композицию, которая с содержательной стороны представляет собой трехступенчатое восхождение на пути этического самосовершенствования. Все трое начали этот путь, ибо преодолели вульгарную корысть — фактор, которому конфуцианство придавало первостепенное значение [131]...

[131] Мартынов, 1987. С. 16.

Но бескорыстие и полное равнодушие человека к результатам своей деятельности, в том числе для него самого, — это совсем не одно и то же. «Вульгарная корысть» делает человека плохим управленцем, и поэтому она должна быть преодолена. Однако незаинтересованность в общем и личном будущем, то есть бездумная исполнительность, делает его управленцем тоже никудышным. Более того — именно неподдельная озабоченность результатами деятельности является одним из лучших лекарств от вульгарной корысти. Именно человек, ориентированный на реальный общественно ценный результат, ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВПОЛНЕ СПОСОБЕН ее преодолеть. Она становится для него не столь уж и важна. Сделать дело важнее.

Высказанная здесь Конфуцием программа выглядит столь реалистичной, что ее, казалось бы, нельзя отнести к утопиям. Ежи Шацкий писал:

> Несогласие утописта с существующим миром — тотальное несогласие. Он не видит «плохой стороны» и «хорошей стороны»; он видит только добро и зло. ...Это человек, всегда рассуждающий по схеме «или — или». ...Он сжигает мосты между идеалом и действительностью прежде, чем они достроены. ...Он верит, что человечество может начать все сначала. Его не интересует «лучше», но только «хорошо» [132].

Но то в Европе.

Конфуций не сжигает реальный мир. Он просто хочет населить его людьми, держащими в узде свои эгоистичные мотивации. Он не стремится ампутировать у человека эгоизм — он знает, что это невозможно, да и не нужно. Он старается разработать образовательные и воспитательные методики, предложить стимулы, благодаря которым человек САМ мог бы контролировать свой хватательный рефлекс. И тогда естественное для любого нормального человека неотменяемое стремление улучшать СОБСТВЕННУЮ жизнь без всякого давления извне само заработает в направлении, полезном для ВСЕХ.

Когда же Конфуций напрямую высказывается об идеальном государстве, для непосвященных его рекомендации выглядят мало что говорящими и просто не относящимися к делу.

> Янь Юань [задал Конфуцию] вопрос о государстве. Учитель ответил: «[Образцовое государство должно быть организовано следующим образом:] надо ввести календарь династии Ся, ездить на экипажах династии Инь, облачаться в парадную одежду династии Чжоу. [За основу государственной] музыки надо взять мелодии Шао. Следует запретить музыку княжества Чжэн и удалить недостойных, ибо чжэнские звуки вредны, а недостойные люди — опасны [133].

---

[132] Шацкий, 1990. С. 35.

[133] Лунь юй, 15—11. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 320.

Не вдаваясь в подробное комментирование упомянутых реалий, следует отметить, что все предлагаемые Конфуцием меры сводятся к использованию или отказу от использования уже когда-то существовавших практик. Снова — никаких мер, отрывающих идеал от традиции. Просто комбинирование наиболее удачных, с точки зрения Конфуция, методик прошлого, уже апробированных и доказавших свою эффективность в отношении продвижения к тем целям, которых Конфуций и стремится достичь в ходе преобразований. И второе, на что нельзя не обратить внимания, — все перечисленные меры относятся исключительно к сфере духовной культуры. К образам, символам, мелодиям. Ни слова о том, что следовало бы, например, применять боевые порядки Инь, структуру учреждений Вэй, систему надзора Цинь и конструкцию тюрем Шан. Все — воспитанием, внушением, созданием культурной среды. Ничего — принуждением и администрированием. И лишь под конец — запрет, где в рамках бинарного единства фигурируют некие вредные мелодии и некие недостойные люди; нерасторжимая связь между деморализующим контркультурным влиянием и людьми, на которых нельзя положиться в деле государственного строительства, этим подчеркнута особенно ясно. Но даже здесь — никаких нововведений и никаких карательных рекомендаций.

Встречаются в «Лунь юе» и более понятные для неспециалистов советы, однако они вновь и вновь поражают своей кажущейся простотой и непритязательностью.

> ...Я... слышал, что правители государств и главы семей не страшатся бедности, а страшатся неравенства, не страшатся одиноких (*пинь* 貧), а страшатся отсутствия покоя. Ведь при равенстве [распределения материальных благ] не бывает бедных, при гармонии [в обществе] не бывает одиноких, а при спокойствии общества не бывает находящихся в опасности [134].

---

[134] Лунь юй, 16—1. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 327. Ранее А. С. Мартынов предлагал несколько иной перевод того же высказывания, и, на мой взгляд, этот вариант (особенно если сравнивать варианты изолированно, вне соседствующих пассажей «Лунь юя») передает смысл одной из частей фразы Учителя более понятным для современного человека образом: «...Почитают за бедствие не то, что у них мало богатства, а то, что оно распределено неравномерно, не то, что у них мало людей (*пинь* 貧), а то, что они неспокойны... Если [в стране] установить гармонию, то население не будет казаться малочисленным» [Мартынов, 1987. С. 18]. Иероглиф *пинь* 貧 действительно может обозначать и сирого бедняка, и какую-либо недостачу. Такого рода частности с очень большим трудом поддаются точному и однозначному переводу; интерпретаций некоторых высказываний Конфуция за прошедшие века накопилось немало. Понятно, почему главы семей и правители царств могли опасаться малочисленности своего ли рода, населения ли своей страны. Но в общем можно представить, что и одинокие, непристроенные, выпавшие из стабили-

То есть, другими словами, пусть скудно, но справедливо; так, чтобы не разгорались алчность и зависть. Пусть немного, зато внутри не имеющей разрывов сети гармонично работающих социальных и семейных связей. Тогда все спокойны, а когда население спокойно, то и правителю опасаться нечего.

При этом для материальных благ не предусматривается никакого обобществления — просто соразмерность распределения. И не упоминается никакого начальства — просто самостоятельное исполнение обычными людьми тех традиционных, привычных, естественных обязанностей, которые соответствуют их месту в семейной или социальной иерархии.

Или:

> Цзы-гун спросил, как править. Учитель ответил: «Так, чтобы было достаточно пищи, достаточно военной силы и народ доверял». Цзы-гун спросил: «Буде возникнет нужда отказаться от чего-либо, с чего из этих трех начать?» Учитель сказал: «Отказаться от достатка военной силы». Цзы-гун спросил: «Буде возникнет нужда снова отказаться от чего-либо, с чего из оставшихся двух начать?» Учитель сказал: «Отказаться от достатка пищи. Ибо спокон веку смерти никто не избегал, а вот без доверия народа — не устоять» [135].

Иерархия приоритетов для тех, кто управляет страной, здесь обозначена с абсолютной жесткостью. Но это высказывание следует рассматривать, на мой взгляд, в паре с предыдущим. Семья только тогда и доверяет ее главе, а народ только тогда и доверяет правителю, когда те в первую очередь заботятся о справедливости распределения материальных благ и гармонии человеческих отношений среди тех, кто им вверен Небом. Получить доверие нельзя, добиваясь его специально. Доверие возникает само собой, когда верховная власть справедливо управляет общим хозяйством и хотя бы не мешает функционированию уже существующих, освященных временем, не требующих для своего

зирующей семейной структуры подданные, бездетные неженатые шалопаи могли представлять угрозу, о которой говорит Конфуций, — первые для страны, вторые для семьи. Однако гармония в обществе страхует и от нехватки рабочих рук, обусловленной малочисленностью населения (ведь в образцовом государстве тяглых привлекают к работам в меру, поровну и в свой срок, оттого все трудятся с надлежащей отдачей), и от сумасбродства бобылей и одиночек (ведь в образцовом государстве семейные узы дотягиваются даже до тех, кого судьба лишила близких родственников, и поэтому люмпенизация не грозит никому).

[135] Лунь юй, 12—7. Не чувствуя удовлетворения ни от одного из обнаруженных мною вариантов перевода данной фразы на русский язык, я, ничего не меняя по смыслу относительно устоявшихся версий, осмеливаюсь дать ее в собственной редакции.

поддержания никакого внешнего насилия межчеловеческих связей, что и является гармонией. Вот когда люди знают, что управление имеет эти цели, — тогда, и только тогда, в трудную минуту можно пожертвовать и материальным достатком, и оборонным успехом. Доверие все равно останется.

Утопия ли это? Следует ли отказать этой идеальной картине в праве называться столь ко многому обязывающим именем только на том основании, что она не требует сожжения старого мира, а идеал вырастает из реальности в процессе идеального управления этой реальностью? На мой взгляд — не следует. Уже потому хотя бы, что нарисованный этими короткими мазками мир является в конфуцианской системе представлений предельно хорошим и выше него просто не может быть и не предусматривается ничего лучшего.

2

В «Ли цзи» картина идеального общественного устройства описывается несколько более подробно — хотя рядом с объемистыми европейскими трактатами она все равно очевидно проигрывает и в велеречивости, и в пафосе, и потому еще, что в ней отсутствуют упоминания о каких-либо врагах идеального порядка — хоть внешних, хоть внутренних.

По некоторым позициям она, казалось бы, напоминает предписания европейских утопистов. Но, во-первых, даже совпадающие с европейскими параметры идеального устроения (скажем, общность детей) обусловлены действием совершенно иных, нежели в европейских грезах, социальных механизмов, а во-вторых — даже в этих случаях кардинально разнятся главные объекты описания. У европейцев это неодушевленные нововведения, у конфуцианцев — обыкновенные живые души.

Язык не поворачивается называть предлагаемые образы общественным «ПЕРЕустройством» — это не более чем «БЛАГОустройство» общества, уже существующего. В крайнем случае — возвращение к устройству, некогда существовавшему, но утраченному, испортившемуся от человеческого небрежения. Стоит лишь с этим небрежением покончить — и тогда все, или хотя бы многое, вернется.

> Когда шли по великому пути, Поднебесная принадлежала всем, [для управления] избирали мудрых и способных, учили верности, совершенствовались в дружелюбии. Поэтому родными человеку были не только его родственники, а детьми — не только его дети. Старцы имели призрение, зрелые люди — применение, юные — воспитание. Все бобыли, вдовы, сироты, одинокие, убогие и больные были присмотрены. Своя доля была у мужчины, свое прибежище — у женщины. Нетерпи-

мым [считалось] тогда оставлять добро на земле, но и не должно было копить его у себя; нестерпимо было не дать силам выхода, но и не полагалось [работать] только для себя. По этой причине не возникали [злые] замыслы, не чинились кражи и грабежи, мятежи и смуты, а люди, выходя из дому, не запирали дверей. Это называлось великим единением [136].

Таков предельный идеал.

Для современного творцам «Ли цзи» общества это в чистом виде утопия, хотя обнаруживается она не на далеком острове, и не в неопределенном грядущем, но в собственном прошлом. И уже хотя бы поэтому в ней нет ничего противоестественного, искусственно выдуманного, сконструированного чисто по теории и навязанного силком.

Ее следует иметь в виду как нравственный и социальный ориентир, но в реальной устроительной деятельности следует придерживаться несколько иной механики.

Ныне великий путь скрылся во мраке. Поднебесная стала достоянием [одной] семьи. Теперь родные для каждого — только его родственники, а дети — только его дети. Добро и силы [берегут] для себя. У больших людей наследование стало нормой, стены и ограды, рвы и запруды стали [их] крепостью. Путеводными нитями стали ритуал и долг. С их помощью упорядочивают [отношения] государя и подданных, связывают родственными чувствами отцов и детей, дружелюбием — братьев, согласием — супругов. С их помощью устанавливают порядок, намечают границы полей и общин, возвеличивают мужественных и разумных, наделяют человека заслугами. Их используют в своих замыслах, ради них подъемлют оружие. Среди... благородных мужей не было ни одного, кто бы не почитал ритуала. С ним они сверяли свою справедливость, на нем строили свою верность, проверяли вину, узаконивали человеколюбие, учили уступчивости, являя тем самым народу свое постоянство. Если кто не следовал бы ему, он потерял бы свой престол, ибо люди почли бы его сущим бедствием. Все это и называется малым умиротворением [137].

Другими словами, в идеально утопическом состоянии великого единения все хорошее происходило само собой, без всякого не то что насилия, но даже какого-либо внешнего по отношению к каждому из людей регулирования. Просто потому, что «Поднебесная принадлежала всем, для управления избирали мудрых и способных, учили верности, совершенствовались в дружелюбии». Вопрос о возможности реставрации такого состояния общества остается открытым, во всяком случае, такая возможность косвенно ставится в полную зависимость

[136] Древнекитайская философия, 1994. Т. II. С. 100.
[137] Там же. С. 100—101.

от морального состояния самих людей. А вот для практически достижимого благоустройства, для построения осуществимой утопии необходимо регулирование, необходимы официальные, всем известные и всеми признанные общие критерии оценки хорошего (соответствует «ритуалу и долгу») и плохого (не соответствует «ритуалу и долгу»). Именно с их помощью «упорядочивают отношения государя и подданных, связывают родственными чувствами отцов и детей, дружелюбием — братьев, согласием — супругов».

Категории ритуала (*ли* 禮) и долга (*и* 義) — одни из наиболее многозначных в конфуцианской теории, и сейчас, конечно же, не время и не место углубляться в их анализ. Но в самом общем и сжатом виде можно сказать, что ритуал, или нормы поведения, — это четкие, не оставляющие особого простора для индивидуального произвола правила, согласно которым с учетом своего положения и положения своего визави в любой социальной ячейке (семье, учреждении, соседской общине и пр.) и в каждой данной ситуации (полевая страда, похороны, получение должности, выполнение приказа и пр.) должен себя вести воспитанный благонамеренный подданный. Долг же — это внутренний императив, который велит такому подданному вести себя именно в соответствии с *ли*, а не иначе, не по личному капризу, пристрастию, чувству.

Можно сказать, что чем более тщательным и всеобъемлющим становится соблюдение *ли* на всех социальных уровнях, тем более общество приближается к состоянию малого умиротворения. И чем более непроизвольным, не требующим даже внутренних усилий (а насилие над собой, увы, неизбежно при несовпадении долга и чувства и вызванной этим диссонансом необходимости делать выбор между ними) оказывается такое соблюдение, тем выше становятся шансы на перерастание малого умиротворения в великое единение. Во всяком случае — на уподобление ему.

Однако всякому человеку, чтобы быть в состоянии соблюдать *ли*, надо обучиться ритуалу хотя бы на чьих-то авторитетных примерах.

Начинается все, разумеется, с самого верха. Если во главе государства не стоит совершенномудрый монарх, с полной адекватностью воспринимающий веления Неба и способный, уподобляясь Небу, претворить их в конкретной управленческой практике, ни о каком благополучии вообще не приходится говорить. Первым и главным условием созидания социальной гармонии является надлежащий правитель. Это понятно. Это от людей зависит в чрезвычайно малой степени, это воля Неба, это судьба.

Но даже самому совершенному правителю нужны помощники. Проводники его воли. Люди, ответственные за непосредственное проведение его распоряжений в жизнь. Ориентированные на его пример и ответственные за ретрансляцию примера непосредственно населению.

Для исполнения этой высокой роли тоже нужны совершенно специфические люди, достоинства которых отнюдь не являются врожденными, но, при наличии определенных задатков, воспитываются в процессе тяжкого и упорного труда по самосовершенствованию.

3

Концепция совершенного мужа (*цзюньцзы* 君子) является одной из краеугольных в учении Конфуция. Разнообразными характеристиками *цзюньцзы* «Лунь юй» просто изобилует.

> Из Пути совершенного мужа [Цзы-чан] обладал четырьмя качествами: его поведение отличалось достоинством, он служил вышестоящим с почтительностью, взращивал народ с милосердием и заставлял народ [делать только] необходимое [138].
>
> Совершенный муж [вначале должен] завоевать доверие [народа]. Только после этого он может понуждать народ. [Если же совершенный муж станет делать это], не завоевав доверия, то [народ сочтет это] угнетением. Совершенный муж [вначале должен] завоевать доверие [своего государя]. После этого он может выступать с критикой [своего государя. Если же он сделает это, еще] не завоевав доверия, то государь сочтет [его критику] поношением [139].

---

[138] Лунь юй, 5—16. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 238. Чтобы продемонстрировать, насколько богаты по смыслу высказывания Конфуция и как, в сущности, обедняет их русский язык (впрочем, и любой европейский), я приведу перевод той же самой фразы из книги другого виднейшего знатока конфуцианства, Л. С. Переломова; перевод этот поразительным для некитаиста образом одновременно оказывается по каким-то параметрам и дальше от оригинала, и ближе к нему: «...Он обладает четырьмя *дао* благородного мужа: в своих поступках он проявляет чувство самоуважения; находясь на службе у вышестоящих, он проявляет чувство ответственности; воспитывая народ, он проявляет чувство доброты; используя народ, он проявляет чувство справедливости» [Переломов, 1993. С. 234]. Действительно, например, иероглиф *цзин* 敬, который у Мартынова передан как ‘с почтительностью’, а у Переломова — как ‘чувство ответственности’, среди своих значений имеет ‘почтение’, ‘уважение’, ‘преклонение’, ‘благоговение’, ‘рачительность’, ‘осторожность’, ‘осмотрительность’ [Большой китайско-русский словарь, 1983—1984. Т. 3. С. 1085]. Стало быть, весь этот комплекс чувств был задействован, когда Цзы-чан служил вышестоящим. В самом конце фразы в «Лунь юе» сказано: *ши минь е и* 使民也義. То есть, понуждая народ что-то делать, как-то служить, направляя народ на исполнение каких-то дел (*ши* 使), Цзы-чан руководствовался при этом только *и* 義, то есть «справедливостью», «долгом», «честностью», «порядочностью», «обоснованными мотивами» [Там же. Т. 4. С. 220]. Но это же, в сущности, и есть велеть делать только самое необходимое!

[139] Лунь юй, 19—10. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 349—350.

Не служить — это означает не соблюдать свой долг. Если принципы взаимоотношений между старшими и младшими не могут быть отменены, то как могут быть отменены должные принципы взаимоотношений между государем и подданными? ...Служба для совершенного мужа — это выполнение его долга [140].

Совершенный муж ни к кому в Поднебесной не должен иметь ни предвзятости, ни пристрастий. Ему надлежит поступать [только] в соответствии с долгом [141].

Что необходимо совершенному человеку в наши дни? Ему необходимо, глядя на выгоду, думать о долге, видя опасность — готовиться к самопожертвованию и всю жизнь не забывать старых обязательств... [142]

Совершенный муж осознает свой долг, тогда как низкий человек понимает [только свою] выгоду [143].

Совершенный муж помогает нуждающимся, а не увеличивает достояние богатых [144].

Совершенный муж почтителен и не допускает ошибок. Если он с уважением относится к другим людям, соблюдая при этом надлежащие нормы поведения, тогда для него в пределах четырех морей все люди — братья [145].

Цзы-лу задал [Конфуцию] вопрос о совершенном муже. Учитель ответил: «Совершенствуя себя, практикуй почтительность». [Цзы-лу вновь] спросил: «И этого достаточно?» [Учитель ответил:] «Совершенствуя себя, приноси покой другим» [146].

Совершенный муж ест не для того, чтобы насытиться, и живет не для того, чтобы обрести покой. Совершенный муж умен в делах и осторожен в словах. Он стремится к общению с теми, кто обрел Путь, чтобы исправлять себя. О таком человеке можно сказать, что он любит учиться [147].

Совершенный муж старательно закладывает основы своей личности. ...Что же касается почтительности к родителям и уважительного отношения к старшим родственникам, то разве не из этих принципов слагаются основы гуманности совершенного мужа? [148]

Эти цитаты можно множить и множить, наслаждаясь их лаконизмом и глубиной их смысла. Но и так уже ясно видны основные параметры личности идеального управленца.

Он уважает себя, сознает свою значимость и свой масштаб, бережет это самовосприятие, он ни в коем случае не бессловесный испол-

---

[140] Лунь юй, 18—7. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 345.
[141] Там же, 4—10. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 231—232.
[142] Там же, 14—12. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 308.
[143] Там же, 4—16. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 233.
[144] Там же, 6—4. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 243.
[145] Там же, 12—5. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 289.
[146] Там же, 14—42. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 316.
[147] Там же, 1—14. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 215.
[148] Там же, 1—2. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 212.

нитель приказов. Он относится к государю или вышестоящему начальнику почтительно, готов следовать их повелениям, но только если повеления эти не идут вразрез с его чувством ответственности, с его бережным отношением к тем, кто вверен его попечению. Сбережение народа для него не пустой звук и не красивые слова; это конечная практическая цель любой управленческой деятельности.

Стараясь дать народу прежде всего покой, для себя *цзюньцзы* покоя не ищет. Дело для совершенного мужа прежде всего, и только своей эффективностью, результативностью на поприще служения государю и народу он доказывает свое право как на принуждение народа к тому, что он считает правильным, так и на критику государя, когда он полагает государя неправым. При всем том не служить он, в сущности, не может; реализовать себя как личность совершенный муж должен (или, по крайней мере, всячески должен пытаться это сделать) только на поприще государственного служения.

Материальные соблазны им преодолены в результате личных духовных усилий; такое преодоление является одной из важных составляющих его самоуважения, а он ценит возможность уважать себя куда более возможности материального обогащения. Чужого золота он не коснется не потому, что ему кто-то запретил это делать, а потому, что ему некогда размениваться на подобные пустяки, и еще потому, что ему куда радостней преодолеть соблазн, нежели пойти у него на поводу [149]. Корысть для него не существует; долг для него — все. Ровно так же он относится и к материальному достатку тех, кто ему вверен: ни у кого нарочито ничего не отнимая, он тем не менее в имущественных вопросах в целом всегда на стороне тех, кто беднее.

Он тоже ощущает братство всех людей на свете, но не потому, что кто-то высший принудительным образом перепутал всех детей и родителей так, чтобы они не знали своих реальных родственников и потому вынуждены были в каждом встречном подозревать кто — отца, кто — сына; это братство для него — братство по духу. Оно обеспечивается двумя взаимосвязанными факторами: постоянным внутренним уважением к окружающим и тем, что вовне оно реализуется через соблюдение надлежащих правил поведения, соблюдение столь же аккуратное и старательное, как и при общении с ближайшими родственниками (хотя сами правила для общения с родственниками и для общения с посторонними, конечно, различны).

При этом совершенный муж постоянно совершенствуется в своем совершенстве. Его совершенство — не статичное, раз навсегда достиг-

---

[149] Вспомним Платона: «Им одним не дозволено в нашем государстве пользоваться золотом и серебром, даже прикасаться к ним, быть с ними под одной крышей... Только так могли бы стражи остаться невредимыми и сохранить государство» [Платон. Государство. III 416d—417a].

нутое стылое состояние, но динамический процесс, обусловленный постоянным, определенным образом ориентированным духовным усилием. Но оно ни в коем случае не может совершаться лишь в душе. Самосовершенствование подразумевает непрерывную практику. Практиковаться следует в оттачивании почтительного, но при этом не подобострастного отношения к вышестоящим; практиковаться нужно в осуществлении такого управления нижестоящими, которое не доставляет им лишних хлопот, но улучшает их качество жизни, не уменьшает, а увеличивает их покой [150].

Он, наконец, постоянно стремится к общению с теми, кто идет тем же путем практического самосовершенствования, имеющего высшим своим выражением государственное служение. Это общение благотворно для всех, кто в него включен, — оно совершенствует каждого, каждый оттачивает и шлифует себя на каждом. Совершенный муж — это в огромной степени человек, сам создающий себя. Но он не может возникнуть и развиваться сам по себе, в изоляции, как перст; он прежде всего — член своей семьи, и именно возникающая в семье естественным образом почтительность к родителям и уважительное отношение к старшим родственникам служат первичными и базовыми мотивациями к соблюдению социального долга и совершенствованию умения исполнять его в деятельной повседневной жизни.

Последнее положение крайне важно.

Семья — это освященная природой и культурой спаянная иерархия. В ней каждый занимает свое место, свою ступень, имеет свою зону ответственности и именно соответственно им вносит свою лепту в общее благосостояние. Не будь семьи, все замечательные характеристики совершенного мужа могли бы остаться не более чем пустыми благопожеланиями. Более того, всякая попытка разрушить семью или уравнять в ней старших с младшими (что, собственно, было бы одним из вариантов разрушения) и сделала бы их пустыми благопожеланиями. Без семьи от всех этих замечательных качеств остались бы одни слова.

Культ предков сложился в Китае задолго до Конфуция. То же можно сказать и о семейных структурах. Конфуций продлил им жизнь; именно благодаря им рецепты выращивания совершенных мужей стали из теории практикой.

---

[150] Конечно же, «Покой нам только снится» и «Вечный покой — для седых пирамид», но в то же время: «Дай счастья мне, а значит — дай покоя!» Широк человек... Но здесь-то посыл в том, что даже когда человек предпочитает беспокойство, это должно быть его собственное беспокойство; какой там покой, например, если молодому таланту позарез хочется получить образование и надо выучить всю конфуцианскую классику наизусть. Но вот от власти не должна исходить излишняя маята, мучающая человека попусту.

Впитываемые с детства внутрисемейные модели отношений и действий были обобщены как социальные. Жесткая структура семьи позволяла формально отградуировать те или иные степени преданности и соучастия так, чтобы никакой высший ни с каким низшим не мог быть перепутан. Так, чтобы полагающиеся каждой иерархической паре почтительность низшего и заботливость высшего могли быть преобразованы в единый для всех комплекс стереотипов и распространены за рамки каждой отдельной семьи на все семьи разом, а тем самым — и во внесемейное социальное пространство.

Перечень иллюстрирующих эти положения цитат из «Лунь юя» лучше всего начать, вновь обратившись к последней из уже процитированных фраз. В полном виде она выглядит так:

> Среди людей мало таких, кто, будучи почтительным к родителям и уважительным к старшим родственникам, был бы склонен выступать против вышестоящих, и совсем нет таких, кто, будучи не склонен выступать против вышестоящих, любил бы устраивать беспорядки. Совершенный муж старательно закладывает основы своей личности. Когда же основы заложены, тогда возникает Дао-путь. Что же касается почтительности к родителям и уважительного отношения к старшим родственникам, то разве не из этих принципов слагаются основы гуманности совершенного мужа? [151]

Этим существеннейшим высказыванием едва ли не открывается «Лунь юй». И хотя озвучено оно как бы не самим Конфуцием, но его учеником Ю-цзы, этим лишь подчеркивается, что мудрость Учителя уже стала убеждением тех, кого он воспитал, и начала свое распространение по свету, впоследствии оказавшееся триумфальным.

Невозможно не сказать несколько слов о термине *жэнь* 仁, который здесь в переводе А. С. Мартынова передан как ‘гуманность’. Это один из самых важных терминов конфуцианства, и смысл его чрезвычайно многолик; его интерпретациям посвящено немало прекрасных работ[152]. Оптимальной, на мой взгляд, из всех разнообразных версий его перевода является версия «человеколюбие» (ее иногда применяет и сам А. С. Мартынов); помимо прочих достоинств, она впрямую учитывает одно из основных определений, данных самим Конфуцием:

> Фань Чи спросил о человеколюбии. Учитель ответил: «Любить людей» [153].

---

[151] Лунь юй, 1—2. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 212.

[152] Весьма емкий обзор такого рода интерпретаций можно найти, например, у Л. С. Переломова [Переломов, 1993. С.167—191].

[153] Лунь юй, 12—22. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 294.

Но и такой перевод — лишь наименьшее из зол. Иероглиф *жэнь* 仁 состоит из двух частей, левая значит ‘человек’, правая — ‘два’. Причем лежачая китайская двойка, в отличие, скажем, от римской, где две черты стоят каждая в состоянии разобщенного самодостаточного равенства, уже сама по себе иерархична: одна ее черта ближе к Небу, другая — к Земле (Ян — Инь). В китайской двойке человек всегда включен в ту или иную иерархию — со стороны животворных влияний Неба или плодоносной отзывчивости Земли. И именно в силу иерархичности двойка составляет взаимодополняющее единство, где у каждого из двух — своя социальная роль, необходимая другому; отними иерархию — пропадет и взаимная потребность. При всем богатстве и разнообразии смыслов термина *жэнь* основная его подноготная — исполнение каждым из двух членов любой произвольно взятой иерархической пары своих обязанностей по отношению друг к другу. Это, в сущности, и есть любовь к людям. Именно так она реализуется. Человека в одиночестве, самого по себе, нет. О том, любит ли такой человек людей, добр ли он, гуманен ли — просто бессмысленно говорить.

Да, но на пути даже этого простенького нравственного требования — любить людей — сразу встают эгоизм, эгоцентризм, себялюбие. Именно поэтому Конфуцию приходилось разъяснять свой термин раз за разом, причем порой — довольно специфическим образом:

> Янь Юань задал Учителю вопрос о гуманности. Учитель сказал: «Преодолей себя (*кэцзи* 克己) и обратись к ритуалу» [154].

То есть человеколюбие — не абстракция, не отвлеченное внутреннее состояние. Это совершенно конкретное, для каждой ситуации своеобразное исполнение подразумеваемых высокой этикой обязанностей по отношению к тому или к тем, в отношения с кем ты в данный момент оказался включен. Человеколюбие старшего — забота о тех, за кого он в ответе. Человеколюбие младшего — отклик на заботу, почтительное, от всей души, повиновение старшему и мягкое увещевание его, если младшему кажется, что старший в чем-то неправ. Порой и старшему и младшему, чтобы оставаться человеколюбивыми, надо наступать на горло своим сиюминутным прихотям, пристрастиям, порывам. Не преодолевая себя, невозможно любить людей. Но преодолеть себя можно только самому. Ни стражи, ни сифогранты, никто другой за тебя этого не сделает. Извне можно только сломать — но тогда уже ни о какой любви и речи быть не может.

---

[154] Лунь юй, 12—1. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 287.

Первичным станком для вытачивания человеколюбия на всю оставшуюся жизнь является для каждого человека, на любом социальном уровне, его семья.

> Учитель сказал: «Когда юноши находятся дома, они должны быть почтительными к родителям. Когда же они выходят из дома, они должны уважительно относиться к старшим» [155].
>
> Учитель сказал: «Когда выходишь за пределы родного дома, то следует служить князьям и сановникам. Когда же возвращаешься в родной дом, то следует служить отцу и старшим братьям» [156].
>
> Учитель сказал: «Служа родителям и [видя, что они неправы], убеждай их с мягкостью. Не изменяй почтительности, когда видишь, что они проявляют упорство, и не ропщи, когда устанешь» [157].
>
> Ученик Конфуция Цзы-ся сказал: «[Если про того, кто] не придает значения внешней красоте, а ценит мудрость, кто умеет отдать все свои силы служению родителям, кто может пожертвовать собой ради государя, кто пользуется доверием в отношениях с друзьями, мне скажут, что он неуч, я все равно буду считать его ученым» [158].
>
> Цзи Кан-цзы спросил: «Как следует поступать, чтобы сделать народ почтительным, верным и старательным?» Учитель ответил: «Общаясь с народом, сохраняйте внушительный вид, и тогда он станет почтительным. Если вы будете придерживаться сыновней почтительности по отношению к своим родителям, с любовью и заботой относиться к своим младшим, тогда народ станет верным. Если вы будете выдвигать умелых и поучать неумелых, тогда народ станет старательным» [159].
>
> Некто сказал, обращаясь к Конфуцию: «Учитель, почему Вы не занимаетесь государственным управлением?» Конфуций ответил: «...Сыновняя почтительность! Только сыновняя почтительность в ваших отношениях с родителями. Будьте дружелюбны со своими братьями и распространяйте подобное отношение на государственное управление. Ибо [семья] также является управлением» [160].

Высказывания такого рода у Конфуция тоже более чем многочисленны. Нет ни малейшей необходимости приводить их все. Эта сторона конфуцианства в достаточной степени исследована в китаеведении.

Скажем, не раз и не два в синологической литературе цитировалась чеканная формулировка из классического конфуцианского сочи-

---

[155] Лунь юй, 1—6. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 213.

[156] Там же, 9—16. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 266.

[157] Там же, 4—18. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 233.

[158] Там же, 1—7. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 213. Ибо такой человек познал и применяет на практике правила поведения, по сравнению с которыми вся техническая, прикладная ученость носит лишь вспомогательный характер.

[159] Там же, 2—20. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 221.

[160] Там же, 2—21. Цит. по: Мартынов, 2001. Т. 2. С. 221.

нения «Канон сыновней почтительности» («Сяо цзин»): *цзюньцзы чжи ши цинь сяо гу чжун кэ и юй цзюнь, ши сюн ти гу шунь кэ и юй чжан* (君子之事親孝, 故忠可移于君. 事兄悌, 故順可移于長), то есть:

> Сыновняя почтительность, с какой совершенный муж служит своим родителям, может быть в качестве преданности переориентирована на правителя; почтение, с каким он служит старшим братьям, может быть в качестве послушания переориентировано на старших [161].

Ч. Ван констатировал:

> Что же такое конфуцианство? Заботясь о посюстороннем счастье, оно определяло хорошую жизнь как минимум материальных запросов, максимум морального совершенствования, признавало неравенство интеллектуальных способностей людей и при этом предписывало целый свод сложных правил, управляющих отношениями между людьми. Сутью его было развитие гармонии путем самоотречения и уважительности... ...Вся китайская политико-социальная структура может рассматриваться как применение принципов любви и долженствования. Любовь начинается с семьи; таким образом, это был ключевой элемент всей системы. Пока долгом государственного деятеля остается кормить и взращивать народ, государство является не более чем расширенной формой семьи [162].

Н. Кутчер отмечал:

> Поддержание добродетелей сыновней почтительности стало важной обязанностью правительства. ...Сыновняя преданность чиновника родителям трансформируется в лояльность правителю. Доктрина «параллельной концепции общества» позволяла государству скорее использовать семейные связи, нежели соперничать с ними... ...Власть императора над министрами шла не от насилия, но от того, что она побуждала министров быть почтительными к своим родителям. Таким же образом местный чиновник получал послушание простых людей, побуждая их быть почтительными к их родителям, — чему он учил их своей собственной почтительностью к родителям [163].

В. А. Рубин писал:

> Государство должно быть одушевлено какой-то нравственной идеей. В марксистских терминах: у государства должна быть какая-то идеология, какой-то «опиум для народа». Причем не нужно считать, что это просто опиум, бесполезный дурман. Это гуманистические идеи, де-

---

[161] Сяо цзин, 1936. Цз. 7, чж. 15; с. 17.
[162] Wang, 1960. P. 214—215.
[163] Kutcher, 1999. P. 2.

лавшие во многих случаях жизнь народа лучше, выносимее, внушавшие какую-то надежду, придававшие всему какой-то смысл.

Конфуцианцы создали гуманистическую теорию, которая, как они думали, достаточна для управления государством. ...В конечном счете в китайской империи была создана машина, но эта машина одухотворялась, одушевлялась каким-то духом, а именно нравственными идеями конфуцианства.

...Конфуций... не видел в управлении проблемы, которая бы качественно отличалась от проблемы личных отношений. Никакой проблемы техники управления он не признавал, потому что государство ничем качественно не отличается от группы связанных между собой узами родства семей — и там и тут нужны лишь моральные качества, и ничего больше [164].

Я отнюдь не ставлю себе целью пересказать своими словами результаты работ замечательных ученых или сделать что-то вроде компиляции. Я вижу свою задачу совсем иначе.

4

В учении Конфуция термин *цзюньцзы* (‘совершенный муж’) фактически является обозначением идеального управленца. Временами *цзюньцзы* может не занимать конкретной должности, а то и вовсе не находиться на службе в силу тех или иных субъективных или даже объективных обстоятельств (например, как сам Конфуций, не нашедший общего языка с современными ему правителями). Но главное жизненное стремление совершенного мужа — быть на государственном посту и добросовестно, ответственно, инициативно исполнять подразумеваемые этим постом обязанности, принося пользу и покой народу. Вне управленческой иерархии возможности совершенного мужа улучшать мир и приносить пользу людям резко сокращаются — уже хотя бы поэтому он должен служить.

Однако независимо от того, пребывает он формально в штате служащих или нет, совершенный муж уже самим фактом своего существования и своей духовной деятельности на ниве самосовершенствования приносит пользу окружающим — воспитывая окружающих мелких людей собственным примером. И тем самым уже изменяет окружающий мир к лучшему.

Крупный знаток политической истории и идеологии Китая Л. С. Переломов отмечал:

Цзюнь-цзы... занимает одно из центральных мест в учении Конфуция, ему отведена роль идеального человека, наглядного примера для подражания... [165]

---

[164] Рубин, 1992. С. 307—308.

[165] Переломов, 1993. С. 188.

...Впервые в истории китайской культуры была создана реальная модель идеальной личности, оказавшая огромное воздействие на формирование национального характера и духовной жизни китайской нации. Идеальная модель личности нужна была Конфуцию не сама по себе, он видел в ней ключ к созданию гармоничного общества [166].

Именно Конфуцию принадлежит честь создания образа китайского бюрократа [167].

Конфуций впервые в истории Китая с помощью образа «цзюнь-цзы» поднял значение бюрократии в системе управления и в обществе в целом. Бюрократия обязана была не только следить за соблюдением Правил (ли), но и воплощать их в жизнь на собственном примере [168].

...Цзюнь-цзы является... символом мудрого управленца... [169]

Воззрения эти носили чисто утопический характер: ...чиновники (если они, конечно, цзюнь-цзы) обязаны прежде всего заботиться о благе государства и его народа [170].

Однако, по мнению других специалистов:

Конфуцианский цзюнь-цзы — это с трудом, но все же вполне достижимый, земной идеал гармонической и всесторонне развитой личности [171].

Совместив два последних высказывания, получаем, что «утопический» управленец являлся, при этой своей утопичности, «с трудом, но достижимым» идеалом личности реальной.

Конечно, в процессе приспособления учения Конфуция к сущему миру и превращения его в господствующую государственную идеологию оно претерпело немало трансформаций. Ему пришлось примириться со многим, изначально ему не свойственным. В частности, формализация бюрократической структуры привнесла в него ступени иерархии и соответствующие им нормы жалованья; живой, из плоти и крови, чиновник оказался мотивирован, вдобавок ко всем высоким побуждениям, еще и неизбежными для всякой реальной административной структуры повышениями и понижениями по службе, увеличениями и уменьшениями материального достатка.

Это, кстати сказать, ни в коем случае нельзя считать однозначно негативной трансформацией. Благодаря возникновению формальных критериев любой служащий получал чрезвычайно важную для всякого осмысленно действующего работника возможность прогнозировать

---

[166] Переломов, 1993. С. 207.
[167] Там же. С. 233.
[168] Там же. С. 238.
[169] Там же. С. 251.
[170] Там же. С. 236.
[171] Васильев, Фурман, 1974. С. 427.

свою карьеру, прикидывать, какие его действия могут способствовать его служебному и социальному росту, а какие — наоборот. Никакой реальный управленческий аппарат вне системы таких критериев работать не может; перефразируя великого нашего полководца Суворова, можно сказать: каждый управленец должен понимать свой маневр. Только это позволяет ему хоть в какой-то мере быть хозяином своей судьбы; а если человек лишен такого чувства, он, вне зависимости от степени трудовой загруженности и бытовой комфортности, непременно ощущает себя рабом. И, разумеется, будет с этим рабским положением бороться при любой возможности и любыми средствами — пусть даже чисто пассивно (отлынивая, халтуря, а то и, чтобы себя порадовать, нарочно вредя, пока никто не видит). Какое уж тут общее благо!

Кроме того, именно благодаря привнесению формальных критериев карьера конфуцианского управленца стала мощным, уникальным социальным лифтом, работающим в принципе понятно, прозрачно, прогнозируемо и единообразно. Крестьянский сын мог дослужиться до министра, и, хотя подобные случаи являлись не правилом, а редкостью, само сознание, что такое ВСЕ-ТАКИ БЫВАЕТ [172], несомненно, окрыляло и создавало совершенно особую рабочую атмосферу. И в конце концов не обязательно всем быть министрами; для аппарата в целом куда важнее то, что, получая, скажем, седьмой ранг, любой управленец уже мог смекать, через сколько лет и при каких условиях он скорее всего получит шестой и пятый, а за что может оказаться разжалован до восьмого или девятого.

Это тоже следует отнести скорее к положительным, нежели к отрицательным трансформациям.

Конечно, между идеалом и действительностью не может не сохраняться зазор, который, как правило, не в пользу действительности. Скажем, в процессе приспособления образа *цзюньцзы* к реальной жизни творческая составляющая, особенно на нижних этажах бюрократии, постепенно оказалась минимизирована, значимость же формальной исполнительности возросла.

Постоянная глухая борьба происходила к тому же на границе взаимодополняющих друг друга конфуцианского мировоззрения и импе-

---

[172] Например, живший при танской династии Ван Бо (759—830), будучи по рождению простолюдином, успешно сдал академический экзамен и получил ученую степень *цзиньши* 進士, а впоследствии дослужился до *цзайсяна* 宰相 (на западе этот термин обычно переводят как ‘канцлер’ или ‘премьер-министр’); строго говоря, Ван Бо получил должности *чжуншу шилана* 中書侍郎 и *пинчжанши* 平章事 [Wang, 1960. P. 265; Чжунго жэньмин да цыдянь, 1984. С. 145]. Об этих терминах и о разнообразных наименованиях должностей уровня *цзайсяна* см.: Рыбаков, 2009. С. 201, 249—250.

раторской идеологии. Та претендовала на куда большую, чем виделось Конфуцию, сакрализацию и самой персоны императора, и императорской власти, а следовательно — куда большую независимость этой власти от мудрых, честных и чуждых лести *цзюньцзы*.

Сказал свое веское слово и ханьский синтез конфуцианства и легизма: подпирать стремление чиновника оставаться хорошим принялось на свой лад уголовное право, под страхом наказания пытавшееся не дать ему становиться плохим.

И тем не менее именно конфуцианская теория и сформированная ею этическая картина мира встретили реально складывающуюся бюрократию как родную. В них заранее были предусмотрены все основные чиновничьи «хорошо» и «плохо». Культура была готова к возникновению нового социального явления, более того — она его ждала. И все, что приносило с собой разрастание, усложнение и обособление бюрократии, сразу словно бы само собой раскладывалось по уже расставленным этическим полочкам. Оставалось лишь подтягивать на соответствующий уровень уголовное право, чтобы систематически и точно отсекать то, что на этих полочках не умещается.

5

Совершенный муж, идеальный управленец, сам по себе стал едва ли не основным элементом китайской утопии правления, утопии превращения мира сущего в мир должный. Мало того — он оказался наиболее проработанным, наиболее живым и эмоционально насыщенным ее элементом.

Образ *цзюньцзы* обращался к каждому человеку и каждого манил в утопию обещанием личного прижизненного счастья, достигаемого вполне мирным путем. Это-то и позволяло китайским мыслителям описывать самое утопию столь сжато и обобщенно. Достаточно было наметить основной вектор преобразования: обихоженные сытые старики, доверяющие друг другу деятельные мужчины во цвете лет, вдовы и бобыли, имеющие убежище и пристанище, здоровые дети под присмотром, и все при этом выполняют свои, присущие именно их положению обязанности, одновременно пользуясь подобающими именно им льготами (скажем, льготами несовершеннолетних, вдов, стариков). А организационные и технические частности решались бы под вдохновляющим влиянием совершенномудрого правителя идеальными управленцами в рабочем порядке. На то эти управленцы и идеальны.

> Конфуцианство имело довольно четкую социально-политическую доктрину и... призывало... к активному воплощению в жизнь определенного социального идеала [173].

[173] Васильев, Фурман, 1974. С. 442.

Идеальное прошлое должно было, по замыслам Конфуция, играть роль образца идеального будущего [174].

Это чрезвычайно существенный момент.

Если прошлое уже когда-то было, то оно, хотя бы в принципе, должно поддаваться более или менее полному восстановлению. Этот процесс, конечно же, инициируется и возглавляется совершенномудрым правителем, но на стадии текущей реализации претворяется в конкретную управленческую практику совершенными мужами. Для реставрации идеала не нужно произвола, не нужно ничего высасывать из пальца и насильно вдавливать в мир искусственную отсебятину [175]. Не нужно ничего ломать, выкорчевывать, сжигать. Достаточно отмыть то, что существует.

Утопия не заменяет реального мира, но мыслится не более чем его рафинированием.

Идеальный мир ниоткуда не прилетает на огненных крыльях, но вырастает из реального под воздействием повседневной служебной деятельности идеальных управленцев.

Но ведь и сами эти управленцы возникают из обыкновенных людей обыкновенного мира под воздействием воспитания, преданности семейным ценностям, напряженной учебы, взаимоуважительного общения друг с другом в определенной культурной среде, самосовершенствования, преодоления себя (*кэцзи* 克己) посредством правильно сориентированных образованием и этикой личных духовных усилий.

Утопические управленцы вырастают из реальных людей.

В процессе их самореализации на поприще государственного служения из реального мира вырастает утопия.

Получается, на пути к ней нет непреодолимых границ.

---

[174] Переломов, 1993. С. 232.

[175] Жесткое закрепление идеала в прошлом обусловливает и еще одно крайне существенное его свойство. В данном исследовании невозможно остановиться на нем сколько-нибудь подробно, но и не отметить тоже нельзя. Дело в том, что по крайней мере со времен Кампанеллы социальный прогресс в европейской культуре увязывался с прогрессом технологическим: в Городе Солнца и летать уже научились, и вот-вот изобретут подзорные трубы, с помощью которых можно будет видеть невидимые звезды, и трубы слуховые, через которые слышна будет гармония неба... Чем дальше, тем больше обретение человеческого счастья ставилось в зависимость от обретения нечеловеческих возможностей. Китайская же культура была в гораздо большей степени свободна от риска попасть в обескураживающее положение, когда «радио уже есть, а счастья так и нет». Степень приближения к социальному идеалу не измерялась количеством лошадиных сил, киловатт-часов, джоулей, гигабит и километров в час на душу населения. Критерии были иными.

Принципиальным отличием конфуцианской утопии от европейской было то, что она, по крайней мере в теории, могла быть реализована на базе старого — то есть обыденного реального — мира через созидательную управленческую деятельность идеальных управленцев. А те, в свою очередь, тоже могли в более или менее достаточном для заполнения управленческого аппарата количестве возникать в старом, еще не преобразованном мире, исключительно благодаря индивидуальному усвоению соответствующей идеологии и личной реализации ее в рабочей активности, в повседневной жизни, в обыденных отношениях с окружающими.

Пропасть одолевалась в один прыжок.

А. С. Мартынов отмечал:

> ...Начиная с эпохи Хань, в течение всей последующей истории императорского Китая представление о власти как о воплощенной утопии в той или иной мере всегда было присуще официальному политическому сознанию... [176]

Памятуя же о затронутой выше проблеме перспективы и ее связи со свойствами человеческого характера, рискну заметить еще и вот что.

Хорошо известно, что китайская история делится на так называемые династийные циклы.

К власти приходит тот или иной род, он образует — надолго ли, нет ли — правящую династию. Всякая успешная династия в первые десятилетия — на подъеме: развивается экономика, растет благосостояние, осваиваются периферийные территории, подавляется сепаратизм. В это время управленческий аппарат, хотя превратить людей в ангелов не способна никакая идеология и никакая религия, в целом работает не за страх, а за совесть. Этим, собственно, в значительной степени и обусловливается династийный успех.

Раньше ли, позже, но страна достигает пределов роста.

Столкновение с объективно существующими ограничениями такого рода субъективно переживается как момент впечатляющего, вполне набравшего разгон и при этом — трагически прерванного приближения к искомому социальному идеалу. Утопия, так и не достигнутая, но, казалось, такая близкая, что — рукой подать, оборачивается обманом, миражом и начинает растворяться и блекнуть. Что, в свою очередь, не может не сказываться самым негативным образом на мировосприятии всех живущих духовной жизнью людей, а в первую очередь — наиболее мотивированных и наиболее добросовестных управленцев.

---

[176] Мартынов, 1987. С. 29.

Для каждой эпохи специфика таких пределов своя, и соотносительная значимость тех или иных ограничивающих компонентов может варьироваться — то ли это географические пределы (горы, пустыни, океан), то ли пределы, положенные оборонными или экспансионистскими усилиями соседей, то ли накладывает «вето» вмещающий ландшафт, не способный прокормить возросшее за десятилетия процветания население. Начинается закат. В это время, как ни старайся, сколь рачительно и заботливо ни руководи, блокировать негативные тенденции оказывается невозможно по самым объективным причинам. Тогда у управленцев, будь они трижды *цзюньцзы*, неизбежно наступает апатия. И доминировать начинают корыстные, эгоистичные мотивации — просто потому, что любые иные теряют видимую результативность, лишаются практического смысла. Растет коррупция, сепаратизм дробит страну, расцветают тайные общества, вспыхивают бунты и крестьянские восстания. Экономика разваливается, ирригационные сооружения приходят в упадок, голод и междоусобицы уменьшают население — и очередному объединителю, чтобы хоть как-то стабилизировать положение и превратить катастрофу во всего лишь кризис, приходится все начинать сначала.

Но — именно с начала.

> Конфуцианец никогда не воспитывался безропотным рабом человека (скорее это можно сказать о христианине), но его в такой степени воспитывали рабом строя, что, даже восставая, он всегда восставал во имя строя [177].

Полагаю, беспрецедентно длительная преемственность китайской государственности не в последнюю очередь обусловлена тем, что на протяжении двух тысяч лет после каждой судороги китайская элита раз за разом отстраивала не что иное, как свою утопию. В меру сил и разумения пыталась вернуть воспетую Конфуцием как социальный идеал благословенную спокойную древность. И не потому, что эта элита была консервативна, примитивна, близорука, враждебна прогрессу и т. д. Эти понятия просто не имеют здесь смысла, они — из чужой жизни.

Уцелевшие в хаосе краха отцветшей династии и последовавшего за ним тотального разброда управленцы и их родственники, ведомые никуда не девшимися, впитанными вековой традицией мотивами человеколюбивой реставрации идеальной древности и благородной самореализации на стезе государственного служения, едва лишь различали среди бьющихся друг с другом военных лидеров того, кто мог бы, согласно их критериям, претендовать на роль наконец-то вновь появившегося совершенномудрого монарха, сплачивались вокруг него

[177] Васильев, Фурман, 1974. С. 474.

и вновь принимались за свою нескончаемую работу, прерванную развалом. А для них не существовало более совершенного и прогрессивного образа идеального мира, чем тот, что был нарисован конфуцианством много веков назад. Именно в силу скромности и непроработанности сформулированных в нем запросов он ощущался как реализуемый — лишь бы его строительством занялись *цзюньцзы*. И *цзюньцзы* снова строили ту же самую утопию. И при всех различиях, зависевших от конкретики эпохи, строили ее, во-первых, с удовольствием, с чувством, что называется, глубокого удовлетворения, а во-вторых — успешно.

Отнюдь не в последнюю очередь именно потому, что сами, но в результате своих трудов уже чуточку лучше — умнее, сильнее, благороднее, влиятельнее — должны были стать ее неотъемлемой и главной частью.

Конфуцианскую утопию можно было построить. И в ней можно было жить.

Раз за разом она, несмотря на заведомую невозможность полной реализации идеала, оказывалась оптимальным социальным и административным устройством, способным обеспечить данной культуре в данных условиях наилучшие шансы на продление себя в будущее.

А, собственно, именно это — продление адаптирующейся к вызовам современности культурной традиции в завтра и послезавтра — и является главным смыслом государственного управления. Пока традиция [178] длится — у людей есть своя страна. Когда традиция умирает, ни территория, ни язык, ни отеческие гробы уже не дают ощущения Родины. Люди, с места не сходя, оказываются на духовной чужбине — и неизбежно перестают отождествлять себя и свою жизненную перспективу с нею и с ее перспективой, свою судьбу с ее судьбой; говоря проще, им становится на нее плевать.

Поразительная устойчивость китайской цивилизации объясняется, помимо многих иных факторов, устойчивостью выработанных ею представлений о желанном будущем, которое создается повседневной коллективной деятельностью, прежде всего — деятельностью управленческого аппарата.

Всякая попытка реализовать европейскую утопию и во времена давние (в стиле, скажем, Кальвина или Мюнцера), и в недавние, памятные нам куда лучше, падала на грешную реальность как атомная бомба — все выжжено, все оплавлено, но зато потом долго светится

---

[178] Существеннейшей частью этой традиции являются — нельзя об этом забывать! — общие представления о желанном грядущем. Скажем, евреи даже в рассеянии сумели сохраняться как ярко выраженное единство благодаря не только общим представлениям о вчера (договор с Богом), но и о посюстороннем завтра (на будущий год — в Ерушалаиме).

благодаря наведенной радиации. Всякая попытка реализовать конфуцианскую утопию от цикла к циклу была полной воды лейкой в руках садовника, чей сад начал было пересыхать.

Создание КНР в 1949 г. — с весьма высокой степенью абстрагирования, конечно, — можно интерпретировать как очередную попытку с учетом реалий принципиально новой эпохи вновь отстроить традиционную идеальную модель, которую в европейских терминах можно назвать и утопией; традиционную, насколько это ныне возможно, и при этом обогащенную всем, что ныне необходимо и доступно [179]. Полный драматических зигзагов (принимавших, в том числе, вид критики Конфуция в последние годы правления Мао Цзэ-дуна) путь восхождения тем не менее оказался вновь на редкость успешным. Деятельное стремление к идеалу приводило к неподдельному улучшению реальности. Чиновнику ощутимо было для чего работать. Вдохновляющее чувство перспективы, чувство роста, чувство осмысленности и результативности усилий, несомненно, сыграло в успехе свою роль.

Успех этот, принявший, в том числе, и форму беспрецедентного для Китая роста благосостояния, чреват, однако, размыванием управленческих добродетелей. Особенно это опасно ввиду приближения к пределам роста, дальше и выше которых нынешний мир с его географическими, геологическими, экологическими, экономическими и политическими реалиями взлететь просто не позволит. Управленческий аппарат Китая, похоже, уже начинает захлестывать корыстными мотивациями. Создается впечатление, что ситуация там начинает напоминать ситуацию в СССР в конце 70-х—начале 80-х гг.: все промежуточные, вспомогательные цели в основном достигнуты, малое процветание построено, но дальше — стенка, для преодоления которой нужны еще более могучие усилия. Причем даже они не могут гарантировать успеха. Именно достижение промежуточных материальных целей начинает провоцировать настроения, согласно которым главная-то цель является даже не миражом, но просто чьей-то индивидуальной искусственной фантазией, которая лишь отвлекает от настоящей, не-

---

[179] Это не голословное утверждение, однако на доказательстве этого тезиса здесь невозможно останавливаться. Могу лишь подтвердить свою точку зрения следующими, например, цитатами: «Мао полагал, что его революция приведет всю китайскую нацию к „великому единению“ (*датун*) под опекой нового китайского государства, которое будет упорядочивать общество во всех его аспектах лучше, чем какое-либо государство прежде. Упорядочивать лучше — значит, упорядочивать более тщательно» [Madsen, 2002. P. 288]. «Целью рыночной экономики являлось не предоставление каждому индивидууму возможности максимально следовать своей выгоде, но создание для семей условий безопасности, достаточной для формирования надлежащих связей между родителями и детьми, братьями и сестрами, супругами» [Op. cit. P. 291].

выдуманной жизни. В этих условиях вспомогательные материальные цели очень легко могут выдвинуться на положение главных и вечных, а тогда ураганное нарастание мотиваций личной корысти уже невозможно будет ввести в приемлемые рамки.

По сути, единственным реальным средством парировать эту тенденцию без насилия, с относительно щадящим применением уголовно-карательных методик, может стать лишь открытие выхода в какой-то новый простор, настолько заманчивый для всех, что по сравнению с ним мечты о немедленном личном обогащении хотя бы для той части управленцев, что минимально достаточна для эффективного управления страной, просто померкнут. Прежде в Китае так бывало уже не раз.

Однако в наше время к факторам, препятствующим этому целительному маневру, добавился еще один, чрезвычайно мощный. Он не известен многовековой культурной традиции, он нов для нее и потому в ней не выработано против него иммунитета. Этот фактор — экспансия западной идеи, согласно которой всякая мало-мальски общая мечта уже сама по себе есть нарушение прав человека, тоталитаризм и реки крови, а единственной достойной современных людей мечтой должно быть личное самоутверждение и связанный с ним личный материальный и статуциональный успех.

Корни этой идеи понятны. Многократно обжегшись на собственных утопиях, западная цивилизация инстинктивно дует теперь на любую воду [180]. И сама при этом не замечает, что уже давно обеспечивает собственную жизнеспособность отнюдь не тем, что более всего в себе ценит, но попытками глобальной реализации нынешней своей тусклой фантазии, слегка украшенной лозунгами в стиле Мора и Кампанеллы относительно борьбы с тиранией. Она, эта фантазия, сводится к планетарному господству аморфной совокупности самоутверждающихся всяк на свой лад изолированных индивидуумов, не связанных между собою никакими обязательствами, кроме финансовых, и никакими отношениями, кроме отношений производства-потребления и купли-продажи. Это называется свободой (или, если вспомнить Цаплина, «полноценным мышлением»). Только навязывание миру «свободы» и «полноценности» придает сейчас западной цивилизации хоть какой-то смысл — по крайней мере в ее собственных глазах. Хоть какой-то элемент застарелой утопии — «соседи получают гарнизон и должностных лиц из Соляриев и постепенно приучаются к обычаям Города Солнца» — удается втиснуть в реальность; на том и пришлось сосредоточиться, чтобы не потерять окончательно почву под ногами.

---

[180] Если вновь воспользоваться намеченной несколько выше метафорой (свинья реальности, дуб культуры и желуди мечты), можно вспомнить известное «Наелась желудей досыта, до отвала...» — и далее точь-в-точь по басне.

Положение усугубляется тем, что такая система ценностей ДЕЙСТВИТЕЛЬНО обеспечивает человеку немалые преимущества в гонке за личным успехом, и как только этот успех становится главным жизненным смыслом — человек едва ли не обречен ее принять.

Но общей положительной перспективы от этих индивидуальных успехов, как бы они ни были многочисленны, отчего-то не прибавляется. Скорее наоборот.

Да, мы прекрасно знаем, что всякая коллективистская мобилизационная идеология может казаться — а отчасти и впрямь оказаться — оправданием и питательной средой тирании. Но верно и то, что лишь она способна обеспечивать приток в управленческий аппарат хотя бы минимально необходимого количества управленцев, стремящихся туда не только ради обогащения или использования административного ресурса и казенных средств в собственных целях.

Идеология личного успеха на это не способна вовсе.

Российская культура, при всей своей отчасти реальной, а отчасти лишь декларируемой самобытности, оказалась в этом смысле вполне европейской. К моменту усвоения ею западных ценностей и иллюзий она не успела даже приступить к выработке какого-либо собственного светского представления о желанном посюстороннем будущем. А потом, когда мечта оказалась отформатирована, об этом уж и речи быть не могло. Надорвавшись в попытке реализовать древнюю западную идею коммунизма на последнем дыхании своего не менее древнего государственно-общинного своеобразия, она так и не смогла предложить никакого ненасильственного механизма противодействия агрессивной мотивационной трансформации. Во всяком случае — пока.

Сможет ли демонстрировавшая до сих пор поразительную устойчивость древняя культура Китая открыть какой-то новый простор, предложить какую-то новую культурную перспективу, которая смогла бы сделать китайских управленцев более или менее иммунными к доминированию мотиваций личного самоутверждения и обогащения, мы увидим уже в ближайшее время.

6

Конечно, неоспоримым является то, что никому не дано повернуть вспять колесо истории. Устои традиционных обществ, сколь бы успешно они ни обеспечивали в стародавние времена стабильность и процветание, в современном мире невоспроизводимы.

Однако, с другой стороны, конструктивное продление традиции в современность и даже далее, в будущее, и использование ее хотя бы в качестве амортизационной прослойки между людьми и прогрессом, является единственным залогом устойчивого позитивного развития.

Оптимальным же вариантом является использование традиции в первую очередь в качестве путеводного маяка для этого самого прогресса.

Понимание данного факта уже ищет себе дорогу, пробиваясь сквозь былые представления о единообразности исторического движения, как трава сквозь асфальт.

Например, известный исследователь традиционной китайской идеологии, историк и культуролог Ду Вэй-мин отмечал:

> Невозможно себе представить, что конфуцианство — да, по правде говоря, и какая-либо иная не-западная духовная традиция — способно воздействовать на формирование процесса модернизации. Развитие от традиции к современности неизбежно и необратимо. ...И в западном, и в не-западном мире искусственно спланированного перехода от традиции к современности не случалось никогда. Нормой является продолжение традиции в современности. ...То, что конфуцианство придает равенству большее значение, чем свободе, чувству общности — большее, чем рациональности, этикету — большее, чем закону, долгу — большее, чем правам, и человеческой взаимосвязанности — большее, чем индивидуальности, может выглядеть диаметрально противоположным ценностным ориентирам Просвещения. ...Однако в свете угрозы социальной дезинтеграции на всех уровнях, от семьи до нации, общемировая потребность в социальной справедливости, обоюдном сочувствии, взаимопонимании, ответственности и чувстве общности является очевидной. ...Так называемые азиатские или конфуцианские ценности, как и ценности Просвещения, тоже являются универсальными [181].

Осталось лишь разглядеть взаимосвязь между эффективностью воздействия всех этих ценностей — будь то ценности Просвещения или ценности конфуцианства — на поведение членов того или иного общества и реальной перспективой этого общества.

А главное — переживанием и осознанием этой перспективы, рефлексией по ее поводу, на которую данное общество оказалось способно.

Если вновь вернуться к приведенным выше высказываниям Конфуция, можно попытаться реконструировать систему стимулов, подвигающих совершенного мужа к его трудной, но благородной и такой необходимой деятельности.

Идеальный управленец мотивирован:

- любовью к семье и приносящим удовлетворение прежде всего ему самому привычным выполнением семейных обязательств, соответствующих его месту в семейной иерархии;
- личным участием в коллективном улучшении мира;
- самоуважением и стремлением его сохранить;
- самосовершенствованием;
- стремлением к творческой самореализации;

[181] Tu Wei-ming, 2002. P. 57—60.

- желанием приносить пользу;
- долгом;
- преодолением примитивно эгоистичных побуждений, прежде всего — своекорыстия, духа стяжания, материальной мотивации.

Другими словами, *цзюньцзы* во всех проявлениях своих, сызмальства и — по мере самосовершенствования — во все большей и большей степени обязан был в своих отношениях с внешним миром становиться:

- идеальным семьянином;
- идеально бережным к вверенному его заботам населению управленцем;
- идеальным бессребреником [182].

Нетрудно заметить, что практически все мотивации *цзюньцзы*, пусть одна в большей степени, другая в меньшей, но — все, могут быть энергетически запитаны лишь от одного-единственного источника: искреннего желания привести реальный мир в состояние, по возможности близкое к тому состоянию, которое мыслится для мира желательным. И ясно, что согласованная общая деятельность возможна только при условии, что представления о желательном мире — пусть с индивидуальными вариациями, как же иначе — являются общими для большинства управленцев. Нет такого желания — и все остальное превращается в корыстное притворство, надувание щек и стремление перещеголять друг друга в умении произносить правильные слова.

Человек искренне и неподдельно увлечен своей конструктивной, в значительной мере — творческой деятельностью. Он ощущает от нее удовлетворение, гордится собой и уважаем другими, если добивается результата. В процессе ее успешного осуществления он сам делается все лучше. Мотивационная энергетика включена и требует выхода, а поведенческая ее реализация оформлена традиционными стереотипа-

---

[182] Бессребреничество *цзюньцзы* не подразумевало аскетизма, нарочитого стремления к материальному убожеству и прочих добродетелей, свойственных, например, некоторым христианским праведникам. Оно не связывалось ни с какой чрезмерностью, ни с каким переформатированием человеческой природы. Просто среди движущих мотивов *цзюньцзы* стремление к достатку и комфорту занимало сугубо подчиненное положение. Что-то есть — хорошо, пусть будет; чего-то не стало — не беда, пустяки, хлопот меньше. Порадовать *цзюньцзы* подарком вполне было можно (особенно если это какая-то древняя рукопись или картина), но вот повлиять с помощью подарка на его поведение и на принимаемые им решения — совершенно невозможно. М. Вебер отмечал, например: «...Этика конфуцианства... отвергала и прямое, и непрямое участие чиновников в приносящих прибыль занятиях. Они рассматривались как морально сомнительные и неподобающие их положению» [Weber, 1951. P. 158].

ми коллективистского поведения. Это, в принципе, уже само по себе может обеспечить статистическое преобладание социально желательного поведения над социально нежелательным. Только при таком положении вещей противодействие уголовного права отклонениям от надлежащего, этически полноценного поведения может быть сколько-то эффективным.

Важно отметить, что ничего, не свойственного человеческой природе, в перечне мотиваций совершенного мужа нет. Они сугубо реальны. Они знакомы каждому. Но, конечно, в надлежащей степени они присущи в первую очередь очень хорошему и очень порядочному, очень хорошо воспитанному человеку.

С другой стороны, эти устремления сами по себе имеют мощную воспитательную составляющую и способствуют улучшению человека и повышению степени его порядочности. Они целиком погружены в реальный мир, но при этом отнюдь не подчинены ему и его превратностям, его темным сторонам. Напротив — они бросают этим превратностям вызов. А такой вызов для многих людей сам по себе служит прекрасным стимулом.

Говоря по совести, любой порядочный современный человек, занимаясь своим делом, рад-радешенек был бы иметь такой спектр побуждений.

Но, с другой стороны, перспектива работать на износ, руководствуясь исключительно подобными соображениями, наверняка приведет в ужас того, кто убежден, что и сам он человек идеальный, просто ему все время не везет и все время мешают бесчисленные плохие парни, а мир в общем уже достиг совершенства, просто надо в нем устроиться посытнее и повольготнее.

Если под этим углом зрения проанализировать лучшие советские утопии третьей четверти прошлого века, невозможно не почувствовать, что, хотя описываемый в них мир было принято полагать коммунистическим, мотивационная база людей светлого завтра крайне далека от имплицитно предлагавшихся европейскими утопиями (которые долгое время считались предшественницами так называемого научного коммунизма), но зато практически совпадает с мотивационной базой *цзюньцзы*. За исключением, конечно, преданности жесткой внутрисемейной иерархии. Поразительно, но даже общая тональность едина с конфуцианством и абсолютно противоположна европейским утопиям: минимум социально-экономических подробностей, минимум конкретных организационных рецептов, но — максимум ярких, манящих деталей, демонстрирующих, каков, собственно, сам человек.

Крупных же отличий, собственно, лишь два.

Во-первых, эта система мотиваций распространена с управленцев на всех людей вообще. Но ведь каждый член грядущего общества мыслился в достаточной степени сознательным, ответственным и са-

мостоятельным. Стало быть, в рамках своей профессиональной деятельности он в любой момент мог оказаться единым в двух лицах принимающим решения и реализующим их управленцем/исполнителем. К тому же при демократическом мироустройстве каждый должен быть пригоден и к длительной управленческой деятельности, если так окажется угодно избирателям.

И во-вторых — совершенствование мира переориентировано с прошлого на будущее, с навечно расквартированного на заре времен статичного идеала на динамичный идеал, бесконечно разворачивающийся в бесконечное грядущее. Главным же средством двуединого процесса познания/созидания этого идеала, то есть смыслом жизни, стал переросший в естественную потребность научный и вообще творческий поиск, служение истине; в конфуцианской модели это место занимает также наполненное личным социальным творчеством служение совершенномудрому правителю (тоже — смысл жизни).

Эти принципиальные различия не имеют никакого отношения к собственно индивидуальной психологии обитателей идеальных миров; оба находятся вне личного мотивационного комплекса, во внешнем социуме и в его истории, тоже внешней относительно каждого отдельного человека. Следует признать, что, в отличие от утопий тоталитарных, наперебой рвущихся простой грубой силой перековать неправильного человека в человека принципиально иного, правильного, по-настоящему гуманистические и жизнеутверждающие социальные модели, ни в малейшей степени не подозревающие друг о друге и вроде бы несхожие во всем, с древности до наших дней рисуют Человека Воспитанного Творческого Деятельного Ответственного психологически однотипно и лишь одевают его по-разному: то в чиновничий халат, то в скафандр звездолетчика.

Похоже, предполагаемая этими утопиями система мотиваций по самой человеческой природе является единственной, какую можно предложить в качестве заманчивой альтернативы мотивационному комплексу, основанному на возведенном в ранг высшего приоритета немедленном прямом самоутверждении, принявшем в наше время в первую очередь формы исступленной бытовой агрессии и ненасытного стяжания — особенно опасные в открытом обществе, когда каждый человек то и дело оказывается сам себе управленец.

Сейчас уже практически невозможно сомневаться в том, что если в течение обозримого будущего такая альтернатива не будет каким-то образом вновь с неподдельной привлекательностью предложена хотя бы в одной достаточно влиятельной стране, лучше — группе стран, на человечестве можно ставить крест. Выдуманные миры элоев и морлоков или, скажем, Джонни-Мнемоника покажутся райскими кущами по сравнению с тем, что на нас накатит в самой что ни на есть реальности.

Дело в том, что в угоду экономике и идеологии свобода, за которую Европа веками честно проливала кровь на баррикадах, на наших глазах превращается в свободу культивирования дорогостоящих извращений и маргинализации жизнеспособной (а потому самодостаточной, значит, сравнительно аскетичной и, стало быть, по меркам консьюмеризма, — плохо работающей на экономический рост) физиологической, психологической и этической нормы.

Первой ласточкой этих процессов была сексуальная революция, немедленно вызвавшая расцвет контрацепции, что создало целый новый сектор рынка и, в частности, вал дорогостоящих химических и даже хирургических усилителей половой мощи. Уже на этом этапе естественный человек стал восприниматься как неправильный — унизительно слабосильный.

Но при существующей экономической модели стабильность цивилизации зависит от ее способности без конца придумывать и навязывать новые виды товаров и услуг [183].

Происходящая на наших глазах гомосексуальная революция является очередным и наверняка — далеко не последним следствием осознания экономикой того простого факта, что нежизнеспособная физиология, нуждаясь в куда большем числе искусственно производимых подпорок, порождает куда больше рабочих мест и существенно пришпоривает оборот финансов (для начала — в сферах медицины и юриспруденции; ну, и тут как тут всякая недорогая, зато массовая мелочёвка, вроде футболок с ЛГБТ-символикой)... На очереди легализация наркотиков, признание педофилии одной из равноправных сексуальных ориентаций, а там, глядишь, подоспеют некрофилия и копрофагия...

Кого, какого склада людей способна увлечь, вдохновить и объединить в слаженно работающее братство подобная перспектива? Это не колодец со спасительной водой, но ловчая яма.

Во второй половине прошлого века и в научных, и в научно-популярных текстах и беседах оживленно дебатировалось загадочное молчание Вселенной. Почему мы не наблюдаем признаков деятельности обогнавших нас на века сверхцивилизаций? Почему на посылаемые нами к иным звездам радиосигналы никто не отвечает? Почему

---

[183] Уже цитированный мною Виктор Франкл во вполне научном своем труде тоже совершенно не академично сетовал: «Воротилы индустрии сексуальных развлечений чуют, что на этой деградации можно неплохо нажиться. ...За разговорами о сексуальном раскрепощении очень часто скрывается желание нажиться за счет так называемого полового просвещения. ...Мы все против ханжеского отношения к сексу; но нельзя мириться и с ханжеством тех, кто говорит «раскрепощение», а подразумевает «деньги» [Франкль, 2009. С. 21—22].

мы не находим бесспорных свидетельств посещения нашей планеты инопланетянами? Почему род людской, похоже, одинок в Галактике? Одной из самых мрачных и при этом наиболее банальных отгадок была та, согласно которой всякий разум губит себя в термоядерных войнах.

Ныне подобного рода дискуссии поутихли — в обществе потребления не до подобных пустяков. Однако загадка-то никуда не делась.

В последние десятилетия и даже годы имеют место недвусмысленные намеки на возможность куда более реалистичного объяснения.

Всякая культура с определенными (как правило — непринципиальными) вариациями развивается в направлении уменьшения зависимости меньшинства от большинства и увеличения свободы индивидуума от общества. Этот вектор развития обусловлен, видимо, самой природой человека.

С другой стороны, объективное усложнение социально-экономической реальности приводит к тому, что на самом деле зависимость индивидуума от общества все время растет — каждому нужны водопровод и канализация, банкоматы и аптеки, бензоколонки и Wi-Fi, пособия и кредиты, и новые потребности порождаются чуть ли не каждый день, и все это должно бесперебойно работать где-то далеко вне индивидуума, без этого современный человек, несмотря ни на какую демократию, не ступит и шагу. И все это требует оплаты; не таланта, не трудолюбия, не способности собрать хворост и разжечь печь, слепить пельмени, выследить зверя или спасти друга, но всего лишь способности вовремя заплатить все равно как добытыми деньгами. Со всеми своими правом голоса и правом на адвоката, свободой слова, вероисповеданий и собраний человек посажен на необходимость иметь деньги, точно на кол. Этот вектор развития обусловлен природой господствующей экономической модели.

Понятно, что процесс одновременного нарастания независимости и зависимости не может кончиться добром и начинает порождать все более уродливые и зловещие аберрации. Коль скоро никакой иной свободы экономика уже не оставляет, пространство под свободу приходится освобождать за счет дискредитации и снятия физиологических и, тем более, этических табу. А ведь они возникли не случайно, они никем не выдуманы нарочно и не навязаны тиранами. Они выстраданы тысячелетиями нешутейной борьбы человека за существование.

В относительно недавние времена безудержное стремление к свободе иногда подвигало особо экспансивных личностей вести себя по принципу «Назло мамке уши отморожу». Но теперь мамка уже сама всем без разбору говорит строго: «Если тебе тесновато, поди отморозь уши и ощути себя хозяином своей жизни; а коль вдруг оглохнешь — слуховые аппараты у нас лучшие в мире». И на всякого, кто попытается напомнить, что уши лучше бы все же поберечь, мгновенно наклеи-

вается ярлык врага свободы и апологета человеконенавистнических диктатур.

Так политическая система приобретает дополнительную стабильность, ибо спектр дозволенных свобод расширяется, а это имитирует давно возведенный в культ социальный прогресс.

Экономика же получает рост ВВП и, что крайне важно, — разрастание спектра платных услуг и товаров, а это, в свою очередь, еще более увеличивает зависимость индивидуума от общества и повышает его управляемость.

Поэтому с какого-то момента вековечная борьба за вольности и права приобретает характер культивирования и даже силового навязывания большинству реально опасных для выживания популяции индивидуальных отклонений, которые до поры до времени удерживались в приемлемых рамках архаичными и традиционными религиями, возникшими еще в древних коллективистских обществах, и зародившимися на базе этики этих религий системами права.

Если формулировать в самом общем виде, можно заключить, что именно тот цивилизационный очаг, который, порождая систематизированную науку и машинное производство, УВЕЛИЧИВАЕТ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ могущество разумного вида, его способность противостоять природе и тем самым — его шансы на выживание, закономерным и неотвратимым образом обречен у любой гуманоидной цивилизации попытаться стать очагом, порождающим агрессивное навязывание губительных для вида индивидуальных БИОЛОГИЧЕСКИХ аномалий и, таким образом, начинает УМЕНЬШАТЬ вероятность его дальнейшего существования.

Похоже, эта трансформация порождается базовыми, основополагающими свойствами индивидуальной разумности как таковой.

Возвращаясь с небес на Землю, можно с большой степенью уверенности сказать, что поиск социально-культурного компромисса, терпимого для любого дееспособного индивидуума, но при этом безопасного для вида, станет одной из основных проблем, стоящих перед человечеством в обозримой перспективе. И не только самого компромисса, а, по возможности, и несиловых, но при этом достаточно эффективных методик претворения его в жизнь. А потому значение тщательного, непредвзятого, в высшей степени уважительного и бережного анализа всех находок и успехов, сделанных различными цивилизациями Земли на пути попыток достижения подобного рода компромиссов, будет лишь нарастать — во всяком случае пока проблема выживания разумного вида остается актуальной.

Психологическое состояние, эффективность и судьба управленца в этих условиях становятся одной из самых значимых и драматических неопределенностей, которые ставит перед человечеством прогресс. Все прежние мотивации: принадлежность к общине, личная верность

вышестоящему, патриотизм, преданность некоей сверхценной идее — размываются господствующими тенденциями до полной ничтожности и даже становятся некоей позорящей свободного человека архаикой. Чисто юридическое регулирование оказывается столь же ничтожным в силу известного принципа «что не запрещено, то разрешено» — моральных же и культурных запрещений современное право не признает и, разумеется, не накладывает.

Хотя бы первичная и самая грубая прикидка перспективы требует специальных работ, которых, сколько я могу судить, нет и не предвидится. А первое, что приходит в голову навскидку, — управленец, с одной стороны, станет вполне допотопным образом воспринимать вверенный ему круг обязанностей как кормление, а с другой — без малейшего зазрения совести за дополнительную ли плату, в поисках ли популярности не погнушается превратиться в активного проводника культивируемых экономикой биологически рискованных псевдосвобод, и уж какое там желанное будущее, если потом — хоть трава не расти. Из орудия улучшения нравов, как сказали бы в танском Китае, подведомственного (*со бу* 所部) населения управленец превратится в орудие его деморализации.

Конечно, на фоне угрозы общечеловеческого тупика проблема мотивированности и порядочности управленцев кажется сугубо прикладной и частной. Но, учитывая, насколько в реальной повседневной жизни мы зависим от тех, кто множеством составляющих этой жизни управляет, важность такой проблемы никак нельзя недооценивать. А если вспомнить о постоянно происходящем в любом мало-мальски демократическом обществе иньяноподобном взаимопревращении управляющих в управляемые и обратно, не исключено, что попытки ответить на вопрос, ради чего и под воздействием чего управленец может обретать и сохранять добросовестность и человечность, вполне способны приблизить нас к ответам на ключевые вопросы относительно перспектив рода людского.

ЧИНОВНИК И ПРАВО

Концептуальную часть не хочется затягивать. Эта тематика, говоря по совести, заслуживает отдельного серьезного и пространного исследования. Но я счел совершенно необходимым хотя бы с максимальной лаконичностью, пунктирно, коснуться ключевых моментов для того, чтобы продемонстрировать масштаб и актуальность проблемы, показать ее корни и напомнить: поединок утопии с антиутопией отнюдь не умозрителен и отнюдь не закончен.

Исследование же исторически обусловленных способов уголовно-правовой поддержки порядочности, поддержки стремящегося к идеалу деятельного человека не может не быть сугубо конкретным.

Оно должно быть конкретным уже хотя бы в силу конкретности самого идеала. Более того — именно в конкретности заключается основная ценность подобных исследований. Каждая эпоха и каждая культура вносят по мере своих возможностей и способностей специфическую лепту в тот набор методик оптимизации поведения, которые вообще могут быть признаны хоть сколько-нибудь реалистичными. А достигнутые иными эпохами и культурами успехи только и в состоянии помочь нам непредвзято взглянуть на наши собственные, современные достижения и неудачи на этом вечном поприще. Далеко не все можно разглядеть изнутри.

Ведь хотя идеал человека в самых общих чертах и является, похоже, едва ли не вневременным, в своих более или менее конкретных проявлениях он предстает конкретным прежде всего именно исторически. Уголовное право каждой данной страны и эпохи в меру своих сил препятствует отклонениям именно от существующих в данном месте и в данное время представлений о проявлении надлежащих, должных, востребованных человеческих качеств. И уж, конечно, чисто конкретно-историческими остаются границы возможностей, которыми располагает уголовное право в его стремлении помочь человеку оставаться правильно мотивированным. Нескончаемое нащупывание этих постоянно плавающих границ — крайне важная задача; ведь и заходить за них не следует, ибо тогда уголовное право превращается в произвол и тиранию, и останавливаться слишком далеко от них нельзя, ибо тогда индивидуальная порядочность то и дело рискует оказаться без юридической поддержки.

Разумеется, опыт традиционного Китая в этой области ни в коем случае не может быть в современных условиях применен или использован напрямую.

Положа руку на сердце, нельзя отказать в изрядной доле правоты Линь Ли, когда в своей статье (полемической, пылкой, хотя и несколько архаично-западнической) он заключал:

> Слепое, то есть иррациональное и одностороннее, повиновение для Конфуция невообразимо. Исполнение долга должно быть взаимным, то есть двусторонним. ...В конце концов рациональная сердцевина конфуцианства, то есть обоюдное исполнение обязанностей, оказалась полностью проигнорирована. Слепое повиновение стало основным содержанием конфуцианства ...Идея обоюдного исполнения обязанностей была сознательно и с легкостью проигнорирована. Несбалансированность отношений между родителями и детьми была, в свою очередь, прямо применена к политическим институтам Китая [1].

Однако не худо бы приглядеться уже хотя бы к тому, как четко и взвешенно в ту пору осознавали требования культуры к людям и как не стеснялись с филигранной соразмерностью подпирать эти требования уголовно-правовыми санкциями. Какое плотное и многослойное кружево танские законодатели плели из запретов и возмездий, пытаясь спеленать голые порывы человеческого естества драгоценными шелками социально ориентированного и потому — единственно достойного человека поведения.

Танские законодатели однозначно ощущали, что уголовное право есть не столько средство регулирования межчеловеческих конфликтов, сколько защита и опора мобилизационной идеологии, обеспечивавшей хотя бы минимально необходимую для успешной жизни страны эффективность управленческого аппарата, и последовательно действовали в соответствии с этим.

Итак, основными характеристиками способного к строительству совершенного мира конфуцианского управленца являлись следующие:

- идеальный член семьи;
- идеально бережный по отношению к вверенному его заботам населению руководитель;
- идеальный бессребреник.

Конечно, сами по себе эти обобщенные выражения — идеальный тот-то и тот-то — мало что говорят.

Однако не зря у нас под руками свод законов. Он как нельзя лучше позволяет увидеть идеал во плоти. Именно нормы права, призванные помочь чиновнику соответствовать эталону по этим трем основным параметрам, лучше любого морализаторского трактата способны рас-

---

[1] Lin Li, 2002. P. 324—326, 346.

сказать и показать, что именно понимала тогдашняя китайская культура под идеальным семьянином, идеально бережным управленцем и идеальным бессребреником. Уголовное право творилось в помощь идеалу, и потому именно оно способно продемонстрировать конкретику идеала лучше всего.

Перечень наказуемых деяний является на самом-то деле зеркальным отражением впрямую нигде не сформулированного перечня норм, которым надлежит наперекор всем соблазнам следовать, — то есть перечня предельных требований общества к человеку, перечня конкретных параметров совершенства. Параметров минимально необходимых и обязательных. По типу «не пьет, не курит — хороший мужик»! Не берет наложниц среди подведомственных, отцу дурного слова не скажет, пост ему министерский предлагали, так он отказался, потому что в имя деда входил слог «мин», а ведь в слове «министр» этот слог тоже есть — ну просто не за что человека наказывать! Стало быть, прекрасный, надежный работник! А вот уж положительные таланты — это как Небо распорядится...

Китайская утопия формировалась для обычных, не выдуманных людей. Поэтому в ней оставалось место пониманию того, что живой человек почти обречен время от времени уступать соблазнам жизни и допускать более или менее серьезные срывы. Христианство объясняло такие срывы изначальной порчей природы человека, следствием грехопадения; для конфуцианца это была просто реальная жизнь так, как она есть, а иной не бывает.

В справедливо относимом к утопическим трактате «Юань дао» («Исследование пути»), написанном конфуцианским теоретиком Хань Юем (768—824) — а жил он как раз при династии Тан, — в частности, говорилось:

> Во времена древности люди испытывали много трудностей. Тогда Небо поставило [над ними] совершенных мудрецов. ...Они установили [для людей] нормы поведения, чтобы определить среди них порядок. ...Они стали управлять ими, чтобы побуждать ленивых и нерадивых. Они установили им наказания, чтобы искоренять строптивых и непослушных [2].

Очередность действий в этом перечислении отнюдь не произвольна. Сначала нормы поведения — положительные модели, исполняемые не по принуждению, а потому, что их исполнение этически обусловлено и социально ценно. Затем — руководство коллективным трудом, чтобы люди слаженно участвовали в нем, каждый на своем месте, и никто не остался вне столь нужного для общей пользы процесса. И лишь на последнем месте — карательная система, нужда в

[2] Цит. по: Мартынов, 1987. С. 44.

применении которой возникает, лишь если не срабатывают внутренняя потребность, положительный пример и руководящий призыв.

Уголовное право в состоянии помогать людям быть хорошими лишь одним-единственным способом — карать их, когда они оказываются плохими.

Искренняя преданность семейным связям, и прежде всего — семейной иерархии, была в конфуцианском представлении об идеальном обществе гарантией правильного функционирования всех остальных социальных связей, основой основ. Поэтому всякое уклонение от поведения, правильно оформляющего эту преданность, не только считалось нарушением семейной этики или, например, ощущаемых каждым на свой лад родственных привязанностей, но расценивалось как вызов всей социальной гармонии.

Всякая социальная общность мыслилась разновидностью семьи. Сколком семьи, дублером семьи, конгломератом семей. Верность семейной этике, оформлявшей внутрисемейную иерархию и набор внутрисемейных прав и обязанностей, считалась фундаментом, на котором и по образцу которого строились уже любая этика и любая верность. И не просто строились — надстраивались на этом фундаменте, по его чертежам и очертаниям. Следовательно, хороший чиновник просто не мог не быть идеальным семьянином. А чтобы помочь чиновнику быть хорошим чиновником, уголовное право прежде всего должно было помочь ему стать идеальным семьянином — и оставаться таковым на протяжении если уж не всей жизни, то во всяком случае всего периода службы.

В танском Китае сослуживцы и начальники не справившегося с искушениями жизни чиновника в принципе лишены были всякой возможности разобрать, скажем, поведение коллеги на общем собрании трудового коллектива, на офицерском суде чести, вкатить ему за аморалку строгача по партийной линии либо применить еще какую-либо из модернизированных мер воздействия, стоящих наособицу от уголовного права. Им не оставалось ничего иного, кроме как придать нарушениям внутрисемейных долженствований статус обычных уголовных преступлений — в ряду, скажем, с кражей, подлогом или преднамеренной порчей водозащитных сооружений.

Заключение

1

В религиозных культурах ответ на вопрос о смысле жизни лежит в потусторонней области; смыслом посюстороннего бытия является достижение посмертного слияния с тем или иным, смотря по религии, Абсолютом. В культурах секуляризованных, светских невозможно найти ответ на главный вопрос бытия где-либо еще, кроме как в области коллективных представлений о чаемом состоянии реального общества. Лишь при наличии таких представлений человек получает шанс оценивать столь желанную каждым живущим личную успешность не только по тому, сколько особняков он купил, скольких конкурентов унизил или растоптал, скольких несогласных с ним убил или скольких половых партнеров имел. Но в первую очередь — согласно вполне стимулирующему индивидуальную творческую самореализацию и в то же время стопроцентно коллективистскому критерию: насколько его жизненная активность способствовала превращению мира сущего в мир должный. Когда гаснет общепринятый образ желанного будущего, сразу теряются все цементирующие общество коллективные цели. А попутно и представления о том, что помогает и что мешает их достичь, и о допустимых и недопустимых средствах их достижения — то есть секулярные критерии Добра и Зла.

Пример Китая показывает, что устойчивое существование в культуре уважаемой, позитивной, легитимной утопии — эмоционально притягательной, открывающей возможности для индивидуального самоутверждения самых разных людей и при этом хотя бы отчасти реализуемой, — служит важнейшим фактором этногенеза, цивилизационной самодостаточности и успешности государственного строительства.

Сравнительный анализ возникших в европейской и конфуцианской культуре идеальных представлений об обществе демонстрирует, что мотивированность и эффективность работы служащих государственного управленческого аппарата в высокой степени зависят от образов того состояния, какого общество хочет от себя добиться.

Управление всегда является попыткой привести реальное общество в соответствие с некоторым представлением о его, общества, желаемом состоянии. Но для того, чтобы реальные управленцы могли осуществлять свои функции с надлежащей эффективностью, в первую

очередь им самим должны быть предложены культурой их образцовые модели, на которые реальные управленцы могли бы равняться, к соответствию с которыми они могли бы стремиться. Конструктивность и работоспособность социального идеала сильно зависят от того, предусмотрен ли идеальным образом общества идеальный образ управленца. Его отсутствие лишает управленческий слой моральной опоры, психологических и поведенческих ориентиров и сказывается на эффективности управленцев крайне негативно.

Для реально работающей бюрократии ее идеальный образ, являющийся неотъемлемой частью представлений об идеальном обществе в целом, служит основой должностной морали. Ее требования можно соблюдать, ради них можно жертвовать благосостоянием и самой жизнью, от них можно отступать, над ними можно иронизировать, вольнодумно посмеиваться и можно даже бунтовать против них — все это возможно, лишь пока такая мораль существует и, следовательно, работает. Невозможно преступить то, чего нет. И тем более невозможно соблюдать то, чего нет.

На конкретном материале уголовного права династии Тан ясно видно, что уголовные законы, предназначенные для регулирования социального и служебного бытия чиновничества, являлись в первую очередь средствами приведения реального чиновничества в соответствие с его идеальным образом, возникшим в китайской культуре. Лишь наличие такого образа позволяет уголовному праву эффективно бороться с реальными злоупотреблениями чиновников. Именно положительные параметры традиционной морали, в частности — специфической морали чиновничества, служили для законодательства, во-первых, отправными точками для формулирования конкретных юридических гипотез, во-вторых, критерием определения сравнительной тяжести или легкости наказаний за те или иные аморальные и, следовательно, уголовно наказуемые деяния. Если традиционная мораль подразумевает для всякого порядочного человека некий моральный императив (скажем, уход в отставку в случае смерти кого-то из родителей), законодатель просто обречен предположить, что некий малопорядочный человек этого не сделает, и предусмотреть для данного нарушения уголовную санкцию. Если для всякого порядочного человека обязанности по отношению к брату отца безоговорочно значимее обязанностей по отношению к собственному младшему брату, законодатель опять-таки просто обречен назначить за нарушение обязанностей по отношению к дяде более суровое наказание, чем за нарушение обязанностей по отношению к младшему брату. И так далее.

Вне культурного проекта ни теоретическая законодательная деятельность, ни практическая пенитенциарная активность, по большому счету, немыслимы. Или бессмысленны.

Поддержание в среде чиновничества традиционной морали на возможно более высоком уровне было едва ли не основной задачей предназначенных для чиновников танских уголовных законов. Именно традиционная мораль с ее тремя главными аспектами — верностью семье и семейной иерархии, человеколюбием в его конфуцианской интерпретации (в отношении чиновничества принимавшим идеальный вид родственного попечения над подведомственным и подконтрольным населением и имуществом) и приоритетом долга над выгодой — формировала основные группы законов, обеспечивавших карательное воздействие на тех, кто по какому-либо из этих трех параметров оказывался не соответствующим высокому долгу управленца.

Уголовное право Тан — во всяком случае, применительно к чиновничеству — есть не столько средство регулирования межчеловеческих конфликтов, сколько защита и опора мобилизационной идеологии, обеспечивавшей хотя бы минимально необходимую для успешной жизни страны эффективность управленческого аппарата на всех его уровнях.

В традиционном Китае представления о совершенном состоянии общества предполагали три основные характеристики соответствующего этому состоянию управленца:

- идеальный член семьи;
- идеально бережный по отношению к вверенному его заботам населению руководитель;
- идеальный бессребреник.

Именно на этих трех параметрах сосредотачивалось традиционное китайское право в своем старании помочь людям — обычным людям, со всеми их слабостями и недостатками — приблизиться к предполагаемым культурой параметрам совершенства. Следовательно, нарушения норм традиционной морали именно в этих сферах находились под наиболее пристальным наблюдением закона и подлежали наиболее суровым карам.

2

По поводу первого параметра можно, подытоживая, сказать следующее.

Внутрисемейные нарушения, которые и для любого подданного империи были недопустимы и считались уголовными преступлениями, карались, буде их совершал чиновник, суровее, чем если бы их совершил простолюдин. Суровость эта проявлялась и в отказе виновным в возможности пользоваться их преимущественными правовыми состояниями, полагавшимися им по статусу, но била в первую очередь по должностному статусу преступника. Именно его право на управле-

ние и подачу морального примера населению оказывалось несовместимым с его неуважением к внутрисемейной морали.

Вдобавок существовали и специфические, только к чиновникам предъявлявшиеся внутрисемейные требования, и право неукоснительно следило за их соблюдением, ибо несоблюдение свидетельствовало о служебном несоответствии, демонстрировало моральную непригодность чиновника к службе.

Стремление обеспечить второй параметр породило в праве концепцию административной ответственности.

Для чиновников определенного уровня мир делился на две неравные части: ту, где чиновник в силу исполнения служебных обязанностей отвечает за общую мораль, справедливость, упорядоченность и законность, а потому имеет повышенные полномочия, и ту, за которую он не отвечает и в которой он поэтому таких полномочий не имеет. Наделение полномочиями было неизбежным следствием того, что чиновнику вверялась некая область, внутри которой он обязан был выполнять свой высокий долг.

Именно в ней, в этой области, где он должен был быть лучше и справедливее всех, государственный человек оказывался полномочнее всех. И потому именно здесь его подстерегали самые страшные соблазны. Вне сферы полномочий, в большом чужом мире он был не на много более властен, чем любой простолюдин. Да, его личная правозащита могла быть несколько более интенсивной в силу его ранга, он мог пользоваться неким опосредованным, косвенным влиянием, но законной властью распоряжаться людьми и имуществом он не обладал. Внутри же он был олицетворением высших сил, способных каждому указывать, что необходимо, а что может подождать, что правильно, а что — нет. И потому к его собственным критериям правильности и неправильности — а их-то и демонстрировало во всей красе его реальное поведение в подвластной сфере — предъявлялись государством повышенные требования.

Поэтому за преступления, связанные с насилием над людьми, которые опять-таки могли быть совершены любым человеком, как чиновником, так и простолюдином, также карали строже, если их совершал служащий на государственном посту человек в отношении тех, кто был ему подчинен или подведомствен. Особые прерогативы делегировались чиновнику государством для того, чтобы он имел невозбранные возможности улучшать людей и их жизнь, но отнюдь не чтобы он их ухудшал. То, что эти полномочия использовались чиновником с ухудшающим жизнь людей эффектом, служило отягчающим фактором, и снова под ударом в первую очередь оказывалось служебное положение провинившегося управленца.

Особое внимание танское право уделяло третьему параметру — имущественной добросовестности чиновника. Эта сфера была в уго-

ловных законах разработана с особым, можно сказать — беспрецедентным тщанием. Законодатели постарались предусмотреть и блокировать любую мелочь.

Вообще говоря, образы чиновника в обществе и средне-старшего, диагонально-верхнего родственника в семье были изоморфны. Чиновничьи права и обязанности, равно как и предоставляемые чиновнику гарантии физической безопасности, уподоблялись правам, обязанностям и гарантиям, предоставлявшимся то старшим братьям, то дядьям. А потому и преступления против личности, субъектами или объектами которых оказывались чиновники, встраивались в общую картину правового поддержания иерархии семейно-социального старшинства и младшинства. Определенная специфика была, но она не приводила ни к появлению качественно обособленных законов, ни к выделению особых и специфических, никому, кроме чиновников, не доступных действий в качестве преступных и подлежащих наказанию.

Иное дело — имущественная сфера.

Внутри семьи собственность считалась более или менее общей, и потому неправомерные перемещения имущества внутри семьи ощущались менее опасными и менее недопустимыми, чем неправомерные перемещения имущества той же стоимости во внешнем, внесемейном мире. Внутрисемейные имущественные преступления наказывались легче, чем аналогичные преступления, совершенные членом той или иной семьи за ее пределами. А вот внутри иерархических административно-хозяйственных ячеек, организованных и управляемых государством, несанкционированные перемещения собственности, если к ним как-то приложили руку те, кто обязан был обеспечивать в данной ячейке закономерный ход дел, считались более недопустимыми, чем аналогичные несанкционированные перемещения вне таких ячеек, во внеадминистративном мире. Изоморфизм семейной и административной структур был тут вывернут наизнанку.

Чем ближе было родство субъекта и объекта кражи, тем легче было наказание, и в любом случае такая кража наказывалась легче, чем если бы ее совершил один посторонний человек у другого [1]. При этом дух закона, казалось бы, изменял общему духу общества: кража младшим у старшего не наказывалась суровее, чем кража старшим у младшего. Во всех иных коллизиях стандартным был принципиально иной подход: преступление старшего против младшего наказывалось легче,

---

[1] «Всякому, кто похитил имущество родственника близости *сыма* или *сяогун*, наказание уменьшается на 1 степень относительно [полагающегося за данное хищение] постороннему простому человеку. В случаях с родственниками близости *дагун* — на 2 степени, в случаях с родственниками близости *цзи* — на 3 степени» [Тан люй. Ст. 287; Уголовные установления Тан, 2005. С. 106].

чем то же самое преступление, совершенное посторонним против постороннего, а преступление младшего против старшего — тяжелее. Но концепция, согласно которой, с одной стороны, имущество семьи являлось в значительной степени нераздельно общим, а с другой — старшие в семье были в ответе за младших, привела к тому, что здесь создалась некая правовая флуктуация, заповедник правовых подходов, отличных от тех, что бытовали на просторах общества в целом.

С другой стороны, младшие за самоуправное использование общего для семьи имущества все же наказывались, а старшие — нет [2]. Относительно старших и сказать-то было неловко: самоуправное использование. Старшие были в своем праве.

А вот к чиновникам, старшим в той или иной ячейке общества, отношение было совершенно иным. За имущественные преступления с них спрашивали строже, чем с младших или с посторонних. Ибо ни о какой общности имущества внутри такой ячейки речи не шло и не могло идти. За подведомственное имущество чиновник лишь отвечал. Оно было объектом исполнения им своих высоких обязанностей. Нет ничего страшнее для государства, чем положение, когда его служащие начинают относиться к тому, что им вверено по службе, как к своему, и распоряжаться им по своему усмотрению.

Для правовой оценки социально нежелательных действий чиновника по отношению к имуществу, что пребывало в его ведении, был сконструирован целый мир, отдельный и обособленный от остального мира имущественных преступлений, но по временам довольно причудливым образом на него влияющий.

3

Одно то, что из шести типов имущественных преступлений, предусмотренных танским правом, четыре были специально посвящены чиновничеству, а из этих четырех три — чиновничеству, действующему внутри сферы своей административной ответственности, говорит само за себя.

Главным врагом праведной и добросовестной чиновничьей службы была корысть. Она в первую очередь могла подвигнуть на неправомерные действия, на нарушения закона, на использование чиновником в его личных целях того, что подчинено ему ради общественного блага. Отношение к имуществу подведомственных чиновнику людей, либо людей, в силу тех или иных обстоятельств временно попавших в зависимость от него (скажем, из-за проведения расследования или решения тяжбы), либо к просто казенному имуществу, вверенному ему

[2] Тан люй. Ст. 162; Уголовные установления Тан, 2001. С. 133.

по службе, было чем-то вроде лакмусовой бумажки, характеризующей моральный уровень государственного служащего.

Большинство из имущественных чиновничьих преступлений в принципе не могли быть совершены людьми, не имевшими чиновничьих полномочий. Это резко отграничивало их от преступлений против личности, субъектами или объектами которых могли оказаться чиновники. Нанести побои, выбить зуб, ошпарить кипятком — все это чиновник вполне мог и на общечеловеческих основаниях. Без применения своих особых возможностей. Но вот использовать для себя труд подведомственных, взять у подчиненного вещь, которая приглянулась, запросто взять с вверенного склада те или иные ценности — не мог простой человек со стороны. Мог только тот, кто всем этим управлял и от кого все это зависело. И не в том даже дело, что со склада никто, кроме чиновника, не мог ничего украсть; мог, если бы очень постарался, но это был бы простой вор. Только чиновник не просто воровал, а воровал то, за что отвечал. Это были совершенно разные преступления.

Поэтому понятие сферы административной ответственности, сферы полномочий имело принципиальное значение для формулирования специфического правового положения чиновника и для определения наказаний в случаях совершения чиновниками имущественных преступлений.

Самым страшным из них считалась взятка с нарушением закона. Любое деяние полномочного чиновника, связанное, во-первых, с преднамеренным нарушением подвластного ему законного хода дел и, во-вторых, с произошедшим благодаря этому нарушению корыстным перераспределением имущества в пользу самого нарушителя с той или иной степенью уподобления возводилось танским правом к понятию взятки с нарушением закона. В ней сходилось сразу несколько ужасающих факторов.

Чиновник, словно он в жизни не зубрил Конфуция, пренебрегал долгом и, точно мелкий человек, начинал действовать ради выгоды.

Чиновник, подобно тому как грабитель с большой дороги использует дубинку или нож, прямо или косвенно использовал зависимое, порой — практически беспомощное положение человека, находящегося в его воле. Вместо того чтобы употреблять вверенные ему страной полномочия для воспитания народа, увеличения его благосостояния, повышения его моральных качеств, нерадивый слуга императора унижал вверенных ему людей и демонстрировал несправедливость власти.

Чиновник, словно главный тут не он, а сующий ему взятку преступный подданный, отдавал мелкому человеку вверенный ему правительством контроль за событиями. Чиновник уклонялся от обеспечения закономерного хода дел (для чего он, чиновник, собственно, и су-

ществовал) и шел на поводу у первого встречного, который позвенел над его ухом связкой монет, то есть выполнял не высшую, а низменную волю.

Чиновник присваивал в свою пользу постоянно работавшие механизмы государства, призванные обеспечивать бесперебойное снабжение страны справедливостью. Зачастую допущенное ради получения взятки нарушение закона приводило к тому, что государство как бы слепло, как бы пьянело, теряя ориентацию в пространстве Добра и Зла, и начинало крушить то, ради чего существует, карать и миловать не тех, кого надо. Вместо того чтобы распространять счастье и изливать благодать, та или иная государственная шестерня, продолжая вращаться как бы как ни в чем не бывало, начинала всего лишь обогащать корыстолюбивого начальника. Не чиновник становился орудием благоносного государства, но государство — орудием преступного чиновника.

Конечно, все это было совершенно нестерпимо и угрожало самим основам упорядоченного и осмысленного социального существования.

Другой существенный момент — это особое отношение права к казенной собственности как таковой. Имущество частных семей, разумеется, тоже было неприкосновенно, защищалось законом, в конце концов — приветствовалось; в танское время идеология общества была уже достаточно далека от идей законников времен Шан Яна, безапелляционно превозносивших бедность народа как благо государства [3]. Но частное — это частное, и оно приносит пользу только частным лицам; общественное же — это то, от чего зависит все общество. Поэтому правозащита общественного никак не могла быть ниже правозащиты частного — напротив, зачастую она старательно повышалась, и остается лишь удивляться человеколюбию и, не побоюсь так выразиться, демократизму танских законодателей, не только не проводивших эту идею с маниакальной, бесчеловечной последовательностью, но напротив, создавших немало законов, в которых общественное и частное имущество были равноправны.

И третье. Танская империя полагала свои законы — претворением в мире людей вселенских законов, установленный законами порядок — отражением порядка мироздания; она стремилась следовать гармонии Небес уже хотя бы с тем, чтобы оказаться столь же вечной, неизменной и всеобъемлющей. Поэтому уже из самых общих соображений она не могла не претендовать на тотальный контроль за всем, что происходит и что перемещается в государстве. То, что происходило и перемещалось не по закону, — нарушало мировой порядок. Некоторые люди по глупости и необразованности своей шли на поводу у

[3] Книга правителя области Шан, 1968. С. 219—223.

страстей, в частности у корысти, и фактически непокорствовали таким образом Небу.

В конкретной материальной практике этот взгляд означал, что всякое перемещение имущества не в соответствии с установленным порядком оказывалось криминальным действием, требующим наказания. Поэтому в разряд имущественных преступлений попали и те деяния, в результате которых совершенно бескорыстный, ни сном ни духом не посягавший на какие-то вещи человек своим действием или бездействием отклонил их движение во времени и пространстве от закономерного, предписанного и гармоничного. Такой человек тоже квалифицировался как похититель. Ведь он похитил имущество у того места или момента, где и когда данное имущество должно было находиться. Во всеобъемлющем закономерном круговороте материальных ценностей из-за некоего его поступка возникла каверна, лакуна, локальная пустота.

Подобный вид имущественного преступления назывался «незаконном присвоением, подлежащим наказанию». В самом Кодексе оно определено как получение имущества неполномочным и не заведующим чиновником в силу выполнения им какого-то служебного дела. Однако судя по разнообразию преступлений (не только чиновничьих), которые надлежало карать с применением норм незаконных присвоений, трактовать эти нормы надлежит расширительно.

Такая трактовка представляется весьма интересной как косвенная характеристика мироощущения танских китайцев в целом.

Присвоение здесь надлежит понимать как осуществление любых действий, из-за которых движение данного имущества отклонилось от закономерного как явочным порядком произведенное «присвоение» права на перемещение. А осуществление служебного дела — как выполнение строго определенной для данной ситуации гражданской обязанности, как возникшую по каким-то причинам вовлеченность в ту или иную ситуацию, для которой существовала строго расписанная законом процедура действий; тем самым всякое отклонение от этой процедуры оказывалось нарушением закона. Стало быть, любой простолюдин пусть и временно, только на период включенности в данную ситуацию и только в связи с функционированием внутри нее, мог ощущаться находящимся на казенной службе человеком — не имеющим никаких административных полномочий, но выполняющим высокий, отчасти сопоставимый с чиновничьим долг перед страной: исполнение конкретного закона.

4

Современный мир явно находится в стадии попыток преодоления очередного глубокого кризиса. Одной из составляющих этого кризиса

является необходимость отыскания нового баланса между свободой индивидуума и его способностью к конструктивному взаимодействию с другими индивидуумами — столь же, а то и более свободными.

Издавна поддержание такого баланса было одной из основных функций порожденной той или иной цивилизацией общественной морали. Только она, с ее общими для больших групп людей представлениями о плохом и хорошем, допустимом и недопустимом, честном и бесчестном, одобряемом и осуждаемом, могла ненасильственным образом превращать спаривающихся особей — в семьи, массы — в коллективы, хаотичное насилие — в скоординированные конструктивные действия.

Ныне, однако, и сама мораль подвергается беспрецедентной эрозии. Помимо перемешивания носителей различных культур, скачкообразного развития средств коммуникации и прочих известных факторов большую роль в этом процессе играет и сама по себе экономическая модель, практически безальтернативно восторжествовавшая на планете и явно готовая оккупировать будущее навсегда.

Мало того что расширение спектра допустимого поведения за счет действий, ранее считавшихся морально недопустимыми, создает иллюзию увеличения степени свободы и имитирует социальный прогресс, с мыслью о непрерывности которого человечество за последние века настолько свыклось, что любую альтернативу почитает за оскорбление в лучших чувствах и апологию тоталитаризма. Но прямо или косвенно это расширение влечет за собой расширение спектра предлагаемых людям экономикой товаров и услуг — а только оно и обеспечивает дееспособность рынка, экономический рост и какую-никакую социальную стабильность. Именно эти два фактора обусловливают то, что былое зло объявляется прогрессивным добром порой почти насильно, на уровне государственных законов, и деморализация внедряется в общественную жизнь под страхом уголовных наказаний.

Что творится при всем при этом с управленцами, как уродливо мутируют их мотивации — трудно даже вообразить. Однако очевидное нарастание безответственности и инфантилизма, а как следствие — и хаоса в мире свидетельствует, помимо многого прочего, о том, что управленческий корпус оказывается в массе своей отнюдь не на высоте вызовов времени.

Попытки хоть как-то парировать эти неприглядные и чрезвычайно тревожные тенденции неизбежно должны включать поиск способов вдохнуть в коллективные представления о Добре и Зле, о нравственных ориентирах, об общепризнанных идеалах и о запретах новую жизнь. Этот поиск чрезвычайно труден уже хотя бы потому, что невозможно дважды войти в одну и ту же реку. Но оказавшись в пустыне, важно помнить, что где-то в мире реки все-таки есть и что в силах

человеческих строить на них дамбы, углублять их русла, окружать их водоотводными каналами и системами оросительных сооружений.

Над противоречием попыток повысить степень этичности человека и полной невозможности сделать это в желаемой мере человечество бьется на всем протяжении своей истории, на всех материках. И хотя прямое применение прежнего опыта заведомо невозможно, его исследование, его осмысление и его учет при осуществлении грядущих попыток такого же рода совершенно необходимы.

Традиционное китайское право с его основополагающим памятником — уголовным кодексом танской династии «Тан люй шу и» можно считать уникальным, беспрецедентным в мировой истории экспериментом по армированию этики уголовно-правовой арматурой. Законы Тан с потрясающей дотошностью и изощренностью воплотили в себе требования культуры к людям, прежде всего — к управленцам. Но в рамках тогдашних представлений совершенный управленец являлся синонимом Человека Воспитанного Творческого Деятельного Ответственного — а ведь именно таким и хотелось бы видеть нынешнего обычного человека, самостоятельно принимающего взвешенные решения, всерьез занятого своим делом и лично ответственного за свою судьбу. Уголовные законы Тан с высочайшей разрешающей способностью, поистине с десяток мегапикселей на один иероглиф, запечатлели идеальный образ такого человека, выработанный тогдашней культурой. Со всеми ее прорывами и тупиками, с ее непреходящими, обладающими поистине общечеловеческой ценностью находками и подчас просто гротескной архаикой.

Эти законы как нельзя лучше демонстрируют сильные стороны уголовно-правового подхода, его, что очень заметно, огромные и поныне отнюдь не исчерпанные возможности. Но эти же законы демонстрируют и пределы этих возможностей, с очевидностью высвечивая рубежи, за которые моральной стандартизации лучше не вторгаться, если она не хочет сделать идеальное общество обществом идеального лицемерия.

Указатель юридических терминов

бэйцзан 倍贓 — двойная стоимость присвоения 172, 198, 230, 247, 251, 254, 262, 263, 271, 291, 292

бэньцзан 本贓 — исходное присвоение, первоначальные объекты присвоения 148

бяньдин 辨定 — согласие подсудимого с приговором 275

вэй жо ли 威若力 — угроза либо сила (критерии грабежа) 158, 167, 192, 199, 220, 260, 262, 289, 307, 309, 325

ган дянь 綱典 — начальники и сопровождающие грузовых траспортов 352, 353, 354, 389

гао 告 — донос 152, 153, 275

гаошэнь 告身 — удостоверение на должность 118, 376

гу 故 — преднамеренные действия 199, 200, 201, 203, 253, 255, 397, 407, 420

гу цзун 故縱 273, 274, 275

гуаньдан 官當 — зачет наказания должностью 122, 276

гуаньсы 官司 — ответственный чиновник 250, 311, 384, 404

гуаньу 官物 — казенные вещи 246, 378, 406

дай со цзяньлинь цайу 貸所監臨財物 — взятие в пользование имущества, находящегося в сфере полномочий 324, 375

дао 盜 — хищение 149, 151, 158, 169, 199, 203, 233, 261, 299

дао со цзяньлинь цайу 盜所監臨財物 — хищение имущества, находящегося в сфере полномочий 215

жу гуань 入官 — передавать в казну 286, 319, 339, 385, 386, 388

жу сы 入私 — передавать в частные руки 314, 318, 319, 340

жу цзи 入己 — брать себе 247, 251, 311, 315, 318, 331, 389, 405

и ванфа лунь 以枉法論 — наказание определяется как за взятку с совершением закона 198, 311, 314, 315, 318, 319, 331, 388

и дао лунь 以盜論 — наказание определяется как за хищение 198, 239, 240, 247, 251, 254, 260, 261, 264, 283, 290, 389, 405, 425

и... лунь 以... 論 — наказание определяется как за... 197

и цедао лунь 以竊盜論 — наказание определяется как за кражу 228

и цяндао лунь 以強盜論 — наказание определяется как за грабеж 199, 202, 204, 210

и шоу со цзяньлинь цайу лунь 以受所監賃財物論 — наказание определяется как за получение (взятие) имущества в сфере полномочий 327, 329, 331, 332

инь 蔭 — тень, 111

лин 令 — общеобязательные установления 24, 119, 152, 183, 213, 243, 265, 275, 313, 322, 343, 394, 409

лэй бин 累併 — суммирование присовокуплением 193, 407

лю цзан 六贓 — шесть присвоений 147

лювай 流外 — вспомогательный штат служащих 213, 376

люй 律 — уголовные установления 154, 322

люнэй 流內 — основной штат служащих, совокупность кадровых ранговых чиновников 181, 183, 213

люэ жэнь 略人 — похищение людей 134, 207, 209
ляньцзо 連坐 — общеслужебная ответственность 251
мянь гуань 免官 — лишение должностей (второе из должностных наказаний) 110, 127, 139, 230, 262, 264
мянь со цзюй гуань 免所居官 — лишение занимаемой должности (третье из должностных наказаний) 110, 117, 119, 120, 230
саньгуань 散官 — почетные должности 265, 279
со бу 所部 — подведомственное (имущество, население и пр.) 99, 124, 356, 363, 390, 405
сюньгуань 勳官 — наградные должности 14, 265
у лю 五流 — пять особых ссылок 112
угао 誣告 — ложный донос 223, 400, 401, 402
фаньдао 凡盜 — обычная кража (совершенная простолюдином у постороннего простолюдина) 215, 220, 263, 284
фаньжэнь 凡人 — посторонний (не родственник) лично свободный простолюдин 227, 239, 376
фаньцзо 反坐 — обратная ответственность 43, 223, 401, 402
фэйъюн 費用 — расточать (имущество, средства и пр.) 151, 404
цедао 竊盜 — кража, воровство 166, 224, 233, 235, 238, 259, 261, 262, 271, 277, 299, 397
цзажэнь 雜任 — разнообразные службы (технический персонал, низовая обслуга государственных учреждений) 376, 403
цзан 贓 — присвоение 201, 267, 298, 366, 385
цзе гуань 解官 — отрешение от должности 120
цзинь бинци 禁兵器 — запретное (не разрешенное к частному владению) военное снаряжение 216, 334
цзиньу 禁物 — запретные вещи (предметы, не разрешенные к частному владению) 153, 241, 334, 335
цзоцзан 坐贓 — незаконное присвоение 185, 194, 299, 332, 333, 352, 355, 368, 369, 377
цзоцзан лунь 坐贓論 — наказание определяется за незаконное присвоение 307, 324, 336, 340, 342, 345, 347, 348, 350, 354, 357, 359, 365, 371, 374, 375, 376, 377, 379, 380, 382, 385, 386, 388, 389, 390, 391, 394, 395, 396, 397, 399, 403, 404, 405, 406, 407, 409, 411, 413, 415, 417, 418, 421, 423, 424
цзоцзан чжи цзуй 坐贓致罪 — незаконное присвоение, подлежащее наказанию (полное название незаконного присвоения) 194, 325, 332, 402, 436
цзыдао 自盜 — хищение у себя (кража чиновником подведомственного ему по службе имущества) 213, 215, 229, 238, 254, 284
цзышоу 自首 — саморазоблачение, явка с повинной 157
цзюньцзы 君子 — совершенный муж, идеальный управленец 71, 73, 78, 80, 83, 86, 87, 93, 94
цзя и лю 加役流 — ссылка с дополнительными работами 156, 168, 182, 198, 203, 205, 215, 230, 252, 267, 270, 274, 311, 314, 315, 318
цзянь 姦 — вовлечение в развратные сношения 127, 129, 136
цзяньдан гуаньсы 監當官司 — надзирающий ответственный чиновник 288, 350
цзяньлинь 監臨 — полномочные (чиновники) 212, 239, 321, 357, 405
цзяньлинь гуаньсы 監臨官司 — полномочный ответственный чиновник 356
цзяньлинь чжи гуань 監臨之官 — полномочный чиновник 227, 374
цзяньлинь чжусы 監臨主司 — полномочные и (или) непосредственно ответственные чиновники 262, 341

цзяньлинь чжушоу 監臨主守 — полномочные и заведующие чиновники 124, 126, 179, 180, 214, 215, 229, 237, 282, 292, 317, 340, 378, 390
цзяньлинь шияо 監臨勢要 — полномочные чиновники и влиятельные лица 303, 304
цзяньчжу 監主 — полномочные и заведующие (чиновники) 198, 237, 254, 292, 316
цзяньшоу нэй 監守內 — в сфере административной ответственности, в пределах полномочий 124
цинцю 請求 — домогательское прошение 177, 303, 369, 370, 371
цисо 乞索 — вымогательство, 382
цицюй 乞取 — взятие по просьбе 191, 309, 326, 375, 382, 399
цяндао 強盜 — грабеж 158, 166, 198, 261, 277, 360, 397
цянцюй 強取 — насильственное взятие, взятие при помощи насилия 263, 308, 359
чжишигуань 職事官 — служебные должности 265, 279
чжунь ванфа лунь 準枉法論 — наказание определяется сообразно взятке с нарушением закона 192, 197, 228, 302, 305, 306, 308, 309, 324, 326, 375, 405
чжунь дао лунь 准盜論 — наказание определяется сообразно хищению 197, 224, 225, 230, 231, 233, 235, 240, 241, 245, 246, 247, 249, 252, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 266, 270, 281, 283, 286, 288, 290, 291, 294, 295, 296, 298, 299, 398, 411
чжунь... лунь 准... 論 — наказание определяется сообразно... 197
чжунь цедао лунь 準竊盜論 — наказание определяется сообразно краже 234, 241
чжусы 主司 — непосредственно ответственные лица 178, 181, 184, 260, 271, 273, 274, 287, 288, 304, 313, 316, 351, 360, 386, 409, 419
чжушоу 主守 — заведующие чиновники 180, 183, 212, 214, 272, 319, 331
чжэнцзан 正贓 — прямые присвоения (шесть основных видов присвоений) 147, 148, 149, 152, 176, 197, 333, 343, 376
чумин 除名 — разжалование (первое из дожностных наказаний) 110, 124, 126, 135, 138, 139, 198, 228, 230, 237, 254, 263, 284, 292, 302, 314, 321
чумянь 除免 — разжалование и лишение (обобщенное название всех трех должностных наказаний) 198, 224, 230, 240, 247, 249, 251, 270, 276, 291
шан 傷 — телесное повреждение, рана 163, 255
шоу со цзяньлинь цайу 受所監臨財物 взятие (получение) имущества в сфере полномочий 188, 302, 308, 322, 324, 325, 333, 356, 371, 372, 375, 382
шоуцай бу ванфа 受財不枉法 — взятка без последующего нарушения закона в пользу взяткодателя 177, 182, 299
шоуцай ванфа 受財枉法 — взятка с последующим нарушением закона в пользу взяткодателя 177, 277, 299, 301, 305, 384, 433
юаньцзан 原贓 — исходное, первоначальное присвоение 148
юй тун цзуй 與同罪 — то же самое наказание (способ определения наказания вовлеченного в преступление лица) 230, 249, 250, 273, 274, 287, 360, 361

Библиография

Дай Янь-хуй. Тан люй тун лунь (Исследование общих принципов танских уголовных установлений). Тайбэй, *1964*.

Лю Цзюнь-вэнь. Тан люй шу и цзяньцзе («Уголовные установления Тан с разъяснениями», откомментированные и растолкованные). Т. 1—2. Пекин, *1996*.

Ниида Нобору. То рё сю и (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, *1964*.

Синь Тан шу (Новая история Тан). Т. 1—20. Пекин, *1975*.

Сяо цзин (Канон сыновней почтительности) // Сыбу бэйяо (Избранные произведения по четырем разделам литературы). Т. 8. Шанхай, *1936*.

Тан лю дянь (Шесть уложений Тан) [Электронный ресурс]. URL: http://gsgy.fudan.edu.cn/daodu/tangliudian_content.htm (дата обращения 21.05.2015).

Тан люй шу и (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн (Библиотека-серия). Т. 775—780. Шанхай, *1936—1939*.

Тан хуй яо (Важнейшие материалы Тан) // Цун шу цзи чэн (Библиотека-серия). Т. 813—828. Шанхай, *1936—1939*.

Цзю Тан шу (Старая история Тан) // Сыбу бэйяо (Избранные произведения по четырем разделам литературы). Т. 72—74. Шанхай, *1936*.

Чжунго жэньмин да цыдянь (Большой словарь китайских персоналий). Шанхай, *1984*.

Большой китайско-русский словарь / под ред. проф. И. М. Ошанина. Т. 1—4. М., *1983—1984*.

Васильев Л. С. Этика и ритуал в трактате «Ли цзи» // Этика и ритуал в традиционном Китае. М., *1988*.

Васильев Л. С., *Фурман Д. Е*. Христианство и конфуцианство (опыт сравнительного социологического анализа) // История и культура Китая. М., *1974*.

Воскресенский Д. Н. Человек в системе государственных экзаменов (тема и литературный герой в китайской прозе XVII—XVIII вв.) // История и культура Китая. М., *1974*.

Древнекитайская философия. Т. I—II. М., 1994.

Жуховицкий Л. Двухсотлетняя война // Нева. 2011. № 6.

Кампанелла Т. Город Солнца. М., *1954*.

Книга правителя области Шан / пер. с кит., вступ. ст. и коммент. Л. С. Переломова. М., *1968*.

Кроль Ю. Л., Романовский Б. В. Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // Страны и народы Востока. Вып. XXIII: Дальний Восток (История, этнография, культура). М., *1982*.

Кульпин Э. С. Традиционный Восток: факторы стабильности (экологические аспекты) // Феномен восточного деспотизма. Структура управления и власти. М., *1993*.

Кульпин Э. С. Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства. М., *2007*.

Кульпин Э. С. Восток. Природа, технологии, ментальность на Дальнем Востоке. М., *2009*.

Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права (VII—XIII вв.). М., *1986*.

Мартынов А. С. Конфуцианская утопия в древности и средневековье // Китайские социальные утопии. М., *1987*.

Мартынов А. С. Конфуцианство. «Лунь юй». Т. 1—2. СПб., *2001*.

Мор Т. Утопия. М., *1978*.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., *1981*.

Переломов Л. С. Конфуций: жизнь, учение, судьба. М., *1993*.

Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3. М., *1994*.

Рыбаков В. М. Право и рынок в танском Китае // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. XVIII. СПб., *1999*.

Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Ч. 1: Генезис и структура. СПб., *2009*.

Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Ч. 2: Правовое саморегулирование. Т. 1. СПб., *2013*.

Рыбаков В. М. Законы китайской династии Тан «о действиях, которые не следовало совершать» // Восток-Запад: историко-литературный альманах: 2013—2014. М., *2014*.

Рубин В. А. Личность и власть в идеологии традиционного Китая (страницы из дневника) // Личность в традиционном Китае. М., *1992*.

Рубин В. А. Личность и власть в древнем Китае. М., *1999*.

Свод законов «*Тайхорё*» / вступ. ст., пер. с древнеяп. и коммент. К. А. Попова. Т. 1—2. М., *1985*.

Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 1—8. СПб., *1999*.

Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 9—16. СПб., *2001*.

Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 17—25. СПб., *2005*.

Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан люй шу и) / введ., пер. с кит. и коммент. В. М. Рыбакова. Цзюани 26—30. СПб., *2008*.

Франкль В. Э. Страдания от бессмысленности жизни. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, *2009*.

Цаплин В. Разумное, но не мыслящее // Полдень. XXI век. *2009*. № 3.

Шацкий Е. Утопия и традиция. М., *1990*.

Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., *1981*.

Bodde D., Morris C. Law in Imperial China. Camb., *1967*.

Cooper R. Why we still need empires? // The Observer. 07.04.*2002* [Электронный ресурс]. URL: http://observer.guardian.co.uk/worldview/story/0,,680117,00.html (дата обращения 19.05.2015).

Tu Wei-ming. Multiple modernities — implications of the rise of «Confucian» East Asia // Chinese Ethics in a Global Context. Leiden; Boston: E. J. Brill, *2002*.

Hucker Ch. A dictionary of Official Titles in Imperial China. Stanford, *1985*.

Kutcher N. Mourning in Late Imperial China. Filial Piety and the State. New York: Cambridge University Press, *1999*.

Legge J. The Chinese Classics. Vol. I: Confucian Analects, The Great Learning, The Doctrine of the Mean. Hong Kong, *1960*.

Lin Li. The difficulties of importing the Western idea of human rights into China — a jurisprudential approach // Chinese Ethics in a Global Context. Leiden; Boston: E. J. Brill, *2002*.

Madsen R. Ethics and the Family: China/West // Chinese Ethics in a Global Context Leiden; Boston: E. J. Brill, *2002*.

Rotours R. des. Traite des Fonctionnaires et traite de l'Armee. Vol. 1—2. Leiden: E. J. Brill, *1947—1948*.

The Chinese Classics. With a translation, critical and exegetical notes, prolegomena and copious indexes by James Legge. Hong Kong, *1960*. Vol. I.

The T'ang Code. Vol. 1: General Principles / Transl. with an introd. by Wallace Johnson. Princeton, *1979*. Vol. II: Specific Articles. Princeton, *1997*.

Twitchett D. C. Financial Administration under the T'ang Dynasty. Cambridge, *1963*.

Wang Y. Chu. Ideas and Men in Traditional China // Monumenta Serica. Journal of Oriental Studies. *1960*. Vol. XIX.

Weber M. The Religion of China: Confucianism and Taoism / Transl. and ed. by Hans H. Gerth. Glencoe, IL: Free Press, *1951*.

Вячеслав Михайлович Рыбаков

ТАНСКАЯ БЮРОКРАТИЯ

Часть 2. Правовое саморегулирование. Том 2

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я № 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site*: http://www.pvost.org

Главный редактор — *О. И. Трофимова*
Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Корректор — *Т. Г. Бугакова*

Подписано в печать 24.08.2015. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$
Бумага офсетная. Печать офсетная
Объем 26,2 уч.-изд. л.; 26 печ. л
Тираж 500 экз.
Заказ №

Первая академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

PRINTED IN RUSSIA